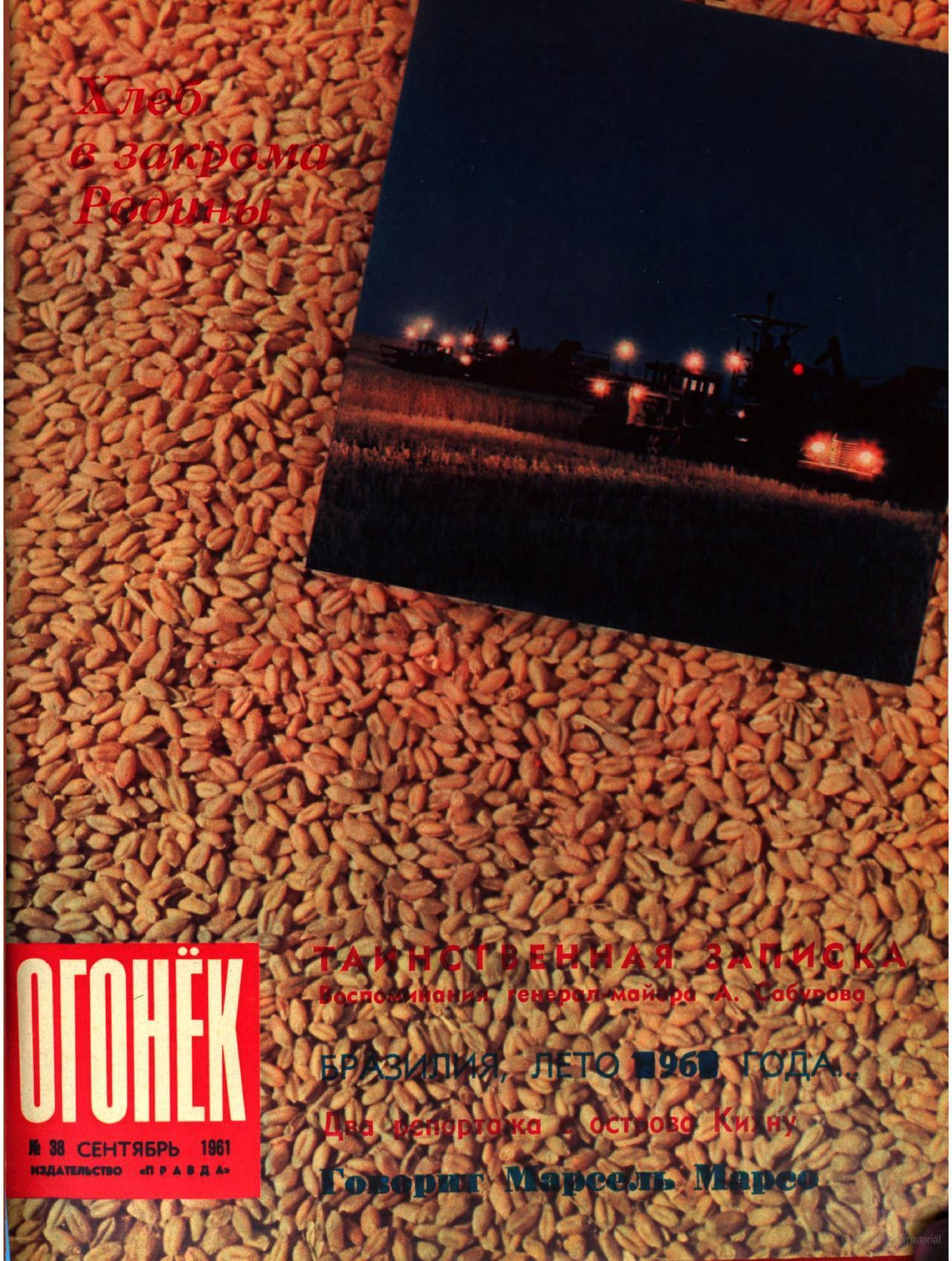
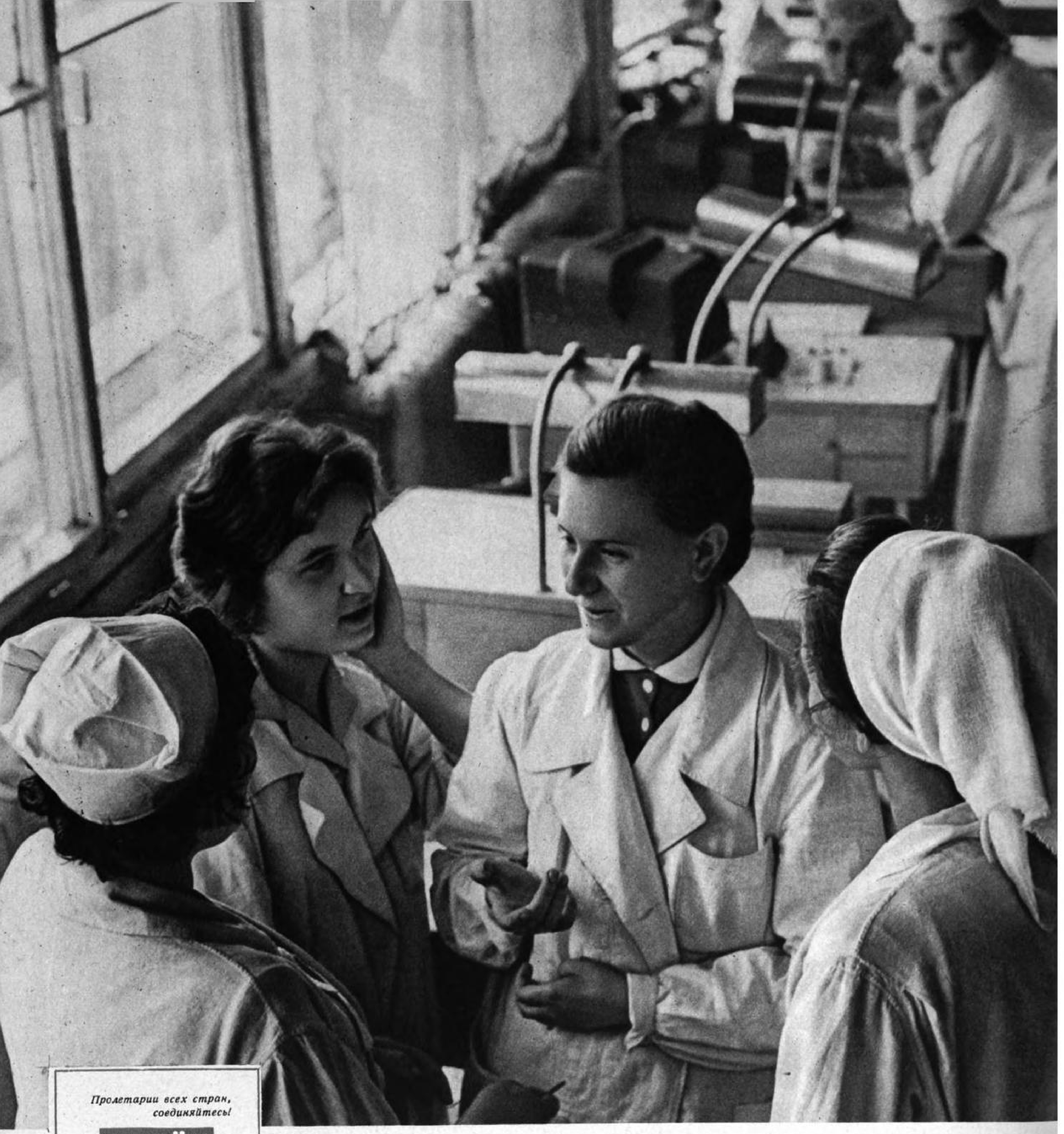

Хлеб в закрома Родины
ОГОНЁК
№ 38 СЕНТЯБРЬ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
ТАИНСТВЕННАЯ ЗАПИСКА
Воспоминания генерал-майора А. Сабурова
БРАЗИЛИЯ, ЛЕТО 196 ГОДА...
Два репортажа с острова
Говорит Марсель Марсо

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 38 (1787)

17 СЕНТЯБРЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ и ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ДЕЛЕГАТ С ЧАСОВОГО

Ну как могут подруги по цеху не завидовать Валентине Крючковой, сборщице Второго московского часового завода! Ведь Валентина встретилась на партконференции с первыми космонавтами — Ю. Гагариным и Г. Титовым. Вот теперь она и рассказывает товаркам об этой встрече.

Самых достойных, самых лучших посылает партия на свой съезд. Большое счастье выпало на долю Валентины Крючковой, но товарищи, оказавшие ей высокую честь, считают, что она заслужила это. Отличный работник, верный друг — делегат XXII съезда КПСС Валентина Крючкова.

Фото Дм. Бальтерманца.

Н. С. Хрущев перерезает красную ленту.

Имени XXII съезда КПСС

НА СТАЛИНГРАДСКОЙ ЗЕМЛЕ БОЛЬШОЙ ПРАЗДНИК: ДОСРОЧНО СДАНА В ЭКСПЛУАТАЦИЮ САМАЯ КРУПНАЯ В МИРЕ ВОЛЖСКАЯ ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ ИМЕНИ XXII СЪЕЗДА КПСС. НА ТОРЖЕСТВА ПРИБЫЛИ ТОВАРИЩИ Н. С. ХРУЩЕВ, Д. С. ПОЛЯНСКИЙ, Г. И. ВОРОНОВ. В ГОРОДЕ ВОЛЖСКОМ СОСТОЯЛСЯ МИТИНГ, НА КОТОРОМ, ВСТРЕЧЕННЫЙ ГОРЯЧИМИ АПЛОДИСМЕНТАМИ СОБРАВШИХСЯ, С РЕЧЬЮ ВЫСТУПИЛ ТОВАРИЩ Н. С. ХРУЩЕВ.

ЛЕНИНСКИЙ УТЕС

А. СОФРОНОВ

В какое красивое и напряженное время мы живем! Вся страна наполнена строительным гулом, на всех ее просторах каждый день рождаются новые трудовые подвиги и победы. Непрерывно наше движение вперед. В богатырском порыве создают новое общество наши, как их привыкли иногда называть, простые люди. Простые в обращении, в характере, душевном расположении друг к другу, к гостям и товарищам, и очень не простые создатели материальных ценностей эпохи строительства коммунистического общества. Да они и не могут быть простыми. Вся великолепная советская техника, от той, которая поднимает на сотни километров вверх чудодейственные ракеты, до техники, рождающей на наших земных просторах промышленные гиганты, создана высокообразованными советскими людьми, обладающими великой культурой духа и неугасимым мужеством строителей.

Сегодня мы являемся свидетелями новой победы на Волге. Вступила в действие Волжская гидроэлектрическая станция имени XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза.

Мы стоим на широкой плотине, над ее железобетонными устоями и видим, как качаются на волжской воде огни электростанции. Сталинградцы нам поясняют:

— Здесь было старое русло Волги.

Теперь Волга пошла по новому руслу. Но это и есть новое русло нашего времени, ибо по старым руслам люди советского общества не могут продвигаться вперед. В ежедневных заботах, в труде мы иногда не замечаем, как идет время: день прибавляется ко дню, неделя — к неделе, годы вытягиваются в вереницу. Но есть события, которые как бы делят наше время, поднимают его на новые ступени. Таким событием в сентябре 1961 года явилась рожденная на Волге самая мощная в мире гидроэлектростанция.

Невольно встает в памяти май 1943 года. Отгремели орудийные залпы, война ушла от Волги далеко на запад. Сталинград. Руины. Зна-

Машинный зал ГЭС.

Н. С. Хрущев, Д. С. Полянский, Г. И. Воронов и сопровождающие лица с командой теплохода «Добрыня Никитич».

Н. С. Хрущев, министр строительства электростанций И. Т. Новиков (слева) и начальник «Сталинградгидростроя» дважды Герой Социалистического Труда А. П. Александров в машинном зале.

Днем и ночью суда проходят через шлюз Волжской ГЭС имени XXII съезда КПСС.

менитый дом Павлова. Разбитая мельница, осколки снарядов, иссеченные пулями деревья... Сталинград. Только трава тянулась к солнцу. Поднималась трава да небольшие времянки из жести и дощечек от снарядных ящиков... А над Волгой люди — худые, с изможденными лицами, вернувшиеся в свой родной Сталинград. Это никогда не забудется. Будет вечно жить в памяти народов подвиг Сталинграда, подвиг сталинградцев.

И вот сегодня вы ходите по широким проспектам прекрасного города: проспект Ленина, проспект Мира, поселок тракторостроителей, Дворцы культуры, памятник-монумент, поднимающийся от подножия Мамаева кургана к его вершине...

Это и есть Сталинград, новый, светлый, как бы шагнувший уже в то общество, о котором мы мечтаем, которое мы строим сейчас всем народом.

И сталинградцы... Молодые и старые, седые ветераны и рядом с ними — русые ребятишки. Кажется, многие еще подростки. Но это и есть герои, которые подняли и перекинули через Волгу грандиозную плотину.

Когда-то здесь от взрывов фашистских бомб кипела волжская вода. По ней на катерах, на лодках, на чем возможно переправлялись боеприпасы защитникам Сталинграда. Это была военная переправа. А сейчас мы видим новую

Хлебом-солью и радостными улыбками встречали на аэродроме Никиту Сергеевича.

Н. С. Хрущев с юными сталинградцами.

переправу — плотину Сталинградской ГЭС. Это одна из переправ в будущее.

За несколько минут до торжественного момента, когда Никита Сергеевич Хрущев перерезал широкую красную ленту, я разговаривал с Ильей Герасимовичем Деменко. Он не мог скрыть своей радости: радио принесло весть о том, что ему, бригадиру комплексной бригады бетонщиков, присвоено звание Героя Социалистического Труда. Он стоял немного торжественный, а улыбка, счастливая улыбка лучиком солнца светилась в его глазах. Деменко говорил:

— Если бы вы видели еще месяц тому назад, что было в этом зале, а теперь... Хорошо ребята поработали! Очень хорошо!

— Что же дальше, Илья Герасимович, собираетесь делать?

— О, дела много! Может, поедем в Сибирь, а может, останемся здесь, на Волге. Для нас, энергостроителей, дела много.

А через несколько часов в городе Волжском, выступая на митинге, Илья Деменко говорил: «В дни подготовки к XXII съезду партии в нашей бригаде установилось хорошее правило: сегодня работать лучше, чем вчера!»

Рядом с Ильей Деменко стоял Никита Сергеевич Хрущев и смотрел нежным отеческим взглядом на молодого рабочего. Вот так же, с такой же гордостью смотрел Никита Сергеевич и на Юрия Гагарина и на Германа Титова. А здесь был бетонщик, с русым, коротко подстриженным чубчиком, Илья Деменко, рабочий, один из тех, чьими руками возведено грандиозное сооружение.

В эти дни у всех на устах программные слова В. И. Ленина: «Коммунизм—это есть Советская власть плюс электрификация всей страны». С каждым днем этих плюсов у нас становится все больше. И это — огромное счастье для всего нашего народа.

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

По приглашению Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева в Советский Союз прибыли Президент Республики Куба доктор Освальдо Дортикос Торрадо и другие государственные и общественные деятели страны.

Советские люди оказали руководителям революционной Кубы сердечный прием.

На снимке: во время визита доктора Освальдо Дортикоса Л. И. Брежневу.

Фото Е. Умнова.

Большим событием в жизни КНДР явился IV съезд Трудовой партии Кореи, открывшийся 11 сентября. С отчетным докладом на съезде выступил председатель ЦК Трудовой партии Кореи товарищ Ким Ир Сен.

Участники съезда тепло приветствовали делегацию Коммунистической партии Советского Союза во главе с членом Президиума ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС Ф. Р. Козловым и посланцев других братских партий.

На снимке: в президиуме съезда.

Фото ЦТАК (принято по фототелеграфу).

ТЕАТРЫ — СЪЕЗДУ

Давняя творческая дружба связывает композитора И. Дзержинского с писателем Михаилом Шолоховым, с его глубоко народным творчеством. Оперы «Тихий Дон», затем «Поднятая целина» и сейчас «Судьба человека» созданы на основе любимых народом шолоховских произведений. В дни съезда партии опера «Судьба человека» И. Дзержинского пойдет на сцене Большого театра.

МХАТ покажет комедию Александра Корнейчука «Над Днепром» — пьесу о тружениках колхозной нови, людях неподкупной совести и ясной цели. Сценическую жизнь во МХАТе получает новая пьеса молодого автора Игоря Соболева «Хозяин»; она переносит нас на степные просторы целины, где живут и трудятся мастера высоких урожаев.

Сразу два новых спектакля — «Весенний гром» и «Честность» — покажет Малый театр. В Центральном театре Советской Армии пойдет современная комедия «Левониха на орбите». Мастера Театра имени Моссовета покажут спектакль «Антей» Миколы Зарудного о сельских партийных работниках.

Обаятелен облик коммуниста, демобилизованного воина в пьесе «Солдат вернулся домой». Главную роль в этом спектакле Театра сатиры играет Б. Тенин.

На сцене Кремлевского театра будут показаны лучшие спектакли. Здесь же, в нарядных, просторных фойе, развернется большая театральная выставка.

М. МИРИНГОФ

На проспекте Ленина в городе Волжском.

Утопают в зелени улицы Сталинграда.

Фото А. Гостева, А. Ляпина, С. Раскина.

О том, что это счастье, можно было прочитать в глазах каждого сталинградца в теплые дни знаменитой волжской осени. Это виделось во всем облике города-героя.

Когда-то народ сочинил песню: «Есть на Волге утес»... Красивая, могучая песня. Но сейчас над Волгой поднялся новый утес, **Ленинский утес**, сверкающий огнями, величественный и красивый, как символ нашего героического времени. И этот утес не стоит одиноко, целый каскад таких утесов поднялся над великой русской рекой. И мы видим, как расходится их могучая сила по проводам, шагающим через заволжские степи,— во все края нашей Родины. Это идет ток Сталинграда, ток нашего советского времени.

...В памяти от военных лет сохранился снимок, когда-то напечатанный в одной из центральных газет: фонтан в Сталинграде, на котором были скульптурно изображены ребятишки. Вокруг рвались бомбы и снаряды, фонтан был изрешечен осколками, но фигурки ребятишек, как воспоминание о мирной жизни, продолжали стоять в осажденном городе. А сейчас, через восемнадцать лет после Сталинградской победы, мы видим десятки фонтанов, видим счастливых, веселых детей на улицах Сталинграда. Это и есть наше будущее, ради которого мы живем, строим, отстаиваем наш новый мир, наступаем на старый, дряхлеющий мир,— ради наших детей, ради наших современников, тех, кто в золотые осенние дни 1961 года восторженно радовались ослепительным огням Сталинграда.

ТРУДОВЫЕ УСПЕХИ—ТЕБЕ, ПАРТИЯ!

БАКУ

В Баку открылась республиканская художественная выставка, посвященная XXII съезду КПСС. 230 работ создали азербайджанские живописцы, скульпторы и графики в подарок съезду родной партии.

На снимке: в одном из залов выставки.

Фото Ю. Шакова и Г. Щербакова.

РИГА

Из Атлантического океана в рижский порт вернулся рефрижераторный траулер № 316 «Кришьянис Валдемарс», выполнив задание на 13 суток раньше срока.

Перед рейсом команда корабля взяла обязательства в честь XXII съезда КПСС и, отлично поработав, выполнила их на 125 процентов.

Как сообщил старший помощник капитана Силласоо, траулер № 316 после десятидневной стоянки снова выходит на промысел.

Фото Г. Санько.

ТЫРНЫАУЗ

Высоко в горах расположился рудник «Молибден» Тырныаузского комбината Кабардино - Балкарской АССР. И шахтеры стараются быть на высоте: 45 тысяч тонн руды сверх плана обязались они добыть к открытию XXII съезда КПСС.

На снимке: бригада коммунистического труда — шахтеры рудника «Молибден» — возвращается из забоя.

Фото Л. Бородулина.

Люди твердого слова

В день, когда радио сообщило о созыве XXII съезда КПСС, Василий Солтус, мастер мартена Луганского тепловозостроительного завода, собрал плавильщиков.

— Чем встретим партийный съезд?

Бригада решила: подписать коммунистический вексель — выплавить к 17 октября 500 тонн стали сверх плана.

И вот паренек с Украины сидит в зале заседаний Центрального комитета комсомола. Идет Бюро ЦК. Один за другим на трибуну поднимаются юноши и девушки, цвет рабочей молодежи Страны Советов. Все, как один, рапортуют:

— Слово, данное партии, мы сдержали!

...Прямо с заседания ЦК «Огонек» пригласил группу молодых строителей коммунизма в редакцию. Здесь состоялся задушевный разговор. О своей жизни, работе, учебе, о планах на будущее рассказали В. Солтус, Шура Скрипник, работница Симферопольского кожевенно-обувного комбината, бурильщик рудника Эге-Хая, Верхоянского района Якутии Геннадий Ягущенко, токарь из Тюмени Лилия Маслова, электрообмотчик Зестафонского ферросплавного завода в Грузии Тенгиз Какочашвили, механик рыболовного траулера из порта Невельск на Сахалине Леонид Слюсарчук и мастер Чимкентского свинцового завода Дабыл Анаралиев.

На снимке: участники заседания Бюро ЦК ВЛКСМ в редакции «Огонька».

Фото М. Савина.

ПОДУМАЕМ, ПОГОВОРИМ, ПОСПОРИМ

Что вы

Е. ТЕМЧИН

Как-то главный инженер егорьевского станкозавода «Комсомолец» Лев Николаевич Сновский созвал мастеров сборочных участков. Повод был не совсем обычный.

Сновский — молодой главный инженер, на заводе сравнительно недавно. До этого работал в специальном конструкторском бюро главным технологом. Образованный инженер, хороший теоретик и практик-технолог, он привык к тому, что каждый руководитель бригады, конструктор или технолог всегда мог ответить на любой вопрос о делах в его бригаде, о том, над чем работают люди, о степени их загрузки, о перспективных и текущих делах. Причем ответы эти всегда технически обоснованы, конкретны. Сновский, воспитанник специального конструкторского бюро, привык к этому. Здесь же, на «Комсомольце», его немало удивляло, когда мастера на какой-нибудь пустячный вопрос отвечали неуверенно, а то и просто отмалчивались.

— Вы, оказывается, не знаете, что происходит у вас на участке? — жестко спрашивал Сновский.

Мастера отмалчивались.

Он терял терпение.

— Значит, вы не справляетесь с работой...— И уходил. Уходил, но потом долго размышлял о причинах странного поведения мастеров. В чем же все-таки дело? Если не все, то уж во всяком случае большинство мастеров — люди опытные, знающие производство, как свои пять пальцев, и вдруг...

Он решил собрать их, чтобы поговорить начистоту.

Поначалу разговор не клеился. Отвечали односложно, неохотно.

— Да что же вы в молчанку играете? — в который раз спрашивал Сновский.— Почему не вникаете в работу участков? Мешает что-нибудь?

Наконец поднялся старый мастер, взглянул в упор на главного инженера и сказал:

— А то не знаете, Лев Николаевич? Некогда нам вникать. Детали таскаем с участка на участок. Бегаем по цехам, утрясаем всякие текущие дела. Бывает, и слесарить приходится. За столом-то сидеть некогда, подумать нет времени... Вот, к примеру, чем я сегодня занимался? Детали весь день припиливал да комплектовал. Ну скажите, должен мастер это делать?..— Старик даже вспотел от волнения.— Кольцо натуральное получается. С меня спрашивают количество и качество. Выпусти, мол, со сборки столько-то станков, и чтобы они точные были, высококачественные. Ну, допустим, количество я обеспечу. Мощностей на участке хватает, людей квалифицированных достаточно. Но вот с качеством-то сложнее. Плохо дело с качеством...

Так начался этот разговор. Он заслуживает, чтобы его суть передать читателю. Разговор этот имеет принципиальное значение и не только для «Комсомольца».

Почему старый мастер сказал, что «с качеством сложнее»? Почему он часть рабочего времени тратит на подгонку деталей? И какая взаимосвязь между качеством продукции и «слесарничаньем» мастера, и почему он вынужден тратить часть рабочего дня на дополнительную обработку деталей? И почему здесь, выражаясь словами старого мастера, «натуральное кольцо получается»?

Не один год «Комсомолец» выпускает зубообрабатывающие станки. Это очень сложные и точные машины. Тут погрешность в несколько микронов считается непоправимым браком. Понятно! Погрешность станка будет неизбежно скопирована на детали, которую обрабатывают на нем. Причем в увеличенных масштабах. А машины, которые выпускает «Комсомолец», предназначены для нарезания зубчатых передач, тех самых зубчатых передач, которые стоят на автомобилях и эскалаторах, на судах и на станках, на крошечных, величиной с копейку, дамских часиках и на огромных, длиной чуть ли не с полкилометра, прокатных станах. Зубчатые передачи должны работать мягко, почти бесшумно. Если новые шестерни в машине грохочут, ревут — значит, они сделаны неточно, значит, станок, на котором их нарезали, плохого качества. Может быть, это станок с «Комсомольца»?.. Что ж! Вполне вероятно.

Но мастера с «Комсомольца» хотят, чтобы зубчатые передачи, изготовленные на станках с маркой их завода, были долговечны. Потому-то мастера занимаются пригонкой деталей. Позвольте, удивится читатель, знакомый с производством, но почему мастера, а не слесари? Ведь это прямая обязанность слесарей — заниматься пригонкой деталей. В том-то и дело, что нет. Не прямая обязанность. И в технологии такой операции нет. И деньги за пригонку платить не полагается. А бесплатно работать согласится не всякий слесарь.

— Тут какое-то недоразумение? — снова предвижу вопрос читателя.

Пожалуй. Только недоразумение это узаконено. Дело в том, что год от года заводу планировали систематическое снижение себестоимости станков. Техническая же и организационная база для этого снижения была недостаточна. Но снижать-то себестоимость нужно! И снижали. Отказались сначала от одной технологической операции, потом от другой, третью вообще не ввели в технологию... В план кое-как укладывались. Но зато качество станков становилось раз от разу хуже — на самую малость, но хуже. И все чаще мастера вместо того, чтобы руководить своими участками, шли к слесарным верстакам и подпиливали, зачищали, подгоняли детали, из которых будут собраны новенькие зуборезные станки...

Вот обо всем этом и шел разговор у главного инженера Сновского с мастерами. Сновский слушал мастеров, понимая, что они правы, понимая, что нужно искать какой-то выход из положения. Но... выхода не находил.

— Давайте введем в технологию дополнительные операции. Ну, хотя бы по пригонке и комплектовке деталей,— предлагали мастера.

Он молчал.

— Давайте введем специальный фонд зарплаты на дополнительные операции. Этот фонд будем использовать там, где нужно повысить качество,— предлагали мастера.

Сновский молчал. Теперь настала его очередь молчать. Что мог он, главный инженер, ответить мастерам? Себестоимость заводской продукции утверждена. Она должна меняться только в одном направлении. Она обязана снижаться. Кто же разрешит увеличить себестоимость? Совнархоз? Госплан? Кто даст «Комсомольцу» резервные фонды трудоемкости?

«Да. Но ведь речь идет о качестве продукции, о том, сколько она будет служить народному хозяйству. И все-таки кто рискнет?» — спрашивал себя Сновский. И не находил ответа. И ничего, кроме общих фраз о том, что нужно бороться за качество продукции, не мог сказать мастерам.

Недавно я побывал на московском заводе «Фрезер». Меня интересовал только один вопрос: чтó мешает заводу выпускать высококачественный металлорежущий инструмент? Причины те же, что и на «Комсомольце». Только на «Фрезере» дело дошло до абсурда. Посудите сами.

Для нарезания резьбы в отверстиях применяется специальный инструмент — метчик: стерженек из твердой инструментальной стали, с довольно сложной геометрической формой, напоминающей обычный болт. Но это довольно сложный инструмент, и технология его изготовления, естественно, сложнее, нежели технология изготовления болта. И тем не менее себестоимость метчика гораздо ниже себестоимости обычного грубого болта. На «Фрезере» подсчитали и ахнули. Метчик дешевле болта! Неслыханно! Результаты расчетов, как это ни странно, не обрадовали инженеров с «Фрезера». Парадокс, но дешевизна выпускаемого заводом инструмента настроила инженеров на грустный лад.

— Понятно! — говорили они друг другу.— Наши метчики стоят гроши, откуда же им быть высо-

НАШ ХЛЕБ

Каждый день — за завтраком, обедом и ужином — появляется у нас на столе батон белого хлеба. Обычный батон. Ничем вроде не отличается от того, что ели наши деды и прадеды. Разве только выпечка иная, да мука побелее. А вот, поди ж ты, есть, оказывается, у нашего хлеба одна особенность: долгий путь проходит зерно, пока не станет хлебом, и на всем этом пути его не коснется рука человека. «Как не коснется?» — спросите вы. Ну что ж, давайте проследим путь хлеба с самого начала.

Давно позабыты, сданы в музей серп, соха и лукошко. На бескрайние наши поля пришла мощная отечественная техника. Наступил век механизации. Хлеб стали делать машины.

Весной землю обработали мощные тракторы, засеяли ее отборным, первосортным зерном тоже машины — сложные рядовые сеялки. И земля отблагодарила колхозников — ну хотя бы Воронежской области, например,— богатым урожаем. На уборку его вышли быстроходные косилки, комбайны, автомашины.

За несколько дней машины скосили, обмолотили и свезли на элеватор весь хлеб. Даже в грузовики он загружался механическими погрузчиками.

←
И вот эшелон с воронежским зерном прибыл в Москву. Рабочим элеватора нужно только открыть дверцы вагонов. Всю разгрузку произведут машины.

— Все работники нашего комбината включились в борьбу за право называться предприятием коммунистического труда,— говорит бригадир обойщиков Московского мукомольного комбината № 3 В. Г. Булгаков.— Это будет наш подарок XXII съезду партии.

В цехах комбината вы почти не увидите людей. Работу выполняют механизмы.

«Систематическое повышение качества продукции является обязательным требованием развития экономики».

(Из проекта Программы КПСС)

ГОДНЕЕ?

кокачественными? Потребители недовольны. Они все время твердят: «Дайте нам метчики получше. Пусть будут немного подороже, но чтобы работали дольше. Нам это выгоднее... Вы что, не умеете делать хороший инструмент?..»

— Умеем,— вздыхают на «Фрезере».— В том-то и дело, что умеем и хотим, но...

Вот об этих «но» и следует поговорить всерьез. Сейчас, когда советский народ обсуждает проект Программы Коммунистической партии, великую программу построения коммунистического общества, вопросы качества выпускаемой продукции, ее долговечности приобретают особенно большое значение. Качество, долговечность, надежность — пусть экономисты наконец всерьез займутся этими вопросами. Пусть подсчитают, что выгоднее для народного хозяйства: выпускать, допустим, метчик себестоимостью в две копейки или пусть он обходится в две с половиной копейки, но зато срок его службы удлинится вдвое? Что же все-таки выгоднее? Странный вопрос, не правда ли? Понятно, государству выгоднее, если «Фрезер» будет выпускать некоторые виды инструмента ценой чуть подороже, но качеством получше. Но ведь эту мысль нужно подтвердить расчетами. К вопросу нужно подойти с чисто экономических позиций.

Однажды на «Фрезере» произвели такой эксперимент. Взяли десяток обычных сверл и начали ими работать. И только два из них просверлили положенное число отверстий, остальные сразу же вышли из строя. Фрезеровцы бросились искать причины столь низкого качества продукции. Их оказалось несколько. И они образовали замкнутую цепочку, причем разорвать ее прямо-таки невозможно. Первая причина — крайне высокие режимы обработки сверл. Но снижать эти режимы нельзя. Завод перестанет выполнять план. Рабочие будут меньше зарабатывать. А кроме того, увеличится себестоимость сверл. Кто же разрешит заводу провести все эти мероприятия? И оставили почти все, как есть. Правда, кое в чем все же удалось изменить технологию, качество немного улучшилось, теперь уже из десятка пять сверл работали нормально. Но все-таки пять-то не отвечали техническим требованиям. А на их изготовление был затрачен труд, металл. Работали станки. Те самые станки, что так необходимы были для выполнения плана. И выходит, что половина людей и половина станков работали вхолостую. Мало того! Металлургическая промышленность поставляла «Фрезеру» дорогостоящую быстрорежущую сталь в полном объеме. А оказалось, что половина этой стали использована тоже впустую. Ведь из десяти сверл проработали положенный срок только пять.

Почему же так происходит? Дело в том, что завод, стремясь снизить себестоимость изделий, не всегда бывает достаточно технически подготовлен к этому. Так произошло на «Фрезере». Так было и на «Комсомольце».

Из года в год предприятие получает план по снижению себестоимости продукции. План этот нужно выполнять. Если, например, себестоимость сверла в прошлом году определялась планом в три копейки, то в нынешнем году полагается, чтобы сверло стоило на полкопейки дешевле. Завод практически заинтересован лишь в выполнении плана по всем показателям. Ведь это высокие места в соревновании. Это премии... А как работает продукция у потребителя, какова ее стойкость, какова ее долговечность там, на рабочих местах? Ни одним планом не учитывается долговечность, качество. А в результате мы тратим огромные деньги на выпуск продукции низкого качества, недолговечной.

Наше народное хозяйство должно выпускать лучшие в мире машины, долговечные и высококачественные. Советский человек должен пользоваться добротными, красивыми вещами. А чтобы так было, нужно кое-что изменить.

И в первую очередь перемены должны быть в планировании. Нельзя давать предприятиям планы, в которых ни слова о качестве продукции. Качество нужно и можно планировать так же, как это делают с количеством. И не нужно скупиться на премии, если завод перевыполняет план, выпуская больше высококачественной продукции. Премии нужны. Они необходимы. У качества должен быть материальный стимул. И право же, пора наконец пересмотреть вопросы ценообразования и себестоимости продукции. Время идет. Когда-то ныне действующая система удовлетворяла всех, теперь она вряд ли кого-либо удовлетворяет. Если экономически целесообразнее выпускать, допустим, сверло чуть подороже, но зато качеством получше, так зачем же мешать полезному делу!

Давайте по-хозяйски подойдем к делу. Давайте считать. Ведь на некоторых заводах погоня за снижением себестоимости продукции зашла слишком далеко. Многочисленные замены одного металла другим, одного профиля другим в погоне за снижением себестоимости уменьшают срок службы продукции. Например, кузов легкового автомобиля можно сделать из листовой стали толщиной в полтора миллиметра, а можно и из миллиметровой. Что целесообразнее? Экономить сталь в ущерб долговечности или главным образом бороться за долговечность? Где критерий? На заводе нередко рассуждают так: будем делать из миллиметровой стали. Форму этот кузов сохранит. Конечно, лучше бы взять сталь потолще, это придало бы большую жесткость конструкции, но... и так сойдет. Зато сэкономим. Зато себестоимость уменьшится.

Верно! И себестоимость снижается, и экономия есть. Но экономия ли это в масштабах всего народного хозяйства? Ведь кузов-то стал менее надежен!

Таких примеров можно привести бесконечное множество. Получается весьма странно. Завод может снижать себестоимость любыми путями. Это поощряется. Завод может в погоне за удешевлением продукции заменять один металл другим, менять технологию, менять режимы обработки. Лишь бы продукция эта оставалась работоспособной. Но какова долговечность этой продукции какова ее стойкость? Кто на заводе всерьез занимается этими вопросами? Если всерьез, то никто. Завод выпустил дешевую машину, но когда начинают дождем сыпаться рекламации, когда потребители поднимают бунт, когда жалобы начинают донимать, тогда объявляется аврал.

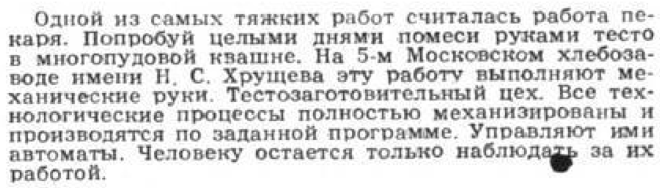
В одном из зубофрезерных станков, выпускаемых «Комсомольцем», установлены червячные шестерни. Они из чугуна. Они выходят из строя примерно через полтора месяца. Потребители замучили завод жалобами. На «Комсомольце» тщательно исследовали причины и пришли к выводу: чугун здесь не годится. Нужна бронза. Червячная шестерня из бронзы будет работать в десять—пятнадцать раз дольше. Послали письмо в Московский областной совнархоз. Просят бронзу. Объясняют, что долговечность увеличится. Но не тут-то было. Бронза дороже чугуна. Она, кроме того, дефицитнее. И совнархоз не может разрешить замену. Четвертый месяц тянется переписка завода с совнархозом.

Из года в год в планах «Фрезера» кочует работа по переводу шлифовки сверл со станков одного типа на станки другого типа. Способ этот позволит улучшить качество. Так считают заводские инженеры.

— Да,— говорят им,— но сверла-то станут дороже. Нельзя.— И переходит этот способ из плана в план...

Думается, пора создать специальные службы долговечности. Может быть, целесообразно их создавать в головных институтах, а может быть, и на самих заводах. Пусть эти службы решают все вопросы, связанные с качеством и сроками службы заводской продукции. Пусть эти службы решают, что выгоднее.

Испокон веков было заведено: где мука, там и грузчики, таскающие на своих плечах пятипудовые мешки. Посмотрите на этот снимок: на мельнице загружаются муковозы. Грузчиков нет, мука засыпается в автомобили с помощью специальных механизмов. Отсюда ее повезут на хлебозаводы.

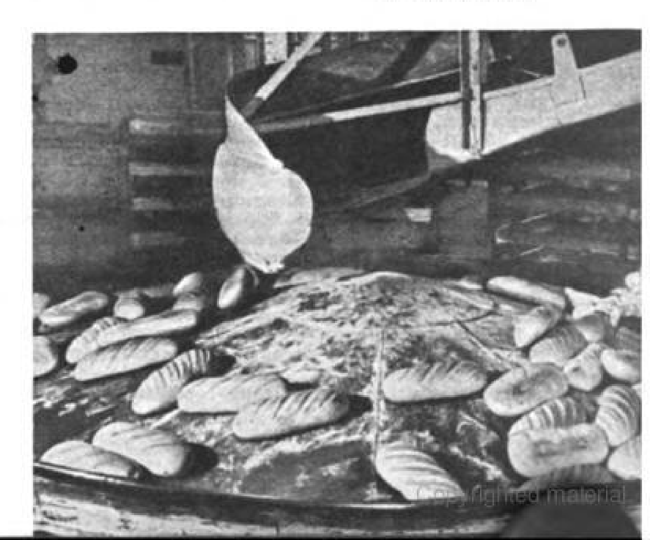

Одной из самых тяжких работ считалась работа пекаря. Попробуй целыми днями помеси руками тесто в многопудовой квашне. На 5-м Московском хлебозаводе имени Н. С. Хрущева эту работу выполняют механические руки. Тестозаготовительный цех. Все технологические процессы полностью механизированы и производятся по заданной программе. Управляют ими автоматы. Человеку остается только наблюдать за их работой.

Готовые батоны по желобу скатываются на вращающийся сортировочный стол. Здесь к хлебу впервые прикасаются руки человека и то для того лишь, чтобы уложить его в ящики.

О. КНОРРИНГ

ЯБЛОЧКИНА ПРИВЕТСТВУЕТ КОСМОНАВТОВ

В этот день, пожалуй, в московских театрах репетиции окончились раньше обычного: актеры торопились в Центральный дом актера на встречу с героями космоса — Юрием Гагариным и Германом Титовым.

Сердечно приветствует космонавтов старейшая наша актриса Александра Александровна Яблочкина и говорит, как счастлива она, что дожила до такого замечательного времени, как восхищена подвигом Гагарина и Титова. Выступает Юрий Гагарин.

— О космосе вам расскажет Герман, он оттуда недавно прибыл, у него более свежие впечатления, а уж я о земле.— Он рассказывает о своем пребывании на Кубе, о Фиделе Кастро, о посещении Чехословакии и о своей любви к театру.

Титов, отвечая на призыв друга, делится свежими впечатлениями о космосе, тоже шутит и утешает актеров, что хотя они с Юрием сейчас редко бывают в театрах, но остальные, будущие космонавты, посещают спектакли частенько.

Космонавтов приветствуют Ю. Борисова и М. Жаров, а затем в зале возникает песня. Ее поют на мотив «Подмосковные вечера», поют все: «...Если нет еще театров в космосе, на гастроли везите нас»... Поют от души.

Фото И. Тункеля.

ЧЕЛОВЕКУ МОЛОДОМУ

Лев ОШАНИН

Гроза

Была гроза. Гроза, как наводненье,—
Без отдыха. Все миги, все мгновенья —
Одна сплошная молния ребром,
Один непрекращающийся гром.
Я, столько лет глядящий на природу,
Такой грозы еще не видел сроду.
Казалось, это день, и солнце встало.
Казалось, это море грохотало.

Казалось, этот гром и это пламя
Нечеловечьей злобой рождены,
На землю низвергаются стволами
С затучной марсианской стороны.

Никто не спал. Собака жалась к людям
И вздрагивала вогнутой спиной.
Соседи шебаршили за стеной.
Качались ветви, как от тяжкой боли.
Казалось, содрогался шар земной!

А сын, шельмец, устав на волейболе,
Спокойно спал...

* * *

Есть удивительная сила
В местах, что полюбились нам.
Куда бы жизнь ни заносила,
Какая б вьюга ни косила
С дождем и солнцем пополам,
А сердце бьется все сильнее,
Лишь вспомнишь, что тебя там ждет
Тот угол дома, поворот,
Тот спуск к реке, тот легкий взлет
На скалы, где и даль яснее...

Улыбка друга...
Мы не смеем
Забыть тебя, устать в пути,
К тебе, как к брату, не прийти.

...Так я встречаюсь с Енисеем.

* * *

Сказал мне сверстник:
— Хватит молодиться,
Не торопись, приятель, не беги.
Поскольку кровь людская не водица,
Про черный день ее побереги.
Живи в покое, брось былые песни...

Я усмехнулся, дружбы нить рубя:
— Прости, тебе я больше не ровесник,
На двадцать лет моложе я тебя.

«Наши границы—на замке»

Важные шаги правительства Германской Демократической Республики, обеспечивающие надежную охрану границ первого в истории Германии рабоче-крестьянского государства, встретили одобрение и поддержку всех миролюбивых людей земли.

Корреспондент журнала «Огонек» Г. Гурков обратился к министру национальной обороны ГДР генералу армии Гейнцу Гоффманну с просьбой ответить на ряд вопросов. Ниже публикуется запись беседы, которая велась по телефону.

— Товарищ министр, расскажите, пожалуйста, как население Германской Демократической Республики относится к последним мероприятиям правительства ГДР по обеспечению охраны границ.

— Тринадцатого августа этого года Германская Демократическая Республика, опираясь на братскую поддержку всех государств — участников Варшавского договора, продемонстрировала всему человечеству свою решимость спасти мир, доказала, что миролюбивые силы Германии способны на большие дела. Границы Западного Берлина были взяты под действенный контроль вооруженных сил нашего рабоче-крестьянского государства. Кто станет теперь сомневаться, что договор будет заключен в нынешнем году — захочет этого боннское правительство или не захочет. События тринадцатого августа нанесли боннским ультра сокрушительный удар. Там почувствовали, что такое вооруженная рука нашего рабоче-крестьянского государства! Сейчас из Бонна раздаются отчаянные вопли. Еще бы: ведь все карты реваншистов биты, прежде чем им удалось нанести давно подготавливаемый предательский удар по ГДР! Но Аденауэр, Штраус и Брандт еще не отказались от своего дьявольского замысла сорвать заключение мирного договора с помощью военных провокаций. Они готовы пойти на «последний риск».

Однако западногерманские милитаристы пытаются решать без хозяина. В центре Европы выросла неприступная крепость мира, навсегда закрывающая им путь на восток.

В эти дни население Германской Демократической Республики и особенно молодежь проявляет готовность взять на себя вооруженную охрану нашей социалистической родины. Свыше семидесяти тысяч юношей, следуя призыву Союза свободной немецкой молодежи «Отечество зовет! Все на защиту социалистической республики!», добровольно заявили о вступлении в ряды вооруженных сил.

Тысячи из них уже начали свою почетную службу по защите нашей социалистической родины. Десятки тысяч последуют их примеру. Каждый юноша полон решимости взять в руки оружие, чтобы обеспечить безопасность нашей социалистической республики, мирный труд наших граждан, счастливый смех детей, радостное будущее молодого поколения.

Дорогие советские друзья, вы можете быть уверены, что молодежь Германской Демократической Республики готова плечом к плечу с молодежью Советского Союза и всех социалистических государств защитить мир. Если боннские реваншисты осмелятся перейти границы социалистического лагеря с факелом войны, они будут сметены с лица земли.

— Какие задачи стоят сейчас перед Национальной народной армией ГДР?

— Вооруженным силам Германской Демократической Республики были поставлены ответственнейшие задачи по защите мира и обеспечению неприкосновенности границ нашего рабоче-крестьянского государства. Своими решительными действиями, отличным боевым духом и высокой социалистической моралью солдаты, унтер-офицеры и офицеры Национальной народной армии, немецкой пограничной полиции и полиции готовности вместе с боевыми группами рабочего класса обеспечили успешное проведение мероприятий, предусмотренных решением Народной палаты по предложению правительств государств — участников Варшавского договора. Тем самым наши вооруженные силы оказали большую услугу делу мира, делу германской нации. Я горд тем, что могу констатировать: поставленные задачи с честью выполнены. Наши вооруженные силы благодаря мудрому руководству Социалистической единной партии Германии, благодаря тесной связи с трудящимися республики, благодаря нерушимой дружбе по оружию с находящимися в ГДР советскими вооруженными силами оправдали оказанное им доверие.

Сейчас перед Национальной народной армией ГДР, перед ее солдатами, унтер-офицерами и офицерами стоят новые большие задачи: при всех условиях обеспечить нерушимость наших границ, гарантировать возможность заключения мирного договора. Эти задачи, важность которых чрезвычайно велика, должны быть выполнены столь же образцово, как и боевое задание от тринадцатого августа.

— Товарищ министр, какой отклик среди граждан ГДР, среди солдат и офицеров Национальной народной армии встретили решения Коммунистической партии и правительства Советского Союза об укреплении обороны страны?

— Население Германской Демократической Республики и военнослужащие Национальной народной армии от всего сердца приветствуют проведенные Советским Союзом мероприятия по укреплению оборонной мощи. Эти мероприятия свидетельствуют о том, что советский народ прилагает огромные усилия во имя великой цели — спасти человечество от безумия всемирной ракетно-ядерной войны.

Своими последними мероприятиями Советский Союз дал миролюбивым силам новые могучие средства для обуздания империалистических агрессоров. Нет сомнения, что предпринятые действия помогут охладить те горячие головы в НАТО, которые помышляют о военных авантюрах. Мероприятия Советского правительства по укреплению обороны находят особенно горячую поддержку Германской Демократической Республики и ее миролюбивого населения потому, что они решающим образом будут способствовать срыву преступных замыслов западногерманских милитаристов.

Это большое счастье для нашего народа, что, объединенные Варшавским договором, братские социалистические армии обладают непревзойденной военной мощью, что наш друг и союзник СССР располагает ракетным и ядерным оружием, равного которому нет в мире. Это оружие никому не угрожает. Социалистические государства, и в том числе Германская Демократическая Республика, как и прежде, готовы немедленно заключить соглашение о всеобщем и полном разоружении. Но пока боннские ультра и их западные покровители отвечают на все предложения о разоружении форсированной гонкой вооружений, военное превосходство социалистических государств является мощным фактором в борьбе миролюбивых сил нашего народа за обезвреживание западногерманского милитаристского логова.

Новые усилия советского народа по обеспечению оборонной мощи своей страны воодушевляют солдат, унтер-офицеров и офицеров Национальной народной армии и всех трудящихся нашей республики на еще более решительную борьбу за упрочение мира в Германии, за то, чтобы с немецкой земли никогда не поднялись языки пламени нового военного пожара.

В. Н. Фалдин. С КОМСОМОЛЬСКОЙ ПУТЕВКОЙ.

В. И. Зарецкий. НАЧАЛО РАБОЧЕГО ДНЯ.

Для лучшего человека

М. РОМАНОВ.
Народный артист СССР

Бывает храбрость «сиюминутная» — смелые поступки, совершенные в состоянии аффекта, как акт отчаяния; есть холодная, рассчитанная на внешний блеск, волчья эгоистическая храбрость честолюбцев, пекущихся о собственной славе и большом вознаграждении.

Героизм истинный органичен. Подвиг — закономерное проявление высоких моральных качеств, присущих этому человеку всегда, в течение всей жизни, даже в самых обыденных, каждодневных делах и поступках. Наступает момент, и этот сплав прекрасных человеческих свойств обнаруживает себя, повергая мир в восхищение, в радостный восторг,— как было с Юрием Гагариным и Германом Титовым. А до тех пор живет хороший человек, как и другие рабочие люди, незаметно, трудится, учится, мечтает, думает о жизни, радуется и печалится. Но своей личностью он не может не влиять на других, и другие — хорошие, замечательные люди — влияют на него: учат, воспитывают, берут его в пример и образец и сами служат ему примером и образцом.

Когда-то горьковский Лука пытался объяснить Сатину, что люди живут на земле «для лучшего человека».

Процесс воспитания «лучших людей» — процесс безостановочно и массово развивающийся в нашей стране после Октября — ныне развернулся с невиданной силой. Читая проект Программы Коммунистической партии, где записан моральный кодекс строителя коммунистического общества, мы воочию представляем себе прекрасного человека с самыми замечательными качествами ума, сердца и характера. Это и есть тот «лучший человек», который уже живет и действует в настоящем, тот, каким будет каждый в недалеком будущем.

Высока и ответственна роль искусства в создании и формировании прекрасных человеческих душ!.. «Сейте разумное, доброе, вечное» — этому призыву всегда следовало великое русское искусство. Оно несло «доброе и вечное» в борьбе с вопиющим угнетением, с чудовищным принижением человеческой личности. Отказываясь от дурманящей душу лжи, от сладкогласных обманов, оно со словами правды шло к униженным и оскорбленным, беспощадно обнажало «всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров»... Но, не в силах изменить действительность, сколько раз великие наши писатели, художники и артисты с тоской и болью думали гоголевскими словами: «Скучно на этом свете, господа!..»

В нашем современном искусстве нет и не может быть тем «маленьких» людей и сытого превосходства «культурных» господ, над которым так едко издевался Салтыков-Щедрин: «Я, говорит, из тарелки ем, а Иван мой из плошки...»

Но высокое нравственное начало—«разумное, доброе, вечное», проблемы совести и справедливости, всеобщего блага и счастья, забота о человеке совершенном, красивом — все это осталось. Они перешли к нам от великих предшественников в искусстве, перешли исторически преображенными и предстали в новом, огромном современном звучании.

Роль нравственного начала в жизни общества все более возрастает, сказано в проекте Программы КПСС. И мы все ощущаем это в жизни и в искусстве... Случилось так, что последние мои большие любимые роли были сыграны в пьесах классиков: «Дети солнца» Горького, «Живой труп» Толстого, «Дядя Ваня» Чехова... Играя горьковского Протасова, либо Федора Протасова из «Живого трупа», либо дядю Ваню, я всегда получаю ни с чем не сравнимую творческую радость. Радость и от общения с миром идей, мыслей и чувств, заключенных в этих образах, и от того, что они душевно принимаются зрителем. На каждом спектакле я чувствую интерес, поднимающий и окрыляющий актера. И объясняю это не своими счастливыми находками или «секретами» профессионального мастерства. Зритель всегда глубоко понимает «вечные» проблемы, волновавшие Толстого, Чехова, Горького, «коренное и важное», что вкладывали они в свои создания. Он улавливает искреннюю любовь и сердечное волнение актера и сам ответно любит и волнуется.

Духовная близость сцены и зрительного зала — нет высшей награды для артистического труда! И хоть ушли в прошлое конкретные обстоятельства жизни и быта, совсем неизвестные большинству зрителей, забыты сословные перегородки, ханжеские светские условности, старозаветные законы, денежные связи и обычаи — все равно осталось непреходящее «вечное и доброе»: чуткая встревоженная совесть Феди, всепоглощающее творческое горение горьковского Протасова, доброта, мужество, чистота чеховских героев. Глубокая вера в победу добра, в высокое предназначение человека, в новую, светлую, достойную людей жизнь — все это современно в классике, созвучно нашему времени, волнует зрителя, дает ему духовную пищу.

Именно возможность современного прочтения нестареющих великих произведений и влечет советских актеров к русской и мировой классической драматургии. Когда смотришь Игоря Ильинского в спектакле Малого театра «Власть тьмы», в полную меру ощущаешь силу художественного воздействия, которую обретает созданный артистом неповторимый толстовский образ, по-новому понимаешь, что значит пробуждать добрые чувства...

Каждый художник выступает в искусстве со своей душевной, выстраданной темой. Свое собственное понимание жизни, ее добра и зла, вкладывает актер в сценическое исполнение. Но это всегда должно быть понимание живого, страстного современного художника. В искусстве нельзя существовать воспоминаниями о прошлых достижениях, пусть и блестящих. Театр живет вместе со своим временем, даже когда он говорит об истории или мечтает о будущем. Не отзываясь на сегодняшний день, на его глубокие потребности, сценическое искусство ветшает, останавливается на месте. Можно выработать самую совершенную технику, мастерски овладеть сложным театральным ремеслом, но остаться при этом лишь в положении «академического» исполнителя ролей. Артист в каждой своей новой роли смело и мужественно ищет новое воплощение темы, важной для своего времени, ибо без таких поисков нет художественной истины.

Время наше ставит и решает все новые и новые проблемы и вопросы, люди растут и обогащаются интеллектуально и духовно. И мы чувствуем, что ни бытописательство, ни изображение мелких жизненных происшествий, ни занятные, но пустопорожние развлекательные пьесы не удовлетворяют зрителя. Когда-то широко бытовало выражение «власть театра». Оно родилось потому, что театр нес высокую общественную миссию. Но и миссия современного театра ничуть не менее значительна!

Главными конфликтами и проблемами нашего нынешнего театрального искусства становятся конфликты и проблемы нравственные. Зритель, особенно молодой, и сегодня приходит в театр с серьезною, великою целью — пережить в искусстве потрясение, нравственное очищение, узнать и понять что-то новое в себе, в людях, в мире. И если он уходит ничем не обогащенный, равнодушный и вялый,—здесь наша вина, вина драматурга, режиссера, актера...

Известно, что самый непосредственный зритель — молодой. Он может быть задиристым, может с чем-то не соглашаться, чего-то не понимать, но он готов всегда к творческому содружеству с артистами. Он свободен от предубеждений. Найти путь к молодым сердцам — свежим, восприимчивым — благородное актерское стремление.

Несколько лет назад я сыграл в пьесе А. Афиногенова «Машенька» роль старого профессора Окаемова. Там говорится об одинокой, замкнутой старости, о молодости, разрушающей это одиночество, о старости, преображенной молодостью. Подобно этому, и в искусстве опыт и чувства зрелых мастеров рвутся выразить себя перед новой, современной аудиторией.

Извечная проблема «отцов и детей», знакомая русской литературе, у нас претворяется совершенно по-новому. Смелая, не знающая преграды молодежь и успокоенные, отошедшие от юных порывов «отцы», разделенные уже не возрастной гранью, а разными воззрениями,— так бывало прежде. Непрерывность, преемственность дела, которому мы служим, общая борьба за построение светлого будущего сплачивает у нас воедино все поколения, все возрасты. И мы, актеры

старшего поколения, вовсе не хотим появляться на сцене как могикане, «свидетели дней ушедших». Мы хотим играть! Играть современных людей, современных героев, современных деятелей. Играть каждый раз по-новому, открывать все новые и новые истины в искусстве, добиваться их, творить, создавать. Воспитывать зрителя не пустой, холодной назидательностью, не скучными, рассудочными поучениями, а живыми образами во плоти и крови...

Наши героические современники — те, кого мы хотим изобразить во весь рост на сцене,— какие же это крупные, значительные характеры, своеобразные, с яркой индивидуальностью! И в то же время, как просты, как естественны, как органичны их самые великие, самые героические поступки! Ни рисовки, ни сознания своей исключительности, ни позы, предваряющей зрителя о появлении «масштабной» фигуры. А в наших пьесах порою герой, так уж «герой» в примитивно-лубочном понимании этого слова; с первого шага видно, какой он бравый, какой монументальный!..

Мне довелось сыграть Телегина в инсценировке романа Алексея Толстого «Хождение по мукам». В этом любимом мною образе столкнулся я с простотой героизма, с органическим беззаветным мужеством человека, уверенного в своей правде. Уже тогда я убедился, что в истинном герое героическое естественно и просто, как дыхание...

В проекте Программы КПСС говорится об эстетическом воспитании, о воспитании художественного вкуса, о «художественном начале», которое все более и более будет проникать в нашу жизнь. Художественное начало неразрывно с нравственным. Высокое нравственное и в жизни и в искусстве должно быть облечено в высокое эстетическое. Мы боремся за высокую мораль, за моральный кодекс строителя коммунизма — кодекс, становящийся моралью всей нашей жизни. Так же должны мы бороться за то, чтобы развивался высокий художественный вкус, которому противны всякая пошлость, грубость, упрощенчество.

Распространение дурного вкуса в существе своем — деяние антиобщественное. Где дурной вкус, там грубость и душевное убожество.

Я читал недавно высказывания наших замечательных художников С. Коненкова и П. Корина, ратующих за пропаганду лучших художественных творений, за то, чтобы произведения монументального и станкового искусства окружали человека в труде и в каждодневной жизни, облагораживая и возвышая. Это стремление художников согласуется с ленинскими словами «искусство принадлежит народу».

А театр? Сколько же может сделать он для воспитания художественного и нравственного начала в людях!

Наше время обращено к будущему. С особой ясностью мы все чувствуем это, читая и перечитывая проект Программы КПСС. В нем и ответы на многие наши мысли и заряд энергии, вдохновляющий на большой творческий труд во имя свободного расцвета человеческой личности, труд во имя счастья людей. А разве не для этого и существует искусство?

В поход с Василием Васильевичем!

Фото А. Бочинина.

У ШЕМЯКИНА КУРГАНА

Н. ТОЛЧЕНОВА

Что вы ответите, если вас спросят: красиво или некрасиво лицо вашей матери? Может быть, совсем обычное, оно неизменно кажется прекрасным вам. Живое или запечатленное в вашей памяти, это родное лицо смотрит на вас всю жизнь с лаской и любовью. Именно любовь, привязанность рождают у человека чувство красоты. И когда наши соотечественники Гагарин и Титов стали первыми гражданами вселенной, они не только сами ощутили, но и всему человечеству дали возможность почувствовать еще бо́льшую сыновнюю любовь и нежность к своей земле. Любовь и нежность к огромной планете Земля с ее морями и реками, лесами и горами, голубым сиянием дня, розовыми восходами, белыми облаками... Любовь и нежность к своей стране, просторно распахнувшейся на два континента. Любовь и нежность к родному городу, улице, дому — простому и обычному уголку земли, где все земные люди делают свои первые шаги. К навечно прекрасной земле отцов...

«Земля отцов» — слова из стихотворения. Оно написано Нелюдимом, поэтом малоизвестным, к сожалению, в наши дни. Это псевдоним петроградского большевика Алексея Николаевича Соловьева. В 1918 году он был послан партией из «Правды» для революционной работы в город Галич и редактировал здесь газету «Известия Галичского уездного исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Ленинец, человек большой души и истинно партийной прозорливости, он навсегда привязался к небольшому старинному русскому городу и посвящал ему многие свои стихи. Одно из них так и называется: «Галич». Глядя с высокого Шемякина кургана на дома и домики Рыбачьей слободы, на густые лесные чащи и зеленые луга, окружавшие великолепное Галицкое озеро, Нелюдим-Соловьев писал в трудном и бедном 1920 году:

Теперь грядущее пред нами...
Прадеды-галичане спят...
И верю я: над их холмами
Аэропланы зашумят!

...Длинный пушистый виток — след промчавшегося над Галичем реактивного самолета — таял высоко в небе, когда мы с заслуженным учителем республики Василием Васильевичем Касторским карабкались на Шемякин холм, именуемый еще Балчугом.

Надо признаться, что Касторский, несмотря на свои шестьдесят пять лет, штурмовал крутые тропинки величественного кургана, где некогда находилась неприступная, даже для татарских полчищ, крепость галичского князя Юрия — сына московского князя Дмитрия Донского и правнука Ивана Калиты,— гораздо проворнее, чем я. Да еще ухитрялся при этом изрядно декламировать бесхитростные, но искренние, глубоко прочувствованные стихи Нелюдима. Мне оставалось только удивляться и завидовать. Впрочем, сам-то Василий Васильевич объяснял свои альпинистские и прочие спортивные успехи весьма скромно и деликатно: все дело, мол, только в тренировке.

Действительно, «тренировка» у него оказалась более чем сорокалетняя. Всю жизнь учительствует Касторский в Галиче и преподает литературу не как отвлеченный «предмет»: имена, названия, даты,— а как своеобразное родиноведение, источник воспитания всего лучшего в человеке, и прежде всего любви к своей стране, к своему народу, к своему родному городу... Экскурсии на Шемякин холм совершаются каждый год обязательно. С Василием Васильевичем лезут на Балчуг либо энтузиасты, либо весь класс. Взбираются на самую вершину кургана, высящегося, словно шапка сказочного великана, над Галичем, и слушают рассказ о прошлом, мечтают о будущем.

Здесь, на Балчуге, побывал в 1919 году А. В. Луначарский. Открывшийся перед ним вид на озеро и живописные окрестности города поразили Луначарского своей необыкновенной красотой, и он восторженно воскликнул: «Ну чем не Швейцария!»...

Когда ходишь по Галичу вместе с Касторским и его женой Анной Ивановной, им кланяется каждый встречный. Взрослые люди — это ученики, те, кто помоложе, — сыновья и дочери учеников, совсем юные — внуки учеников. И каждый встречный сразу же перестает быть просто «встречным», обретая имя и фамилию, жизненную историю, характер, человеческие черты и особенности... Уже издали приветливо улыбается чете Касторских стройная черноглазая молодая женщина.

— Это Настенька Давыдова, — знакомит меня Василий Васильевич, — когда-то одна из моих любимых учениц.

Правда, Анастасия Александровна осталась Настенькой только для Василия Васильевича и Анны Ивановны. В городе все знают Давыдову, директора швейной фабрики, где Настенька работает уже двадцать лет. А поступила она сюда в свое время простой швеей. Тогда это была маленькая артель, там работала и мать Настеньки, Екатерина Александровна. Матери теперь семьдесят три года, она полновластно хозяйничает дома, управляя не только внуками, но и взрослыми — дочерью, сыном и невесткой. Дом большой, прочно рубленный, с красивым, по-северному строгим убранством; на окнах цветы; от их обилия в комнатах царит зеленый полумрак, но так уж нравится Екатерине Александровне. Ей вообще нравится ее жизнь, ее город, ее улица.

— Пятьдесят лет на Шаговой улице живу, и по мне так на всем свете нет ее краше, — говорит Екатерина Александровна. — Раньше-то город грязный был — страсть! Ни пройти, ни проехать! В Москве, правда, не случалось побывать, может, у вас и лучше...

Кажется, Екатерине Александровне не очень понравилось, что я ненароком помянула про сорняки на улицах Галича, но ведь не положено хозяйке на гостей обижаться, и она степенно ведет беседу дальше, рассказывая про свою жизнь, про жизнь города, который с каждым годом на ее глазах «лучшает».

А Настенька хозяйничает на фабрике, которая славится теперь как передовое предприятие города: коллектив соревнуется за звание коммунистического.

Мы прошли по светлым и чистым цехам этой фабрики с Василием Васильевичем. Он еле успевал здороваться с работницами — все они его знали, и он очень обрадовался, увидев фамилии своих учениц на доске почета. Настенька же старательно отчитывалась перед учителем:

— Вот это устройство позволяет поглощать всю пыль из воздуха. А эту машину мы внедрили для механизированной обработки петель на детских пальто: очень трудоемкая раньше была операция! А вот это...

— А за грибами ходите? — неожиданно строго перебил ее Василий Васильевич.

— Как же иначе! — с готовностью откликнулась Настенька. — Почти каждый выходной. Вот хотим на озеро поехать. Целыми бригадами на лодках двинемся! Может, и вы с нами?..

Но мы решили не откладывать поход на озеро до воскресенья и отправились туда с Касторскими следующим же утром.

В новом большом доме на берегу озера помещалась спасательная станция.

— Зачем же вам такое помещение? — спросила я у начальника станции.

Орехово-смуглый от загара, с выбеленными солнцем русыми волосами Донат Дмитриевич Бойцов, разумеется, тоже был в прошлом учеником Касторского. Учениками — бывшими и будущими — оказались и многочисленные подростки, сосредоточенно занимавшиеся какими-то своими важными делами возле лодок, шлюпок и катеров.

— У нас тут клуб. То есть филиал, конечно... Филиал морского клуба, — пояснил Донат Дмитриевич. — Спасать-то никого не приходится: с детства все плаваем, как рыбы. Разве только приезжих! — пошутил он.

— Чем же занимается филиал?

— Летом — гребля, парус... Зимой — буера. Очень ребята увлекаются. Готовим будущих боцманов, радистов... Многие речные да и морские профессии берут здесь свое начало.

Мы намеревались было объехать озеро на моторной лодке, но, проведав насчет парусов, обратились к Донату Дмитриевичу с новой просьбой. Долго уговаривать его, впрочем, не пришлось.

— Борис, — окликнул кого-то из мальчишек Бойцов, — подбери команду, налаживай паруса!

Все произошло мгновенно. С одного слова, без всяких споров и пререканий несколько голоногих, поцарапанных мальчиков помчались по длинным мосткам выполнять приказание. Донат Дмитриевич, ничем не выразив своего отношения к образцово проявленной дисциплине, спокойно ушел к себе, мы же поступили в распоряжение к семикласснику 1-й галичской школы Борису Ширскому. Он отличался от своих подчиненных лишь настоящей морской роскошной фуражкой с «крабом». Держалась команда степенно, с тем строгим достоинством, которое не допускает и тени фамильярности. Окинув взглядом пассажиров, особенно меня и Анну Ивановну, Борис кратко распорядился:

— Распределить живой балласт по борту!

Мы послушно распределились. Парус — два холщовых треугольных полотнища — поднялся с непередаваемо прекрасным шумом, наполнился ветром, и лодка сама пошла, пошла наискосок от берега, мимо трепещущих камышей, мимо прибрежных домиков, пестрых огородов, полей, лесов...

Некоторое время путешествие проходило в молчании. Оно нарушалось только отрывистой командой Ширского:

— Выбрать кливер!

— Есть выбрать кливер! — последовал немедленный отклик.

Впередсмотрящий был всецело поглощен своими обязанностями так же, как паренек, методически черпавший со дна лодки воду небольшим деревянным ковшиком. Но потом у рулевого, управлявшего кливером — что, по моим наблюдениям, означало тянуть то вправо, то влево какую-то веревочку у паруса, — слетела тюбетейка. Она упала прямо в озеро и быстро поплыла в сторону от нас по волнам, словно живая; все захохотали, потом долго ее ловили, после чего начали дружно беседовать на обычном, сухопутном языке.

Саша Васильев, Вова Голубев, Женя Гаврилов рассказали, что их клуб недавно поднял затонувший катер. Теперь этот катер они будут чистить, драить песком. Со списанного старого трактора выпросили двигатель. Его тоже отчистят, починят, приведут в порядок, поставят на катер — получится отличный учебный корабль. Правда, всю зиму придется возиться, зато как интересно!..

— А уроки?

— Что ж уроки! Само собой!..

У Саши и Жени еще и музыкальная школа. Да разве у них одних!..

Мимо нас по озеру двигались то узкие, изящные, четырехвесельные гоночные лодочки, то тяжеловесные, медлительные шлюпы. Ближе к тенистым берегам располагались рыбаки. Казалось, все молодое поколение Галича жило, шумело, училось на озере.

— Так оно и есть, — подтвердил Василий Васильевич. — Ребята любят родные места. Говорят об этом мало, а вот когда сочинения пишут, душа у них раскрывается.

Сидя у Касторских, я посмотрела некоторые ребячьи работы. Украшенные рисунками, фотографиями, заставками, любовно оформленные, они были оценены на тройку, на четверку. Видно было, что В. В. Касторский требовательный педагог — таких ученики любят не за снисходительность в отметках. Многие сочинения назывались: «Родной край», «Я люблю свой родной город», «За что я люблю русскую природу», «Я и мой город в будущем»... Впрочем, о будущем говорилось во всех работах.

«Я полюбил свой родной край, — писал Миша Полонский, — за то, что он научил меня любить все прекрасное. Время никогда не сотрет в моей душе любовь к нему... Особенно я люблю озеро. Отсюда город особенно красив, и я радуюсь, что живу в этом городе. Я вижу его в будущем. Белокаменные дома утонули в зелени. Улицы покрыты асфальтом. Мощная электрическая станция обеспечивает энергией всю промышленность. А летом сюда едут отдыхать трудящиеся всей страны».

Школьник А. Семенов тоже описывает будущее родного города. «Галичское озеро, — пишет он, — на месте, но Галича не узнать. Прямые широкие улицы блестят на солнце асфальтом. Беспрерывным потоком несутся легковые электромобили. На окраине — полностью автоматизированные заводы; они дают городу все, что необходимо в жизни; даже хлеб выращивается на заводах при помощи электричества и атомной энергии. В небе кружатся геликоптеры разных размеров... Вдруг послышался грохот: это взлетела ракета, которая полетела на Марс отвезти почту и приборы с галичских заводов».

Может, он сам, А. Семенов, и повезет на Марс почту?!.

* * *

Галич — совсем крохотная точка на географической карте. Скорые поезда пока что здесь не останавливаются.

В тот день, когда я приехала в город, он не показался мне таким уж необыкновенно красивым. Но потом, узнав галичан, я научилась смотреть на Галич их любящими глазами.

После выступления «Огонька»

Возвращение в жизнь

В редакцию пришел человек.

— Я хочу поблагодарить тех, — сказал он, — кто помог мне, поставил на ноги — это не в переносном, а в прямом смысле: ведь у меня нет обеих ног.

Человека зовут Игорь Охрименко. Вот что он рассказал.

...Когда началась Великая Отечественная война, Игорь был еще мальчишкой. Его родное село на Украине оккупировали гитлеровцы. В мае 1942 года, когда ему минуло тринадцать лет, явился полицейский из комендатуры и потребовал, чтобы мальчик шел на завод работать на фашистов.

Но такого Игорь даже не мог представить. Он хотел бежать к партизанам, хотел связаться с подпольщиками, но это было не так-то просто. «Выход только один, — подумал подросток, — сделать себя инвалидом».

И он, достав у кого-то шприц, впрыснул себе в ногу десять кубиков керосина. Нога распухла. Началась гангрена. Военный хирург, вошедший в село вместе с советскими войсками, спас ему жизнь. Но для этого пришлось ампутировать ногу.

Кажется, кому нужен безногий сирота? Но на помощь подростку пришли хорошие советские люди, коммунисты А. Ф. Кубатченко и А. Г. Кехтенко, работавшие на заводе в Большом Токмаке, Запорожской области. Они устроили его учеником в цех точной механики. Вскоре он стал работать самостоятельно.

И тут новое горе: заболела вторая нога. Врачи старались сделать все, чтобы спасти ее. Но конец был тот же: ампутация. Так в двадцать два года Игорь Охрименко стал инвалидом первой группы.

В районе ему сделали протезы, и он продолжал работать на заводе контролером.

— Но мне было очень трудно, — признается Игорь Евсеевич. — Ведь протезы старой конструкции неуклюжие, тяжелые, каждый по шести килограммов. А я на них весь день! Предлагали мне и другую работу, полегче, но, честно говоря, не хотелось менять профессию.

А тут прочитал в «Огоньке» очерк «Возвращение в жизнь» — о работах московского института протезирования. Я написал в редакцию и попросил вторично помочь мне.

— Вторично? А когда же «Огонек» помог вам первый раз?

— Я ведь женился по протекции «Огонька», — шутит Игорь Евсеевич. — И вот как. Года два назад в «Огоньке» был напечатан репортаж о рабочих Курганской ТЭЦ. В нем говорилось и о девушке Раечке, чутком товарище и хорошей работнице. Я попросил редакцию сообщить ее адрес, и между мною и Раей началась переписка. А спустя два года девушка приехала погостить к своим родственникам в Запорожье, где работал и я. Мы познакомились, и дружба переросла в любовь. Несколько месяцев назад справили веселую свадьбу.

Сегодня первый день, как я вышел из Центрального научно-исследовательского института протезирования и протезостроения, — продолжает рассказывать И. Е. Охрименко. — Посмотрите, какие замечательные мне сделали протезы! Ходить легко, удобно. К вам на шестой этаж поднимался без лифта, нарочно. Правда, сейчас еще хожу с палочкой, но скоро брошу и ее.

Игорь Евсеевич с восторгом отзывается о чутких врачах института. Они не щадят ни сил, ни времени для больных.

— Я знаю, многие благодарны врачу Нине Григорьевне Семеновой и директору института профессору Борису Петровичу Попову, — говорит Охрименко. — Пусть к благодарностям людей, которых они вернули в жизнь, прибавится и моя.

Таинственная за

А. Н. САБУРОВ,
генерал-майор, Герой Советского Союза

Рисунки П. **ПИНКИСЕВИЧА.**

Вся эта история началась в Лоеве, небольшом городе на правом берегу Днепра, который мы с боем взяли и несколько дней удерживали в ноябре 1942 года.

Мой штаб, снова перестроившись со стационарного на походный порядок, уже готов был сняться с места, когда начальник разведки Костя Петрушенко пришел ко мне и без всяких предисловий положил на стол туго свернутую бумажку — так сворачивают, когда надо бросить жребий. И вид у Кости был такой, словно он вынул эту бумажку из шапки, из которой тянулся жребий, и еще не знал, что́ ему досталось: счастье или несчастье.

Развернув трубочку, я прочел:

«Словаки рады вашему появлению на нашем горизонте. Словаки в партизан не стреляют. При первой возможности подам свой голос».

И внизу подпись:

«Репкин».

Костя объяснил, что записку принесла девушка, зовут ее Катя, она пришла из Василевичей. Кто дал ей записку, она не сказала: видно, тот, кто ее посылал, не велел говорить. Передав записку, девушка тут же ушла обратно.

Записка неведомого Репкина обрадовала, но и насторожила нас.

В Василевичах, по точным данным Кости, стоял словацкий полк, входивший в словацкую дивизию, брошенную гитлеровским командованием на борьбу с партизанами.

Пробиваясь на Житомирщину, мы все время напряженно искали ответа на вопрос: как повести себя в новых условиях? До сих пор приходилось действовать в обстановке, где диспозиция была ясна: с одной стороны — гитлеровцы, наши заклятые враги, которые не давали партизанам спуску, так же как партизаны не давали спуску им, с другой — народ, люди, попавшие в оккупацию.

Здесь на арену борьбы выступает новая сила — словацкая дивизия, сформированная в тисовской Словакии.

Мы с Захаром Богатырем — комиссаром соединения — старались представить себе положение словацких солдат и, откровенно говоря, не завидовали им. Жители смотрят на них как на оккупантов, и это справедливо. Немцы считают их своими союзниками, но не забывают держать на мушке каждый их шаг. Партизаны, которые пришли сюда из Брянских лесов, на своих оперативных картах обозначают словацкие полки и батальоны как войска противника. А там, в родных словацких Татрах, остались заложниками у немцев солдатские семьи...

Отыскать автора записки или хотя бы установить настоящее имя Репкина — вот что было первой задачей, которая сама собой встала перед нашей разведкой, когда мы выступили из Лоева дальше на запад — через междуречье Днепра и Припяти.

Сюрпризы

Медленно движемся мы лесом. Места незнакомые, нужно соблюдать предельную осторожность. Шестисоткилометровый рейд вымотал людей, все устали. А тут еще держит в напряжении непонятное безразличие окружающих нас гарнизонов противника. Нас никто не пытается атаковать.

Уже двадцать пять километров прошли мы на запад от Лоева. Ночевка в лесу недалеко от деревни Лубеники. Мороз. Костры жечь запрещено строжайше.

Скоро утро. Я лежу в своей походной, крытой брезентом кибитке.

На душе тревожно. Разведчики, ходившие за «языком», «языка» не привели, зато прислали сообщение, что в Хойниках на станции разгружается эшелон с танками. Хойники были как раз на пути нашего следования. Для чего немцам танки в таком глубоком тылу?

Не давало покоя долгое отсутствие Коли Маленького. Этот четырнадцатилетний паренек, не по летам серьезный, прибился к нам в Брянских лесах. Он был сирота, и партизаны приласкали его, как родного. Своим партизанским званием Коля Маленький гордился совсем не по-детски.

Петрушенко послал Колю в Василевичи — разыскать девушку Катю, и вот уже вторые сутки идут, а Коли все нет.

Вдруг пола у входа в кибитку распахнулась, появился Павел Федорович Рева, командир отряда. Следом за ним — Коля Маленький. Снял шапку, темные вихры торчат во все стороны. Видно, промерз до последней косточки, но черные глаза блестят жарко. Они оба стоят на коленях, как в церкви: потолок у кибитки низковат.

— Ось, Александр, дывысь, — произнес Рева, по обыкновению мешая русский с украинским, — цей малець еле жив. А для чого Петрушенко его в Василевичи гоняв? Ему, видишь, понадобилось дивчину Катюшу срочно побачить. Колоссальна опэрация!

Рева, видно, по пути успел расспросить Колю Маленького. О существовании Кати кое-кому из командиров было известно, но зачем она приходила в Лоев, это знали только Петрушенко, Богатырь и я. Будь Костя сейчас здесь, он бы обязательно тоже съязвил в ответ на всегдашнюю иронию Ревы по поводу разведки. Но Костя, не дождавшись возвращения Коли Маленького, уехал верхом к Ковпаку, чьи отряды находились севернее нас, на Гомельщине.

Коля Маленький молча ждал, украдкой вытирая нос рукавом своего овчинного полушубка.

— Ну, двигайся сюда, разведчик. — Я усадил Колю рядом с собой. — Докладывай, где был, что видел. Только по порядку. Нашел Катю?

— Нет, — виновато сказал он. — Ее расстреляли.

Этого я не ожидал. Как же так? За что? Если пронюхали, что она ходила к нам, и лишь за это расстреляли, значит, гитлеровцы с самого первого дня нашего появления здесь следят за нами зорко. Уцелел ли тот, кто посылал Катю? Он играл со смертью, пытаясь установить связь с партизанами. Если, конечно, сообщение Коли Маленького соответствует истине...

— Как ты узнал? — спросил я.

Коля ответил быстро:

— Мне официантка сказала в офицерской столовке.

— А почему это вдруг она тебе стала такие вещи рассказывать?

— А я спросил про Катю, — просто, как само собой разумеющееся, объяснил Коля. — Она хорошая, эта официантка. Накормила меня. Сама и разговор завела.

— Ты не спрашивал, кто расстрелял Катю?

— Нет, я не спросил. Она тоже про это не говорила. А дядька-подпольщик говорил: это словацких солдат работа.

— Какой еще подпольщик?

— Подожди, подожди, — вмешался Рева. — Ты лучше все по порядку. — И, повернувшись ко мне, добавил: — Этот герой в такую переделку попал...

— Расскажи подробно, — попросил я Колю.

Он нахмурил свои черные тоненькие бровки.

— Ну, я, значит, на хуторе Волчья гора у одного дядьки лошадь оставил, винтовку и две гранаты в лесу под пенек спрятал и пошел в город. Немцев там на улицах много. Я ходил-ходил, потом на одной улице встречаю офицеров. Они громко разговаривали, по разговору сразу можно разобрать, что словаки. Ну, я шапку скинул, поклонился, говорю: «Здравствуйте, люди добрые! Подайте хлебушка кусочек. Вы заступники наши». Ну, вообще, как бабки говорят... Они посмеялись, взяли меня и отвели в эту столовку. Приказали официантке накормить и ушли. Я пока ел, официантка от меня не отходила, как принесла все сразу, суп и мясо и какой-то сок фруктовый, так села напротив и говорит, говорит... Тут я и узнал про эту Катю.

— А какая она из себя, официантка? — спросил я.

— Ростом, может, чуть повыше меня, черненькая.

— Ну, повыше тебя, пожалуй, все официантки на свете будут.

— А звать как, не спрашивал?

— Сама сказала: Галя. Она хорошая, только одно подозрение у меня: все выспрашивала, откуда я. Потом говорит: а знаешь, в эти края партизаны пришли, много их через Днепр переправилось. Может, говорит, слыхал фамилии партизанских командиров, так скажи, не бойся. Я говорю, ничего я ни о каких партизанах не слыхал...

Когда он назвал имя «Галя», сердце у меня екнуло. Но надо было до конца дослушать Колю. Рева нетерпеливо подгонял его:

— Хватит тебе про официантку! Ты дальше, дальше давай!

— Под вечер я ушел из города. Держал прямо на Волчью гору. В деревне километра за два до хутора остановился, попить воды в хату зашел. Дядька, хозяин хаты, долго ко мне приглядывался, спросил, куда иду, а потом рассказал, что на хуторе какой-то партизан оставил лошадь, днем ее забрал словацкий солдат, а староста вокруг той хаты выставил целую засаду: ждут партизана. Пока я воду пил, в хату еще трое пришли, здоровенные такие дядьки. Хозяин им прямо сказал, что я партизан. И мне головой кивает: не бойся, мы не продадим, мы подпольщики, против оккупантов действуем. Я не знал, что мне делать. Они посоветовались между собой, а потом говорят: веди нас в лес, к своим. Я сказал: ничего не знаю, — а они и слушать не хотят. Решили эту ночь и день переждать, потому что кругом эсэсовцы рыскают, а на следующую ночь податься в лес. Потом один подпольщик, самый из них старый, начал рассказывать, как в Василевичах расстреляли партизанскую девушку.

Коля замолк.

— Ты давай ближе к делу, — сказал Рева.

— Дальше плохо получилось, — вздохнул Коля. — Утром налетели на хату эсэсовцы, нас всех связали, бросили в грузовик. Охрана се́ла — человек шесть или семь словацких солдат. И в город повезли, в Василевичи. По дороге в какой-то деревне трое полицаев к нам

писка

Александр Николаевич Сабуров во время Великой Отечественной войны командовал крупным партизанским соединением, которое прошло большой боевой путь по глубоким тылам врага. Предлагаемая читателю документальная повесть рассказывает об одном эпизоде из жизни этого соединения.

А. Н. Сабуров.

сели, с винтовками и пистолетами. Солдаты словацкие какие-то чудные: отвернулись, навалились на кабину и на нас никакого внимания. А полицаи, только мы от деревни отъехали, взяли и перестреляли из пистолетов всех солдат. Нас развязали, машину подожгли и кричат: «Бежим в лес!» Вот я их и привел к нам.

— Где сейчас эти полицейские? — спросил я.

За Колю ответил Рева:

— В оперативной части. Там с ними разбираются.

Не нравились мне вести, принесенные Колей Маленьким, решительно не нравились.

— Иди отдыхай, — сказал я Коле. — Молодцом сходил. Только в следующий раз так не рискуй.

— Ну, я тоже пойду, — весело вскинулся Рева. — Светает уже. Пора и соснуть минуток триста.

Они исчезли, оставив меня разбираться в короткой, но все-таки путаной истории, которую поведал Коля Маленький.

Странные словаки. Странные полицейские. Похоже, что неспроста они стреляли в солдат и жгли грузовик. Слишком много случайных совпадений для одного дня. И эта трагическая развязка с Катей. Единственная ниточка, которая могла привести нас к таинственному Репкину, оборвалась. Было над чем задуматься...

Но в рассказе Коли Маленького нашлось и такое, чему я искренне обрадовался. Официантку в офицерской столовой словацкого полка звали Галей. Она невысокая ростом, черненькая. Уж не наша ли это Галя?

За несколько месяцев до выхода в рейд из Брянских лесов мы провели одну рискованную операцию. Вот как это случилось.

На Брянщине в поле зрения нашей разведки появился некто Беговцев. Это случилось еще в конце 1941 года.

Беговцев, бывший царский офицер, работал у немцев в гестапо, но вел себя непонятно. Нам было известно, что он поддерживает тесную связь со всеми этими бывшими русскими, которые пришли вместе с оккупантами и мечтали о восстановлении порядков, ликвидированных еще в семнадцатом году. И Беговцев вел среди них пропаганду отнюдь не в пользу немцев. Чего он хотел, мы раскусить не могли. В декабре 1941 года до нас дошли сведения, что фашистский комендант Новгород-Северска Пальм арестовал Беговцева как английского шпиона.

Тогда же, в декабре, гитлеровцы начали сильно беспокоить нас. Нашему отряду, в ту пору еще не такому многочисленному, приходилось много маневрировать, переходить с места на место. И вот однажды во время очередного маневра наша застава наткнулась по дороге на ехавшую под усиленным конвоем жандармов парную упряжку. В санях сидел человек в наручниках. Партизаны рассудили не мудрствуя лукаво: раз человека так охраняют, значит, он здорово насолил фашистам, а всякий враг фашистов, можно считать, наш помощник. И застава быстренько перебила одним залпом конвой. Арестованного доставили ко мне в штаб. Это и был Беговцев.

То ли в приступе благодарности за спасение, то ли шевельнулись в нем остатки совести, но Беговцев раскрыл перед нами все свои карты. Он был послан в Россию с заданием войти в доверие к немецким фашистам, устроиться в гестапо и, используя все возможности, вести среди русских проанглийскую пропаганду с далеким прицелом на будущее. Где-то он проморгал, и гитлеровская контрразведка его раскрыла.

Беговцев изъявил неподдельное желание быть чем-нибудь полезным для нас. Но в радиусе наших действий на Брянщине ему делать было нечего, немцы тут же схватили бы его снова.

Между прочим, Беговцев сообщил, что у него есть явка в городе Остроге. Там живет некий ксендз, английский резидент. Взвесив все за и против, мы решили поверить Беговцеву и попробовать его в роли нашего разведчика в далеком фашистском тылу. Беговцев отправился в Острог.

Первое время мы регулярно получали от него разведданные, и кое-что было весьма ценно для Москвы. Но неожиданно он замолчал, и за месяц до похода на Житомирщину мы послали нашу разведчицу Галю к нему на связь.

Острог находился не так уж далеко от мест, куда мы теперь пришли. И вот Коля Маленький рассказал об официантке, которую зовут Галя. Не наша ли? Могла ли она оказаться вместо Острога в Василевичах? Если да, то как это случилось?

Придется Косте Петрушенко как следует пошевелить мозгами, поискать Галю и Беговцева.

Да, слишком много совпадений, слишком много сюрпризов для начала нашего рейда за Днепром.

Но на этом загадки наступавшего дня не кончились. Видно, какой-то особенный выдался денек.

...Уже рассвело. Я решил выйти, побродить по лесу, поговорить с партизанами. Это всегда успокаивало.

Утренний туман рассеивается нехотя. Иду к заставе. В воздухе подолгу кружатся легкие, редкие снежинки. Тихо. Только похрустывает под ногами тонкая корка льда на замерзших лужах.

Но вот в лесу слышится людской гомон. Выделяются высокие, возбужденные женские голоса:

— Безвинных людей хватаете...

— Малые ребята дома голодуют!..

— И откуда беда на нашу голову?

Мне ясно: наша застава под видом полиции задержала случайно проходившую мимо группу людей. И мы вынуждены будем не отпускать их до тех пор, пока сами не уйдем отсюда. Таков непреложный партизанский закон: незачем разносить по окрестным деревням, где мы и сколько нас.

Вижу: группу ведет бронебойщик Ковалев. Он в новом полушубке, с полицейской повязкой на рукаве. Полушубок явно не рассчитан на его комплекцию: еле сходится на груди, полы чуть ли не выше колен. Вид у Ковалева в его куцем, с чужого плеча полушубке достаточно комичен, но бронебойщик сурово хмурит брови. Знаю — это напускное. Он редкой доброты человек, и, будь на то его воля, пожалуй, отпустил бы он на все четыре стороны этих случайно набредших на нас людей.

Женщины стоят плотной толпой, словно так, плечом к плечу, они чувствуют себя в безопасности. В толпе выделяется хмурый старик, бородатый, бровастый.

Расстегиваю кожанку, лезу за портсигаром в карман гимнастерки. Девушка лет семнадцати — она стоит впереди — смотрит на меня широко открытыми глазами и вдруг как закричит:

— Золотая Звезда! Глядите! Герой Советского Союза!

Долго они удивлялись, что встретили настоящих партизан.

А потом мы беседуем, как старые друзья. Я рассказываю им о своей поездке в Москву, о встречах в Кремле, о Брянском лесе.

— А как словаки себя ведут? — спрашиваю, ни к кому в отдельности не обращаясь.

— Словаками интересуетесь? — переспрашивает меня бойкая женщина лет тридцати.— Они у нас тут давненько. Ребята ничего, не обижают. Бывает, и помогут... Душой-то они, видать, за нас... Да офицеры им воли не дают. Хотя и офицеры есть ничего себе, подходящие.

Молоденькая девушка, подвинувшись ко мне, шепчет:

— Организация у словаков, порука круговая. Это точно. А мне не верите, бабусю спросите. Вон она стоит. Из Овруча за час до своей смерти ушла. Ее за секретаря райкома посчитали.

Я с большим интересом разглядываю невысокую старую, внешне ничем не примечательную женщину. Ее глаза смотрят на меня прямо, спокойно.

— Пойдем, бабуся, поговорим,— обращаюсь к ней.

— Это можно.

Мы уселись в сторонке, на поваленной сосне. Старушка начала свой рассказ.

— В прошлом декабре это было. Мороз лютый. Несу я по улице вязанку хвороста. Остановилась дух перевести. Смотрю, офицер: вот такая бляха на голове, при погонах, очки на носу. Одно слово, в полной форме офицер. Сам молодой, но нахмуренный. И прямо на меня идет. Ну, думаю, конец: еще за грабеж ихней империи мой хворост посчитают. Он огляделся, поблизости никого не увидел и говорит мне, по-русски говорит: «Замерзла, мамичка? Иди погрейся...» Что тут делать: стою. Как столб стою. Тогда он эдак строго на меня: «Иди, иди...» Ну, я и пошла, а у самой душа в пятки. В комнату меня привел. «Садись, — говорит, — чайку попей». Сам стакан чаю наливает, крепкого такого, и полную сахарницу передо мной ставит, а ведь мы, сынок, с той поры, как Красная Армия ушла, чаю с сахаром и вприглядку не пили. А офицер-то сам в угол отошел, повозился там и шасть из комнаты. Сижу я, глаз не поднимаю, дышать боюсь.

Потом вдруг кто-то заговорил. Громко так заговорил, я даже испугалась. Оказалось, радио. Батюшки мои, Москва сводку передает! Под Москвой будто фашистам разгром учинили. А у нас, в Овруче, как раз незадолго перед тем фашисты молву пустили: Москва, дескать, взята, Красную Армию за Урал-хребет прогнали. Сам понимаешь, какой уж тут чай, слово боюсь пропустить... Кончилась сводка, музыка заиграла. Гляжу, опять тот офицер входит. «Ну, — говорит, — погрелась, теперь ступай домой». А когда в сени со мной вышел, спрашивает: «Ты что же, мамичка, в праздник дровами занялась?» Я, старая, от радости в толк не взяла да и бухнула: «Какой праздник? Будни сегодня». Улыбнулся он, потом тихонько хлопнул меня по плечу и говорит: «Ну, будь здорова. Пеки пироги с грибами, а когда гостей угощать будешь, скажи, пусть держат язык за зубами»... Как я от него ушла, не помню. Только к вечеру у нас в Овруче и впрямь был праздник. Из дома в дом весть передавали, что фашистов под Москвой бьют... Вот и все.

— А секретарь райкома при чем?

— Ну, это уже потом. Слух пошел между полицией, будто у нас в Овруче секретарь райкома объявился и народ баламутит, и стали искать, откуда эта сводка вышла. Сами понимаете, если бы добрались до меня, что им до того, кто я, все равно бы повесили. И вот раз вечером стучит кто-то в дверь. Я открыла и обмерла: солдат ихний стоит. Я ни жива, ни мертва. А он так душевно говорит: «Привет тебе оттуда, где ты чай пила. И велено передать тебе: секретаря райкома ищут и до тебя могут добраться. Уходи скорей». С тем солдат и ушел. Подумала я, подумала. Смерти испугалась. И пошла куда глаза глядят. Страхов в дороге приняла — не счесть. А теперь вроде бы ничего. Вот она меня приютила, девчонка-то эта, добрая душа.

— А про офицера вы ничего больше не узнали? — спросил я.

— Да ведь как узнаешь? — сказала старушка. — Наши все звали его меж собой по-русски, Иваном, а как на самом деле — не ведаю. И фамилию его мне говорили, да выскочило из головы, напрочь выскочило. Не осудите: стара.

— А кто он по званию, по чину?

— Не разбираюсь я, ей-право, не разбираюсь...

— А вы бы не смогли к нам пристать? У нас, в партизанах, пожить?

— А зачем вам такая старуха? Моими ногами много не намеряешь.

— Вы нам очень можете понадобиться и в большом деле помощь окажете.

— Для большого дела грех отказываться.

Я громко приказал Ковалеву, указывая на старуху:

— Отвести в оперативную часть!

И сразу послышались взволнованные голоса женщин:

— За что забираете?

— Пожалейте старуху...

Я понимал их, но не мог пуститься в объяснения. Бросив невразумительное «там разберутся», я ушел, оставив гудевшую толпу задержанных...

Любопытные, однако, вещи сообщила старушка...

Я продолжал свой путь к заставе. У одинокого домика между болотами меня встретил Петрушенко. Он вернулся от Ковпака.

— Что там происходит? — движением головы показываю на дом.

Оттуда доносятся взрывы хохота.

— Словацкий солдат перебежал к нам. Интересно рассказывает про ситуацию в полку. Может, послушаем?

...Дом полон народу. Теплый воздух из комнаты вырывается в приоткрытую дверь и клубится паром под потолком в сенях. Входим, останавливаемся на пороге. Разговор ведут в основном двое. Один голос, незнакомый, принадлежит солдату-перебежчику, другой — Реве. Это ребята из его отряда задержали словака. Отсюда нам не видно ни Реву, ни перебежчика. Их скрывают спины партизан. Меня удивило, с каким напряженным вниманием слушают. Никто даже головы не повернет в нашу сторону. Всех, видно, волнует словацкая проблема не меньше, чем нас, командиров.

Толпа немного раздвинулась, и мы с трудом протиснулись к столу. Рева подвинулся, я сел рядом.

В этот момент сидевший напротив словацкий солдат в разорванной гимнастерке, с рукой на перевязи, поднялся во весь рост. Сильная, подвижная фигура, безупречная солдатская выправка...

— Садитесь, — говорю ему.

Рева наклоняется ко мне, тихо рассказывает:

— Ты знаешь, це вин, бидолага, кобылу Кольки-то Маленького на хуторе забрал. Три ночи ходил голодный у нее за хвостом, все ждал, когда она его к партизанам приведет. Знал, что партизанская лошадь. Говорит, одна русская девушка — у них в полковой столовой работает — надоумила насчет партизан. Потом встретил нашу разведку, за полицию принял и давай тикать. А наши хлопцы приняли его за полицая, вот и ранили.

Солдат смотрит голубыми глазами то на меня, то на Реву, стараясь, видимо, понять, о чем идет речь, вынимает из кармана портсигар, торжественно протягивает мне и говорит:

— Прошу... Отведайте... То наши словацкие цигарки...

Раздался легкий щелчок, вспыхнул огонек зажигалки, и, закуривая, я почти вплотную встретился с настороженным взглядом солдата. Но вот он отвернулся и сразу потянулся к Ревиному кисету:

— Я прошу остатний раз вашего закурить.

— Ради бога. Кури сколько хочешь, браток.

Рева оторвал кусок курительной бумаги, насыпал смесь самосада с вишневым листом и мастерски продемонстрировал процесс созда-

ния самокрутки. Солдат облокотился здоровой рукой на стол, затянулся и довольно улыбнулся в облаке выпущенного дыма. Я внимательно присматриваюсь к нему. У словака полное добродушное бледное лицо, усыпанное мелкими веснушками.

— Сильно ранили? — спрашиваю его.

— О! То есть ничего. Кости не задело, пальцы шевелятся. Боли нету. Доктора ваши медикамент заложили, перевязали, укол сделали, накормили добре, вином угостили... Хорошо чувствую...

— Откуда вы знаете русский язык?

— Ходил в украдку от офицеров к тетушкам, к девочкам, дьякую им, получил знание,— просто ответил словак.— Наши языки много похожи.

— Я прервал вашу беседу. Вы тут что-то интересное рассказывали товарищам...

— Цикаво излагает браток, — опережает ответ солдата Рева. — Знаешь, хотел перейти к партизанам еще в сорок первом, но ты послушай, Александр, как возмутительно себя офицерия ведет. А ну-ка, Рудольф, расскажи, как тебя Чембалык вызывал.

— Ано... — кивает головой Рудольф.

— Это по-ихнему значит «хорошо», — уже в роли переводчика выступает Рева.

Нас интересуют офицеры

Рудольф сдвинул густые выцветшие брови и, чуть наклонив голову, как бы собираясь с мыслями, медленно начал:

— Чембалык — то был мой командир... — Он сделал небольшую паузу. — То в сорок первом году было. Вызвал меня к себе, спрашивает: «Рудольф, сколько тебе лет?» «За двадцать, пан подпоручик», — кажу ему. Тут он очень недобре посмотрел на меня и резко сказал: «Шкода!»

— Жалеет, значит,— комментирует Рева.

После небольшой паузы Рудольф продолжает:

— «Почему?» — спрашиваю подпоручика. «Потому,— отвечает,— что фарш у тебя в голове начал рано портиться». «Не понимаю»,— кажу ему снова. А он встает, кобуру рукой трогает, подходит ко мне и говорит: «Слыхал, что ты к партизанам хочешь бежать». Ну, думаю, выдали. В горле от страха пересохло, голова мыслить перестала, ничего сказать не могу... А он как закричит: «Чего ты молчишь, чего смотришь на меня, как африканская ящерица! Вам зачитывали приказ министра обороны Словацкого государства?» Как сказал «государство» — у меня в глазах темно стало. У нас в Словакии это слово «государство» вспоминают, когда нужно закон подобрать, чтобы человека в тюрьму сунуть или на смерть оформить. Он вынимает из сейфа бумагу и читает. То министр обороны грозит солдатам так: кто уйдет к партизанам, приговаривается к смертной казни. Мы тогда не дуже испугались того приказа: раз ушел человек в партизаны, так кого же казнить будут? А тут уже я поверил: значит, и вправду смерть пришла.

Подпоручик читает мне тот приказ так строго и с выражением, как приговор перед смертью. Только когда кончил читать, садится к столу, берет газету с портретом Гитлера. Думаю, именем фюрера сейчас мне смерть объявит, а он со мной иначе заговорил. «Рудольф, как ты думаешь, этот Наполеон выиграет войну у русских?» У меня снова все перед глазами завертелось: и Чембалык, и Гитлер, и газета... А он смеется, дает мне цигарку. «Закури»,— кажет. Я закурил и помаленьку-помаленьку осмелел, и тут в голове один случай с цыганкой зашевелился. «Не знаю,— говорю,— пан подпоручик. Офицеры нам об этом не говорят. А вот цыганка гадала, сам видел.» И тут я начал ему рассказывать, как одна манжелка попросила цыганку погадать, чем война кончится. А цыганка говорит: «Дайте мне черного когута, тогда правду сами увидите».

— Чего, чего? — переспрашивает кто-то из партизан.

— Ну, який же ты хлебороб: домашней птицы не знаешь. Когут — це петух, — замечает Рева.

— Да при чем здесь петух! Мы хотим знать, кому гадала цыганка?

— Манжелке, — повторил Рудольф. — Разве вы не понимаете? Как это вам говорить... Вот вы, — он показывает на Реву, — есть отец. У вас дети. Так манжелка есть мамичка ваших детей.

— Жена! — сразу подхватило несколько голосов.

— Ну, конечно, жена, — подтверждает Рева и обращается к Рудольфу: — Теперь ясно. Ну, рассказывай, як же она гадала той манжелке.

— Как сказала та цыганка, так и принесла манжелка черного когута, а цыганка вынула из мешка красного. И черный сразу набросился на красного. Так набросился! Прыгает, надулся. А красный только обороняется. Черный утомился, шагнул назад, чтобы передохнуть, а красный как вытянет шею, как даст черному прямо по гребню. И еще. Всю голову ему разбил. Черный когут хочет убежать — сил нету.

В избе смех. Рудольф добродушно улыбается.

— Пан подпоручик тоже так смеялся...

— А что цыганка сказала?

— Про то и пан подпоручик спрашивал. Я сказал, цыганка ничего не сказала. Забрала обоих когутов и пошла своей дорогой. Тут пан подпоручик мне говорит: «Ну, Рудольф, я вижу: фарш в твоей голове еще не совсем испортился»,— и сам снова принялся на меня страх нагонять.

Рудольф помолчал, закурил и с волнением продолжал:

— Пан подпоручик меня спрашивал: «А ты знаешь про то, Рудольф, что партизаны всех иностранцев расстреливают? Никому не верят. В плен взяли или сам перешел — все равно всех расстреливают. И пища у партизан не по нашим желудкам: ворон, лягушек едят, хлеб из сосновой коры грызут и в болотах живут... Вот ты, Рудольф, как думаешь, если бы ушел к партизанам, то выжил бы или подох?» «Не знаю,— говорю,— пан подпоручик, не пробовал». «Ну, хорошо, представим, что ты даже чудом выжил. Вот кончится война, куда ты пойдешь? Домой? А там родных лишат всего имущества. Запомни: Чехословакию будут освобождать не русские... Как было после первой мировой войны? Не знаешь? Многие из Чехословакии воевали тогда на стороне красных, когда в России гражданская война шла. Вернулись после войны домой и нищими стали: их на работу никто не принимал, многих даже в тюрьму посадили. А вот легионеры, которые на стороне Колчака сражались, вернулись домой — им в первую очередь работу дали, большим почетом пользовались. Учти, большевиком считать будут. Подумай...» «Подумаю, пан подпоручик»,— сказал я. Он хлопнул меня по плечу и кажет: «Вижу, словак ты настоящий, только ума у тебя маловато, запомни, что я тебе говорил, ведь ты же человек, а не колбаса нафаршированная». И с тем освободил меня. Совсем плохо мне было. Пришел к нему — в голове мозг был, ушел — один фарш остался,— закончил Рудольф.

Петрушенко пробирается к столу, спрашивает Рудольфа:

— А коммунисты у вас есть?

— Кто их знает? Ведь им приходится прятаться. Гестапо ищет какого-то Репкина. Кажут, то есть большой человек из Коминтерна.

Петрушенко подробно расспрашивает Рудольфа о Репкине, но нужных ответов не получает.

— Если кто и знает про него, все равно не скажет, — говорит Рудольф.

В это время, вижу, командир отряда Селивоненко нервно заерзал на своем стуле и резко подвинулся к командиру артиллерии Будзиловскому. Темно-русая козлиная бородка Селивоненко подалась вперед, еще больше удлинив лицо. Он неприветливо посмотрел на солдата и начал что-то быстро говорить Будзиловскому, возмущаясь, размахивая руками. На его худых, запавших щеках выступили красные пятна.

— О чем вы там спорите?

— Глупости, товарищ командир. Не стоит внимания, — пытается замять происшедшее Будзиловский.

Но Селивоненко уже не может сдержать гнева, встает и громко обращается ко всем:

— Какая же тут глупость? Перед нами солдат оккупационных войск, а мы его байки слушаем, смеемся. Народ призываем бороться с оккупантами, а сами? Вином их угощаем, папироски закручиваем... Вишь, дружок нашелся!

— Зачем вы такими словами бросаетесь перед солдатом, Селивоненко? — поднимается командир отряда Боровик. Потрогав по привычке свои густые черные усы, он продолжает: — Это же не командующий и даже не офицер. Ведь это же простой подневольный солдат...

— А если ты завтра пойдешь минировать дорогу, — набрасывается на него Селивоненко, — кто в тебя стрелять будет: командующий, офицер или вот этот, как ты говоришь, подневольный солдат? Спроси его: в словаков, которые охраняют от партизан дороги и фашистскую власть в городах, он будет стрелять?

Рудольф пригнулся к столу, как от удара, несколько раз подряд затянулся папиросой, пока его не одолел кашель.

В избе напряженная тишина. Все ждут, что же ответит Рудольф. Он поднимает голову, смотрит в дальний угол комнаты. Кажется, он только сейчас понял, за кого их, словацких солдат, могут считать здесь.

Рудольф облизывает пересохшие губы и говорит:

— Неправда!.. Неправда!.. Словаки не стреляют в советских. Нет! На каторгу не гонят своих братьев. Нет! Никого! Мы горды, что мешаем это делать другим. Мы плачем, когда нам русские мамички говорят за это спасибо. Мы не виноваты, что нас забрали силой. Тюрьмы наши тоже не есть пустые. В них сидит много наших родных вместе с коммунистами. Словацкий солдат не имеет силы делать все, что хочет его сердце. Выше солдата есть офицер. Выше солдата есть гестапо... Если вы меня убьете как оккупанта, мой командир только с аппетитом покушает. Дома в Татрах тоже ничего доброго не скажут...

Рудольф вынул платок и отвернулся.

Изба загудела, как пчелиный улей. Партизаны протискиваются к Рудольфу, дружески хлопают по плечу, что-то горячо втолковывают ему, а он, часто моргая, смотрит на них своими большими голубыми глазами.

Замечаю суровый взгляд Боровика, обращенный на Селивоненко, который сидит, опустив голову. Видимо, его тоже тронула искренность словацкого солдата.

— Ты не лякайся, браток! — успокаивает Рудольфа Рева. — Правильно сделал, что ушел. Ну их к бису!

Подошел Селивоненко.

— Рудольф, дай руку. Хочу поверить...

Рудольф трясет протянутую руку, улыбается, добродушно и радостно кивает головой.

Громко переговариваясь, партизаны начали расходиться. Изба пустеет. Остаются одни командиры.

— Скажите, Рудольф, вы из какого полка? — спрашиваю я.

— Сто первого.

— Кто командир?

— Полковник Чани.

— А начальник штаба?

— Капитан Налепка.

— Чани — фашист?

— Не думаю. Он старенький. Солдаты говорят: полком командует капитан Налепка.

— А как он?

— Не знаю. — Рудольф повел здоровым плечом. — Большим авторитетом у начальства пользуется, очень строгий.

Комиссар все время сидел у окна и что-то писал. Он ни на кого не обращал внимания. Только выступление Селивоненко оторвало его на какое-то время от бумаги. Наш комиссар был верен себе: взвешивал, осмысливал, прежде чем составить окончательное мнение.

— У тебя есть что-нибудь? — обращаюсь я к Богатырю.

— Интересно, — повернулся он к Рудольфу, — если мы обратимся к словацким солдатам с листовкой, разъясним им, что мы принимаем в свои ряды всех, кто честно хочет бороться с фашизмом в интересах своего народа, солдаты поймут нас?

— То добре будет. То дойдет до разума каждому.

— Вот послушай, Александр, какие слова я хотел бы им сказать.

Я прочитал листовку и сказал:

— Надо печатать. Запускай в типографию.

Петрушенко уходит вместе с Рудольфом.

Продолжение следует.

Служба леса

Н. БЫКОВ

Ночью от шумного стального тракта, соединяющего Москву с Поволжьем, Уралом и другими более дальними далями, отделилась одноколейка — на Вернадовку. Так тихий проселок уходит в сторону от большака. Место электровоза занял бойкий паровозик. За Сасовом потянулись леса. Не дачные перелески, не зеленая зона с яркими рекламными щитами и асфальтовыми просеками, а именно леса. Долгие, высокие и до знакомства с ними, кажется, сумрачные, неприветливые. Такие восхищают своей мощью, и перед такими невольно робеешь: а что там, за темными стволами?.. Позже узнаешь, что это не просто безымянные леса, да и говорить о них надо не во множественном числе, а в единственном, потому что, оказывается, это все один лес, точнее, единый массив, названный Цнинским по имени реки Цны...

Едва лес отступал от железнодорожного полотна, возникали полустанки и разъезды. Чаще отступал лес, короче были перегоны. Когда начало светать, поезд миновал Вышу, потом Морсо́во, наконец Па́шково. Здесь находится штаб Юрсовского лесхоза — его дирекция... Дальше ушли вагоны, один за другим скрылись в зеленом тоннеле. Остались тишина, рассвет и лес.

В такой час контора закрыта. Все вокруг спит. А лес?

И вот мы лицом к лицу с ним. Тихо. Дорога, изрытая глубокими желтыми колеями, уходит в лесную синь. И начинается сказка. Простая земная сказка. Это действует колдовство леса, его чары. Идешь по колено в зыбком паводке тумана, оставляя лиловую тропу на белесых от росы полянах, и видишь, что лес не зеленый, а голубой, местами в розовых пятнах,— это навстречу тебе движется рассвет. А еще слушаешь тишину. В августе лес, оказывается, тихий-тихий. Давно умолкли соловьи, откуковала свое кукушка. Только редкая горлица то ли уговаривает кого, то ли ворчит на вершине старого вяза. Да дятлы перестукиваются. Да иволга, августовский соловей, свистит в орешнике. Все это и есть тишина. И это сказка. Чу, в двух шагах на старом пне сидит белочка. Вовсе не рыжая, тоже с голубизной, только кончик хвоста белый, будто в сметане побывал. Белочка маленькая, неопытная, а потому и не пуглива, скорее даже не в меру любопытна. Глянула в глаза — и скок на сосну. Не спеша взобралась повыше. Упали шишки.

Дальше в лес — чудес больше. Здесь ночевал лось, здесь еж дал трепку змее — только голова осталась, ее, ядовитую, не тронул, умница. А здесь вот лесной тайник — большое дупло в старой липе, у входа в него клубятся пчелы. Значит, и мед там! А рядом такая глухомань, что ни травинки под черными елями, один мухомор, как мальчишка за лето, вытянулся, да только ничуть не загорел, почти белый: солнца не видит...

Владения Юрсовского лесхоза занимают шестьдесят четыре тысячи гектаров, но это только малая часть лесного океана.

— Цнинский лес,— рассказывал директор Михаил Иванович Ильин,— является началом Северных лесов России. За ним пойдут Мордовский, Горьковский, Пермский леса, лес Коми АССР...

Юрсовский лесхоз — хозяйство не простое, механизированное. А совсем недавно ему присвоено звание предприятия коммунистического труда. Такое в Российской Федерации пока единственное! А какие они, эти люди, несущие благороднейшую службу леса?

Издавна существовали выражения: «живет, как в лесу», «лесной бирюк»... С лесом связаны наиболее мрачные сказания, красивые, но жуткие легенды. Вот и я наяву услышал: «Далеко ль до Кащеева поселка?..» И сразу повеяло старой лесной небылью. Но сказка, которую так простодушно уже представлял себе, нежданно обернулась былью. В поселке Морсовского лесничества возле конторы нам представился высокий, кряжистый, гладко выбритый, снежно поседевший человек:

— Кащей. Григорий Карлович. Здешний лесничий...

Так вот почему и поселок Кащеев! В округе уже не каждый и знает, что названия «Кащеев лес», «Кащеев поселок» — это не наследие старины, а своеобразный памятник при жизни человеку, отдавшему этому лесу более тридцати лет!

— В двадцать седьмом сюда приехал,— рассказывает седобровый Григорий Карлович.— Первым моим соснам уже за тридцать. Скоро в пору спелости вступят. И сейчас все сажаю, сажаю их, маленьких... Живу в лесу и лесом, так вот...

Кащей с лесом на «ты». Еще бы! На счету лесничего три тысячи гектаров е г о, им посаженного леса. Сосны, будто литые из бронзы, поднялись к самым небесам. Его сосны, его, Кащеев, лес!..

Григорий Карлович поведал о тех добрых преобразованиях, которые произошли в нашем лесном деле буквально за последние годы. Русскому лесу пришлось особенно плохо в годы Отечественной войны: тогда немало свели его на нет, давали тылу «кубы»,— в основном крепеж и дрова. И в первые послевоенные годы, в годы восстановления и лишений, не очень-то задумывались о судьбе зеленого друга... Лихие времена миновали. Теперь топору запрещено бездумно гулять меж звонких стволов. Законны отныне лишь рубки ухода. И лес, благодарный, будто ожил.

...Полдень в лесу. Поляны выбелены бликами, солнце в соснах, теплые стволы берез. Тургенев и Аксаков, Некрасов и Есенин, Пришвин и Леонов входят вместе с тобою в зеленый храм за рекою Вышей... Можно говорить с морем, можно петь долго и во все горло в степи, а в лесу молчишь и только слушаешь. Дерево живет многие десятилетия, ему есть о чем рассказать. Здесь были пышные имения графа Воронцова-Дашкова; здесь каждым большим и малым древом владел мильонщик Пашков; там свили свои роскошные гнезда князья Долгоруков и Оболенский.

Вот говорят: «Лес посадил граф такой-то...» Неправда это! Сажали лес простые смертные, крепостные кудесники, чье наследие сегодня в крепких, искусных руках таких наших лесничих, инженеров и мастеров леса, как Михаил Иванович Ильин, Пелагея Васильевна Корачкова, Григорий Карлович Кащей, Сергей Александрович Царев, Петр Егорович Кузнецов, Григорий Иванович Лукашевич... Да их много, чудодеев русского леса! Конечно, могут и цифры рассказать об их успехах. Например, за весну нынешнего года в лесхозе посажено восемьсот семь гектаров новых лесов, засеяны в питомнике новые двенадцать гектаров, и на каждом, например, до полутора миллионов сосенок ясельного возраста. И еще: приживаемость по лесхозу — 95 процентов... Цифры замечательны! Но нужны ли они, если вот он, лес? Каждый зеленый лист, этот таинственный аккумулятор солнечной энергии, каждый ствол, по которому струятся солнечные соки, куда больше говорят о сердцах и мастерстве хозяев русского леса.

...К петлицам приколоты золотые эмблемы: скрещенные дубовые листья. Несет вахту служба леса! Лес живет своей жизнью, но за каждым деревом, за каждой тропой, за каждым гнездовьем и муравейником наблюдают сотни хозяйских глаз. На поле, защищенном от зноя и суховеев зелеными ветроломами, в отделении совхоза «Земетченский», где управляющим старый хлебороб, отец трех дипломатов и друг леса Тимофей Егорович Бучин, нынче намолочено по тридцати с лишним центнеров ржи с каждого гектара. Лес не самоцель. И сегодня нужны срубы для изб и колодцев, и сегодня живо древнее мастерство бондарей и колесников, и сегодня Юрсовский механизированный лесхоз производит деготь, древесный уголь, кровельную щепу. Здесь ладят летом сани, а зимой телеги, дерут мочала. Только все это не по старинке, не вручную. В лес пришли машины, на делянках гудят бензопилы «Дружба», урчат трелевочные тракторы. Здесь действуют лесозавод и чуть ли не первый в стране завод, приготавливающий из листьев и хвои витаминную муку для нужд животноводства. Вот он какой, этот лес! А грибы да ягоды, а лисы да зайцы!.. Волки редки, зато здесь царство непуганых лосей, а случается встретить и медведя...

Над лесною Вышей стелется туман. Причудливы краски заката над Васькиным бором. Опаленные солнцем сосны, порозовевшие березы, медные, будто кованые дубы... Тихо. Только рыба играет, да время от времени протрещат сороки, выбалтывая лесные секреты: в малинник мишка-шатун забрался, от белки бельчонок сбежал, а на дальней тропе повалилась старушка ель... Старость приходит и к деревьям. К деревьям, но не к лесу. Лес вечен. Как море! И как солнце, перекачивающее свою вечную энергию в поднятые человеком стволы!

И потому вечно дело рядовых службы леса!..

Григорий Карлович Кащей, хозяин Морсовского лесничества. Этот человек посадил не дерево, не два, а три тысячи гектаров леса.

Бору шуметь в будущем веке!

Фото Б. КУЗЬМИНА.

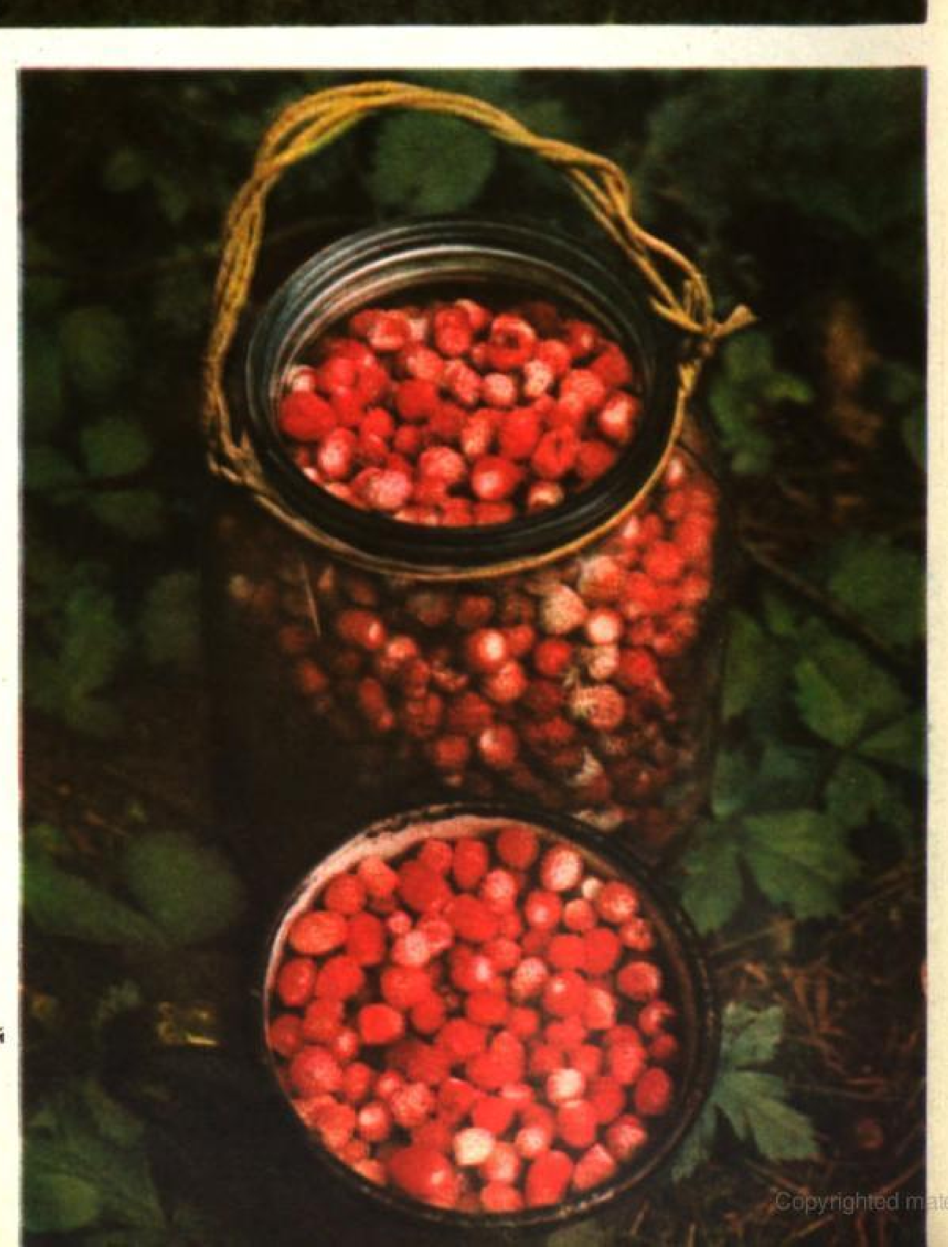
Директор Юрсовского лесхоза Михаил Иванович Ильин (слева) и управляющий отделением совхоза «Земетчинский» Тимофей Егорович Бучин часто встречаются у лесной полосы, поднявшейся на защиту полей.

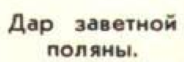

В лес
по грибы.

Сад в лесу.

Дар заветной
поляны.

Он был офицером связи, и мы встречались с ним в штабе дивизии, где я некоторое время работала переводчицей. Бакалао не имя, не фамилия: слово это означает «треска» и еще, в переносном смысле,— «скелет». Ни на то, ни на другое он не был похож со своими широкими плечами и круглым румяным лицом. Но так дразнят в Испании бакалавров, а Карлос Гарсиа де ла Фуэнте в свои девятнадцать лет уже два года был бакалавром: он получил диплом осенью 1936 года в самом Мадриде.

У меня это звание вызывало некий трепет, потому что до той поры я встречала бакалавров только в сочинениях Сервантеса. Но потом оказалось, что бакалавр — это просто человек, имеющий среднее образование, так что по здешним понятиям и я была бакалавром. Трепет прошел, мы с Бакалао подружились, и он стал меня дразнить. Так он понимал дружбу.

Он дразнил меня, как школяр, как несносный младший брат, хотя мы были ровесниками. Он потешался над моим испанским произношением. Он издевался над моим серьезным видом: женщина должна быть веселая, игривая, а не серьезная. Он безумно веселился, когда я курила, держа сигарету в правой руке: так держат сигареты только сеньоритос, барчуки.

Я сердилась и отпускала иронические замечания по поводу его маленького роста, несносного характера и сомнительных вокальных данных (он очень любил петь). Бакалао отшучивался и поминал к слову сарагосскую богоматерь Санта вирхен дель Пилар, которую добрым католикам не полагается поминать всуе.

— Санта вирхен дель Пилар! Ну, предположим, я не умею петь, а ты умеешь. Предположим! Но что ты поешь? Важно не *как*, а *что* — это каждый теперь тебе скажет. Вот ты приедешь к себе в Ленинградо. Твои друзья-студенты попросят тебя спеть испанские песни. Ты возьмешь гитару...

— Я не играю на гитаре.

— Все равно возьмешь — для красоты. И начнешь петь «Росио», которую у нас перед войной пели все кухарки. Знаешь, даже в газете было объявление: «Ищу кухарку, которая не поет «Росио». Правда, правда! И тогда твой новио, потому что он умный человек, твой жених, я видел его фотографию, скажет: санта вирхен, или, как там у вас говорят, разве же это испанские песни? Он сразу увидит, что это все эспаньолада, испанщина. Для туристов. Петь надо «фламенко». Как Манолин.

Манолином звали его шофера. Они ездили на маленьком синем «Рено», внутренняя обивка которого изрядно поистерлась: Манолин чинил и штопал ее сам, с хозяйственной рачительностью, удивительной для мадридского шофера. Он был высокий, для испанца даже очень высокий, молчаливый, со спокойными манерами, с той горделивой внешностью, которая отвечает нашему внутреннему представлению о благородной, породистой красоте. Когда он пел «фламенко» — старинные андалузские мелодии, изукрашенные мавританскими руладами,— он закидывал голову, закрывал глаза, и видно было, как рулады перекатываются у него в горле. Бакалао слушал, восторженно приоткрыв рот. Но стоило Манолину замолчать, и Бакалао начинал над ним подшучивать. Он предупреждал меня, что Манолин только с виду такой спокойный и уравновешенный. На самом же деле он покоритель сердец, настоящий мадридский «чуло». Может быть, в этом была доля правды.

— Ты, Рита, будь с ним поосторожнее. Он «мучо пинта» — «большой хитрец».

При этом он трогал себя пальцем где-то у глаза: присматривайся, мол, будь начеку.

Манолин улыбался со спокойным достоинством, молчал и что-то делал. Он всегда что-нибудь делал, когда не пел: возился в моторе, чистил пистолет, чинил одежду, свою или Бакалао. Они оба начинали войну в Мадриде.

— Ты знаешь, Рита, этот тихий Манолин дрался с маврами, как Сид Кампеадор. О, это храбрец! Да, а ты знаешь, кто такой был Сид Кампеадор?

Они называли Мадрид «Форо». Это было словечко из жаргона «кало́». Они учили жаргону и меня: «чу́па»—«пиджак», «тра́йя»—«цепочка»... Они тосковали о Мадриде. Бакалао напевал названия его улиц и кварталов: «Алкала, Пуэрта дель Соль...», Манолин говорил: «Живи, Мадрид, моя деревня!»

У Манолина в Мадриде оставалась жена и дочка Тересита. Я бы узнала их на улице: так часто он показывал их фотографии. Правда, в его бумажнике были и другие женские фотографии с нежными надписями; когда я спрашивала о них, он только улыбался смущенно. Бакалао никогда не говорил о своей семье. Но от Манолина я знала, что его мать и отец, профессор литературы, погибли в разбомбленном доме.

Манолин был коммунистом. Бакалао — левым республиканцем, как президент дон Мануэль Асанья. Но они вместе дрались под Карабанчелем, и, когда Манолина ранило, Бакалао вытащил его из боя на своих плечах. Потом образованный Бакалао стал лейтенантом, Манолин — шофером. Только здесь, в Каталонии, на Эбро, они встретились снова и с тех пор не расставались.

Вода в Эбро тяжелая, темно-желтая, мутная, без игры, без серебристого, чешуйчатого блеска. Яркое полуденное небо плывет над ней, но река его не отражает, словно и дела ей нет до этого синего покоя. Грузно, озабоченно перекатывая свои мутные волны, словно выполняя тяжелую повинность, она уходит от нас на юго-восток, к Тортосе, которая с апреля принадлежит фашистам. А под вечер, когда небо начинает бледнеть, в нем появляются трехмоторные фашистские юнкерсы — из Тортосы, из Лериды... Мы смотрим на них, задрав головы,— вся авиация Франко сейчас на нашем фронте. И кто-нибудь непременно говорит: «Ничего, зато нашим братьям на Леванте сегодня легче!»

Вот уже скоро неделя, как штаб дивизии находится в маленьком городке на правом берегу Эбро. Мы видели этот городок раньше, перед наступлением. Мы видели его каждый день — и в бинокль и невооруженным глазом: белые двухэтажные домики и рыжие черепичные крыши. Но он был только названием, он казался нереальным, как мираж, плоским, как почтовая открытка. Это был не город, а населенный пункт, который предстояло взять. И река была не река, а водный рубеж. В зеленых долинах между холмами на левом берегу офицеры учили солдат преодолевать водный рубеж: точно, стремительно, бесшумно! Солдаты дружно взмахивали несуществующими веслами: казалось, будто мальчишки играют в переправу. По ночам тяжелые грузовики с притушенными фарами неслись по аспидно-синим асфальтовым дорогам: они подвозили к Эбро лодки. Фашистов надо было отвлечь с центрального фронта во что бы то ни стало.

Эбро перешли ночью, и об этом мгновенно была сложена песня с двумя припевами: современным, громыхающим, и традиционным, лирическим:

Наша армия на Эбро,
Бомбара, бомбара, бомбара-бам!

Ночью реку перешла-а,
Ай, Манола, ай, Манола!

Дальше в песне рассказывалось о том, как напуганы были предатели-фашисты и какие чудеса храбрости показали республиканцы. Песня принялась, ее стали петь повсюду: в строю, на привалах, в штабах, после ужина.

Но наступление застопорилось: Франко подтянул резервы. Начались долгие и изнурительные бои за высоты.

Тот городок, на который мы смотрели из-за реки, стал нашим. Впрочем, это был не городок, а «пуэбло» — «деревня», такая же, как ее сестры на левом берегу: те же двухэтажные домики, рыночная площадь с фонтаном, пустая каменная церковь, в которой давно никто не молился. Широченные кровати и круглые столы стоят во вторых этажах, где живут люди. В первых этажах — хлевы, там стоит скот, и ночью сквозь тонкие половицы слышно, как внизу вздыхает и переминается мул.

Только один дом опустел в деревне — в нем жил алькальд, староста. С белой стены этого дома смотрел нарисованный углем слащавый красавчик, похожий на валета треф: томные глаза, пробор и усики, знакомые нам по карикатурам — сам каудильо, генералиссимус Франко!

Солдаты останавливались и разглядывали это лицо:

— Козел! Рогоносец! Сын потаскухи! Все из-за него!

— Да, если бы не этот красавчик!

— Сегодня он огорчается, предатель!

Портрет забелили. В брошенном доме разместилась комендатура, над ним поднялось лилово-желто-красное республиканское знамя. С утра женщины, одетые в черное, приходят сюда и расспрашивают о мужьях и сыновьях:

— Сеньор команданте, то есть камарада команданте, может быть, вы встречали моего сына Мариано? Он был кабо, капрал... Моего брата... Моего мужа...

Девушки в комендатуру не приходили. Днем их вообще не было видно, и солдаты безрезультатно задирали головы, поглядывая на решетчатые ставни окон. Девушки появлялись вечером — на высоких каблуках, в отглаженных жакетиках с прямыми плечами, блистая глазами и лакированными локонами... Начиналось «пасёо» — прогулка по главной площади. Здесь, у фонтана, завязывались знакомства.

Но Пакиту я первый раз увидела именно днем. Манолин показал мне на улице худенькую девочку, быструю, как ящерица, и сказал:

— Эта девушка... Совсем еще ребенок, правда? А вертит всей деревней, как хочет. Мужчины с ума посходили!

Девочка, словно почувствовав, что говорят о ней, посмотрела через плечо, блеснула продолговатыми зелеными глазами.

Рассказ

Р. ЗЕРНОВА

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

— Красотка! — вскричал Манолин.

Он не мог промолчать, если красивая девушка подарила его взглядом. Но мне он объяснил со своей обычной солидностью:

— Это андалузский обычай, это называется бросать цветы. Хорошеньким созданиям обязательно надо бросать цветы.— И задумчиво прибавил: — А вообще от них лучше держаться подальше.

Хорошенькое создание оказалось племянницей моей квартирной хозяйки, сеньоры Росы. В тот же вечер я увидела ее снова. Она сделала реверанс, опустив глаза, и сеньора Роса посмотрела на меня с гордостью: вот как хорошо воспитана ее племянница.

Коротенькое застиранное платьице, парусиновые тапочки — альпаргатас; острые локти, острые колени, острая мордочка — девчонка-колючка. Но ослепительно зеленый взгляд из-под удлиненных век, но быстрая, лукавая улыбка... Она объяснила, что не ходит на пасèо: ее не пускает мамита.

«Как будто можно тебя не пустить, если ты захочешь!» — подумала я.

Она хорошо говорила по-испански — среди каталонской деревенской молодежи это встречалось не часто. У нее были две сестры, обе младше ее, похожи на мать, а она — вся в отца. Отец убит.

— Он был очень хороший человек. Он с самого начала пошел защищать республику. Мамита не пускала его, а он пошел.

Его убили под Теруэлем. Раньше он никогда не уезжал. Она тоже нигде не была, кроме как в соседней деревне: там у нее еще одна тетка, надо будет ее навестить.

Она хорошо училась в школе, учитель ее очень хвалил, и она сама хотела быть учительницей. Но мамита сказала, что это глупости: надо выходить замуж.

— А у тебя есть новио? — спросила я.

Она на минуту замялась, потом посмотрела на тетку, та кивнула.

— Да, есть.

— Из вашей деревни?

— Да, но теперь он уехал.

Я ждала, что она покажет его карточку, но она этого не сделала. Когда она ушла, сеньора Роса сказала мне:

— У нее очень строгая мать, добрая католичка. Вы, наверное, считаете, что это плохо. Но для воспитания детей это хорошо. Пакита будет ждать своего новио, пока он не вернется. Она молодая, ей всего шестнадцать лет, может подождать.

— Она его любит? — спросила я.

— Он очень хороший человек,— ответила сеньора Роса.— Серьезный человек. И он помогал всей семье, когда ушел отец.

В эту ночь я долго слушала вздохи хозяйского мула. Мне было жаль Пакиту.

Она забегала ко мне ежедневно — ненадолго, на несколько минут. Я пыталась удержать ее подольше — это было невозможно. Она больше не рассказывала о себе, она задавала вопросы. Все ее вопросы были о Советском Союзе. Что там носят? Что едят? У всех ли есть машины? Сколько платят за учение? Правда ли, что там дети не обязаны слушаться родителей? Правда ли, что там никогда не тает снег?

Задаст несколько вопросов, вспорхнет с места — она не могла долго усидеть на стуле — и заторопится: пора, мамита будет беспокоиться. Она никогда не высказывала своего отношения к тому, что я говорила. Спросит, выслушает, взглянет быстро, искоса — и задает следующий вопрос. А назавтра новая серия, которая начинается со слов: «А вот ты вчера говорила...» Однажды она спросила:

— И у нас в Испании когда-нибудь все будет так?

— Тебе надо бы вступить в комсомол,— сказала я.

Она засмеялась, встряхнула рыжеватыми волосами:

— Ке ба! Мамита ни за что не позволит!

И убежала. Снизу донеслись приветственные возгласы солдат:

— Оле! Красотка! Блондинка!

Это означало, что Пакита показалась на улице.

Через несколько дней она отправилась в соседнюю деревню, к тетке, и тут я познакомилась с ее мамитой. Это была тихая, бесцветная, расплывшаяся женщина; она раскаивалась, что отпустила дочь.

— Понять не могу, как я согласилась! Такое страшное время! Девочка одна на дороге! Мало ли что может случиться?

— Что вы, сеньора, мы же не в лесу. Пакита не красная шапочка! Да и серые волки не бегают по дорогам: их распугали бомбежки!

— Вот, вот, бомбежки! А вдруг...

Потом они с сеньорой Росой заговорили между собой по-каталонски.

— У Марии порвались альпаргатас, хорошо, если Пакита принесет ей другие от тетки.

— Алонсе, соседке, какой-то молоденький капитан привез из Барселоны чулки, мыло, нитки...

— Ну, Алонса не стесняется! Посмотрим, что скажет ее муж, когда вернется!

— Некоторые женщины ведут себя неприлично, думают, если война, то...

Пакита появилась на следующий день: она ночевала у тетки. Ей посчастливилось: туда и обратно ее подвезли на машине.

— И знаешь кто? Тот самый шофер Манолин, с которым я видела тебя в первый раз! Как он поет!

— Пакита, дочь моя! — ужаснулась сеньора Роса.— Ты села в машину к незнакомым людям! Приличная девушка никогда бы так не сделала! Мамита будет очень недовольна!

— Санта вирхен! Это вовсе не незнакомые люди,— сказала Пакита.— Они друзья Риты. И мы с ними познакомились еще на прошлой неделе, когда сюда приезжали артисты из Барселоны. Тогда еще двое танцевали танец апашей. Хочешь, покажу, как они танцевали? — И она, забавно кривляясь, изобразила этот танец, исполненный мюзик-холльных страстей.

— Пакита, да ты настоящая артистка!

— Ке ба!

Она вся лучилась в этот день и не задавала вопросов. Только уходя, она спросила меня небрежно:

— Они, наверное, женатые?

«Вот оно что!» — подумала я.

— Манолин женат! — сказала я серьезно.

Что-то мелькнуло в ее глазах, и она поспешно опустила веки.

Я ужинала в комендатуре. Ужин был как ужин: баранина, жесткая, как резиновая подошва, лентехас — чечевица с оливковым маслом и светло-желтое легкое вино. Офицеры разговаривали о бое быков (во время войны эти бои были запрещены), перечисляли знаменитых тореадоров. Бакалао спросил:

— Рита, а знаешь, кто был первый тореро? Ну, конечно, не знаешь. Тезей, вот кто! Он победил самого знаменитого быка того времени — Минотавра. Ах да, ты же не понимаешь, что за удовольствие находят люди в бое быков!

Манолин казался озабоченным.

— Оказывается, ты и в самом деле покоритель сердец, Манолин! — сказала я.

— А что я тебе говорил! — засмеялся Бакалао.— Он настоящий Пиччи! Знаешь песенку: «Пиччи побеждает все сердца-а, и девицам всем не спится, ибо нет такой девицы, что иметь не хочет другом столь надежного слугу!..» А кого он победил на этот раз?

— Он знает,— сказала я.

После ужина Бакалао провожал меня домой. Было темно, луна еще не взошла, и только крупные звезды тихо пылали в небе. Бакалао рассказывал про американца Уоллеса, которого ранило сегодня на высоте «506». Потом посмотрел на небо и сказал:

— Под такими звездами нельзя говорить о войне. Хочется петь!

— Не надо! — взмолилась я.

— Тогда я прочту тебе стихи. Не мои, не бойся,— Лорки.

> Была ее гладкая кожа
> Нежней жемчугов и лилий,
> Светлее луны сиянья,
> Разлившегося по стеклам.

— Какой поэт! — сказал он.— Сотни лет вся земля содрогается в муках, чтобы произвести такого поэта. И вот нет его! Убили в Гренаде! Я видел его: он приходил к моему отцу. Я тогда подумал: вот я увидел бессмертного! А фашисты его убили. Никто больше так не напишет о любви!

Вдруг он усмехнулся:

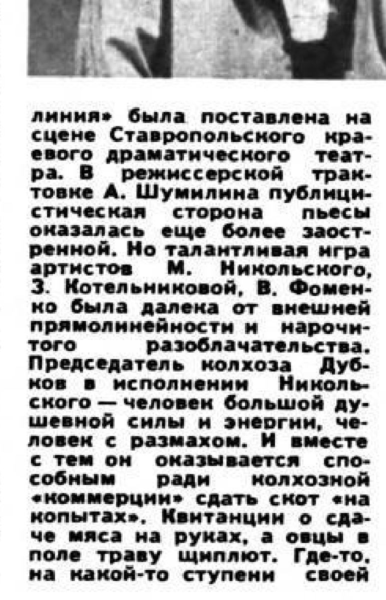
— Разве что я! Кончится война — буду писать стихи о любви. О девушке с зелеными глазами.

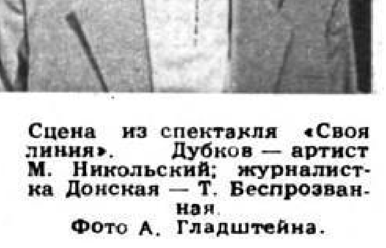
— Почему с зелеными?

— Потому что такие глаза украсят любые стихи. А какие глаза у твоего новио?

Хотела бы я знать, какие глаза у моего новио! Никакого новио у меня не было. Но признаться в этом было невозможно. Все видели у меня его фотографию, все знали, что он сту-

Своя судьба

Сцена из спектакля «Своя линия». Дубков — артист М. Никольский; журналистка Донская — Т. Беспрозванная.
Фото А. Гладштейна.

Не совсем обычной оказалась судьба пьесы В. Туренской и П. Мелибеева «Своя линия». Первое обсуждение ее проходило несколько лет назад в клубе одного из ставропольских колхозов. Когда Петр Петрович Мелибеев, стараясь унять волнение, дочитывал последний акт, кто-то из слушателей громко воскликнул: «Про нашего председателя это написано, все верно!» Клуб загудел, как встревоженный улей. Горячий, жаркий начался разговор. Не достоинства и недостатки пьесы разбирались, а недочеты и ошибки в руководстве колхозом. Ту линию обсуждали, на которой стоял председатель: с народом вроде и посоветуется, а сделает все по-своему, секретаря парторганизации не видно и не слышно — стал он личным, «председателевым» секретарем... Далеко за полночь расходились из клуба. Нет, не радовался председатель этого колхоза, что пригласил к себе в гости ставропольских драматургов! Зато драматурги ликовали: значит, верно конфликт найден, если за живое пьеса задевает, значит, не случайную она поднимает тему.

В январе 1960 года «Своя линия» была поставлена на сцене Ставропольского краевого драматического театра. В режиссерской трактовке А. Шумилина публицистическая сторона пьесы оказалась еще более заостренной. Но талантливая игра артистов М. Никольского, З. Котельниковой, В. Фоменко была далека от внешней прямолинейности и нарочитого разоблачательства. Председатель колхоза Дубков в исполнении Никольского — человек большой душевной силы и энергии, человек с размахом. И вместе с тем он оказывается способным ради колхозной «коммерции» сдать скот «на копытах». Квитанции о сдаче мяса на руках, а овцы в поле траву щиплют. Где-то, на какой-то ступени своей деятельности оторвался Дубков от народа, не видит больше связи между колхозным и государственным. Настораживает образ Дубкова, о многом заставляет задуматься.

Второй год не сходит «Своя линия» со сцены. Во время последней поездки театра по области колхозники после спектакля обыкновенно говорили: «Своевременная пьеса, в самую сегодняшнюю точку попадает».

Л. ОСИПОВА

дент и что мы поженимся, как только я вернусь в Ленинградо. А тот студент, чья фотография уехала со мной в Испанию, кажется, даже не знал, как меня зовут.

— Ты хотела бы, чтобы он сейчас был здесь?

Я вздохнула и сказала:

— Конечно!

На лестнице я наткнулась на Пакиту: она убегала.

— Ты долго не шла, я все ждала, ждала. А теперь мне надо бежать, уже поздно. До завтра!

На следующий день она пришла, и опять началось:

— А дон Мануэль Асанья — хороший человек? А в России есть мулы? А как в России венчаются?

— Расскажи мне про своего новио,— сказала она однажды.— Расскажи мне, как у вас началось, как ты поняла, что его любишь?..

— Но у тебя самой есть новио. Ты все это знаешь не хуже меня.

Лицо ее потускнело. Она покачала головой.

— Ты его не любишь?

Она так низко наклонила голову, что волосы упали ей на лицо.

— Я люблю другого человека. Ты знаешь, кого.

— Пакита! Но ведь ты видела его всего два раза!

Она подняла голову и засмеялась.

— Мы видимся с ним каждый вечер, когда я ухожу отсюда. Послушай, скажи сама: могла я его не полюбить?

— Но твой новио? Мамита? Что же будет?

Она с досадой тряхнула головой.

— Новио, мамита... Что ты говоришь? Разве у вас девушки выходят замуж без любви? Вот и я не хочу!

Я решила поговорить с Манолином.

Наутро мы уехали из деревни, и я не успела попрощаться с Пакитой. Через несколько дней Манолин передал мне от нее записку — несколько слов: добрые пожелания и теплые чувства. Я читала записку, а Манолин сидел рядом и чинил свою авторучку.

— Я хотела с тобой поговорить,— сказала я.— Ты знаешь, что у нее есть новио, хороший человек....

— А ты знаешь, кто ее новио? — спросил Манолин.

— Нет, а что?

— Он сын алькальда. Того самого, который бежал. Он не воюет против нас, потому что он хромой. Но все равно он по ту сторону.

— Это она тебе рассказала?

— В том-то и дело, что не она. Она ничего не говорила. Я сам ему все сказал.

— Кому ему?

— Как, кому? Бакалао! Он сказал, что больше не хочет ее видеть. Она приходила, плакала... Он сказал, что больше ей не верит. Знаешь: первая любовь обидчива! Он ведь хотел на ней жениться. Хорошо, что это сказал ему я. А если бы он узнал от кого-нибудь другого?

— Но ведь она его любит! — сказала я.

— Ничего! — сказал Манолин.— Она утешится. С кем-нибудь из этих «энчуфадос». Их довольно в деревне!

«Энчуфадос», «эмбоскадос» — так называли тех, кто спрятался от войны.

Штаб наш стоял в котловине между холмами. Мы спали в романтических хижинах из веток — чаболах; саперы построили большую землянку, которая служила столовой и залом заседаний, и выкопали убежище. С водой было трудно: я ходила умываться за холмы, в заросли тростника — там оказался чудом не пересохший маленький ручеек. Раскаленный август высушил траву, покрыл горячей пылью листья олив, закипел отчаянным пурпуром в гроздьях винограда по склонам. В природе не осталось холодной воды, даже в моем ручье она была такая же теплая и липкая, как во фляжке. Мухи жалили больнее, чем москиты; от их укусов делались незаживающие ранки.

Солнце садилось в просвет между холмами. В этом просвете на наших глазах однажды вечером разыгрался воздушный бой: республиканский «моска» отбивался от фашистского истребителя. Маленькие, невесомые, почти прозрачные в вечернем бледнеющем небе самолеты взвивались друг над другом, беззвучные, словно мотыльки,— бой происходил очень далеко. Но как мы кричали! Офицеры, солдаты, повара, дивизионный врач-австриец, случившийся тут же.... Что-то первобытное кричало, вопило в нас, и мы колдовали или молились и верили, и, наверное, наш летчик почувствовал прилив сил, потому что фашистский истребитель внезапно вспыхнул, выкинул длиннющий чадный хвост в полнеба и пошел вниз, вниз, вниз... Черная игрушечная фигурка отделилась от него, заболталась в воздухе, потом над ней раскрылся белый зонтик. Фашистский летчик выбросился с парашютом.

Командир нашей дивизии Альварес, захватив с собой меня и Бакалао, поехал в соседнюю интернациональную бригаду: ему сообщили, что летчик приземлился на их территории. Командир «интеровцев», громадный белокурый немец, сидел в землянке и разговаривал сразу по двум телефонам:

— Йо контг'атако! — кричал он гортанным берлинским тенором.

Альварес, живой, черноглазый астуриец, смотрел на него, весело прищурясь.

— Бюрократо, э? — сказал он.

Альварес около года работал шахтером в Донбассе.

— «Бюрократо»!—отозвался немец, отложив одну трубку.— А что делать, если тебе кричат в две трубки на трех языках? Сегодня четвертый раз они лезут на высоту «511». Ужинать пора, а они лезут. Переведи ему, Рита, а то он моего испанского не понимает.

— Ничего! — сказал Бакалао.— Читал сегодня в газете? Негрин сказал: люди, которые сражаются по ту сторону Эбро,— это уже не просто герои, это боги!

— И пулемет? — кричал в трубку наш хозяин.— Два пулемета? Ах, файнер керль! Я говорю: молодец!.. И винтовки? Сколько винтовок? Я спрашиваю: сколько винтовок? Понял! Салют! Салют и спасибо!

Он положил трубку и повернул к нам покрасневшее лицо.

— Там хороший командир. Забрал обратно высоту! Захватил два пулемета... Ну, теперь можно ужинать! Оставайтесь с нами, у нас повар — француз!

— А где летчик? — спросил Альварес.— Жив?

— Повезли в штаб армии. Наглый мальчишка, фрехер юнге. Фашист.

— Испанец? — спросил Бакалао.

— Немец. Земляк.

— Они сожрут все,— сказал Бакалао.

Мы сидели рядом на низенькой каменной стенке, когда-то, должно быть, огораживавшей чей-то виноградник. Стенка была горячая, как печка: камни накалились за день.

День был тяжелый. Фашисты стали напирать на участок, который удерживала наша дивизия. Их авиация в несколько заходов бомбила мосты; понтонеры не уходили с переправы. Начальник понтонеров, француз, не стесняясь меня, ругал страшными испанскими ругательствами Франко, нехорошую женщину, которая произвела его на свет, длинные летние дни, Чемберлена, Гитлера и Даладье. Мы знали из газет, что Чемберлен ездил к Гитлеру в Берхтесгаден и договорился с ним. Значит, немцам отдадут Судеты, а потом, пожалуй, и всю Чехословакию.

— Они сожрут все,— сказал Бакалао.— Они еще будут летать над Парижем, вот увидишь! Франция! Эпикуров сад Европы! Может быть, тогда они поймут, этот Даладье и кто там еще... Э, да что говорить! Они и сейчас все понимают! Просто ведут себя, как страусы. Как австралийские куры.

За холмами ухнуло артиллерийское орудие.

— Мы нация дон-кихотов,— сказал Бакалао.— Мы ведем сейчас разведку боем для всей Европы. А они смеются над нами. Они подсчитывают, сколько мы еще продержимся. Вот уже третий год все подсчитывают. Санта вирхен! Сегодня в интербригаде я видел чехов. Эх!

— Не знаешь, как Уоллес? — спросила я.

— Уже вернулся в батальон. У него была рана в плечо. Знаешь, такая рана — для свидания с семьей. Можно показывать родственникам: смотрите, пуля прошла вот настолечко от сердца. Правда, у Уоллеса родственники в Техасе. Далековато!

Опять ухнуло — на этот раз ближе.

— Пристреливаются к чему-то,— сказал Бакалао.— Ты испугалась?

— Да нет, как-то не успела.

— Женщины вообще не боятся. Я помню, в начале войны, когда еще женщины были на фронте... Брали мы одну высоту. Пулеметы строчат, головы не поднимешь, а они лезут, будто не слышат...

Он вздохнул.

— Но это не храбрость. Это — неосознание опасности.

Вдруг он повернул ко мне свое румяное лицо и улыбнулся — сверкнули голубоватые зубы.

— Ты когда-нибудь видела картины Гойи? Хотя в России их, кажется, нет. Так вот, я хотел сказать...

Какой-то громадный мяч просвистел низко над нашими головами и с грохотом ударился в холм. Стало темно. Подо мной больше не было каменной стены — я лежала на земле, что-то кололо мне шею, я знала, что жива, я чувствовала, как чья-то рука жмет мою руку. Потом она разжалась, я услышала крик: «Убили, убили...»

Темнота рассеялась. Я села. Бакалао лежал рядом, лицом вверх, бледный, с закрытыми глазами; на его кителе расплывалось широкое темное пятно. Из землянок к нам бежали офицеры, бежал Манолин и кричал: «Убили, убили!» Фельдшер на бегу расстегивал сумку. Бакалао открыл глаза и сказал:

— Я жив, санта вирхен, не ори!

И опять закрыл глаза.
Манолин замолчал.

Фельдшер разрезал промокший китель. Оглянулся: рядом стоял командир.

— Не живот, бедро. И плечо. Мой команданте, тут надо операцию. В госпиталь, на тот берег.

— Я его отвезу,— сказал Манолин.— Только донесите до машины.

Машины стояли у дороги, за холмами.

Бакалао положили на носилки. Я подняла с земли его шапочку с двумя горизонтальными лейтенантскими полосками, надела ему на голову. Он открыл глаза и сказал:

— Пакита...

— Я привезу ее к тебе,— сказал Манолин.

На следующее утро мы поехали в штаб корпуса. Было еще не очень жарко, пыль на дороге слежалась за ночь, и мы ехали с опущенными стеклами. Вдруг шофер обернулся к нам:

— Мой команданте! Смотрите! Та девушка из деревни, что гуляла с Бакалао!

— С ума она сошла! — вскричал командир.— Что ей тут нужно?

Пакита быстро шла по дороге нам навстречу, помахивая каким-то узелком. Вероятно, она вышла из деревни еще до солнца.

Шофер остановил машину. Мы вышли. Пакита кинулась ко мне.

— Сумасшедшая девчонка! — заорал командир.— Что ты тут делаешь? Ты хочешь, чтобы тебя убили, а?

Пакита ничуть не испугалась.

— Ке ба! — сказала она.— Кто меня убьет? Мой команданте, мне надо повидать моего новио, теньенте Бакалао. Или на войне это не разрешается?

Видимо, эта речь была у нее заготовлена. О том, что Бакалао ранен, она еще не знала.

Шофер, не вылезавший из машины, открыл дверцу, чтобы лучше слышать. Пакита почти бессознательно стрельнула в него своими зелеными глазами. Он вздрогнул, как от толчка, и пробормотал: «Ох, красотка!» Но командир еще больше рассердился.

— Садись сейчас же в машину! — приказал он.— Только мне и дела, что возить девчонок по дорогам. Придется отвезти тебя к твоей матери, чтобы она тебя высекла хорошенько, э?

— Мой команданте! — убедительно сказала Пакита.— Я должна увидеть моего новио. Он со мной поссорился, а я не могу без него жить. Вы тоже были молоды (командиру было двадцать восемь лет), вы должны понимать эти вещи.

— Как будто он у тебя первый новио! — сказал командир.

Он, оказывается, все знал. Все всё знали с самого начала — все, кроме меня.

— Мой команданте...— начала Пакита.

И вдруг она заревела, как ребенок, закрыв руками лицо. Слезы, крупные, как горох, так и закапали у нее между пальцами.

— Он тоже говорит, как вы,— причитала она.— А я... а я... Скажи ему, Рита... Скажи ему...

Командир беспомощно посмотрел на меня.

— Тебе надо сейчас же домой, Пакита,— сказала я, обнимая ее.— Послушай... Только не пугайся... Манолин приедет к тебе... Он тебе все скажет... Только не пугайся...

Она подняла голову и посмотрела прямо на меня. Лицо у нее стало серое.

— Да нет же, нет... Он жив... Он только ранен... Неопасно! Неопасно, слышишь? Ну, что ты стоишь, как будто не понимаешь? Садись в машину, мы отвезем тебя домой! Манолин, наверное, уже ждет тебя... Садись!

— Не надо! — сказала Пакита.— Вы должны спешить... Я пойду пешком.

— Сейчас же садись! — рявкнул командир.

Пакита полезла в машину. Ее трясло, но она все-таки расспрашивала: куда его ранило, кто был при этом, куда его повезли, что он говорил? Так и сказал: «Пакита»? Так и сказал? И Манолин обещал отвезти ее к нему? Твердо обещал?

Шофер смотрел на нее в свое зеркальце и сочувственно вздыхал; командир сидел, не оборачиваясь. Только когда мы высадили Пакиту в двух километрах от ее деревни, командир сказал:

— Проклятая девчонка! Война войной, а ей подавай ее новио, э? Я бы задал этому Бакалао! Ну, ничего, он еще вернется! С такой невестой не умрешь!—Потом усмехнулся и добавил: — А меня она считает стариком, э?

Командир Альварес не дожил до старости: он погиб через месяц, когда началось большое фашистское наступление на Каталонию.

А Бакалао выздоровел. Мы встретились с ним в начале февраля в маленьком городке у самой французской границы. То были последние дни сопротивления. В Барселону уже вошли фашисты. По радио фалангисты кричали: «Франко! Франко! Франко!»

— Ты уже капитан, Бакалао!

— Капитан! — сказал он.— Как Гонсало Кордуанский!

Он старался шутить, как прежде. Но лицо у него было усталое, жесткое: круглые щеки и подбородок отвердели. Мне показалось, что он вырос.

— Я не вырос,— сказал он.— Я постарел. Человек стареет, когда у него на кладбище больше друзей, чем в кафе. Я теперь старик.

— Пакита! — вскрикнула я.

— Не Пакита,— сказал он.— Манолин. Погиб в Барселоне... Бомбежка... Приехал забирать меня из госпиталя... Я потом ходил в морг.

Рот у него дернулся. Он сморщил лицо.

— А ведь мог не приезжать,— сказал он.— Это я виноват. Он за мной приехал.

— Что за глупости ты говоришь? — возмутилась я.— При чем тут ты?

— Ты этого еще не знаешь,— сказал он.— Живой всегда виноват перед мертвым.

— В том, что остался жив?

— Чепуха! В том, что не спас его от смерти. Ты этого еще не знаешь. У тебя новио в Ленинградо. Твои друзья ждут тебя дома.

— Зачем ты так говоришь? — сказала я.

— Ты не должна обижаться,— сказал он мягко.— Я ведь знаю, как ты любишь Испанию. И наши мертвые тебе дороги. Ты нам как сестра. Но у тебя все впереди.

— И у тебя тоже.

— И у меня. Но только... когда ты говоришь какое-нибудь самое простое слово, ну, хоть «улица» или «дом», что ты видишь?

Я увидела сизые тротуарные плиты, засыпанные цветом акации, нишу в стене углового дома, в которой сидела продавщица семечек, мелкую курчавую траву среди булыжников. Улица детства, одесская улица.

— Я раньше тоже видел улицу детства. У нас на углу было кафе. Теперь я вижу развалины. В наш дом попала бомба. Уже два года я вижу только это. Понимаешь? Когда я говорю «друг», я вижу Манолина. Когда я говорю «враг», я вижу Франко с его усиками. И он жив.

Опять у него дернулся рот.

— Я теперь коммунист, Рита, знаешь? Товарич!

Он произнес это слово по-русски.

— Сказать тебе, почему я стал коммунистом? Потому что коммунисты будут драться до конца. С Франко, с Муссолини, с Гитлером. Верно?

— Верно.

— И не обижайся, что у тебя все впереди. Я не про одни радости говорю. Понимаешь?

Я понимала. Он был теперь в самом деле гораздо старше меня.

— Послушай,— сказала я.— Почему ты мне ничего не рассказываешь про Пакиту? Где она, что с ней?

— Это недолго рассказывать,— сказал он.— Где она, не знаю. Что с ней, не знаю. Знаю только, что она ушла из Барселоны.

— Разве она была в Барселоне?

— Манолин привез ее туда, когда я лежал в госпитале. Она жила у одной его знакомой коммунистки. Ходила ко мне. А когда Манолин погиб, они ушли из Барселоны, к границе. Теперь французы, кажется, открыли границу. Может быть, они уже во Франции. Пакита во Франции! Что с ней там будет?

— Она любит тебя,— сказала я.

— Говорит, что любит. Надолго ли? Ты ее знаешь. Она ребенок. А моя война — это надолго. Даже если мы уйдем отсюда, я не останусь во Франции. Я вернусь, проберусь в Мадрид. Мадрид держится! Живи, Мадрид, моя деревня!

Легкое утро курилось над горами; внизу, в долине, цвел неправдоподобно нежный миндаль; какая-то женщина развешивала белье между миндальными деревьями. Бакалао посмотрел на нее долгим взглядом.

— Трудно уходить с родной земли,— сказал он.— Эта женщина не может. Слушай, если увидишь Пакиту... ведь все возможно, ведь вот мы с тобой встретились.., скажи ей, что я люблю ее, что я буду драться за нее, ради нее, и что она не должна, не смеет... никого другого...

Мне было трудно смотреть на его лицо, но я смотрела.

— Хотя... лучше не нужно. Разве словами заставишь любить или помнить? Ну, давай руку, попрощаемся... товарич!

Я сделала несколько шагов и обернулась. Бакалао стоял неподвижно и смотрел мне вслед. Встретившись со мной глазами, он поднял сжатый кулак над головой и улыбнулся.

Испания, Испания!

Через двадцать лет я снова увидела Испанию — в Москве, в кино.

Я смотрела на экран и узнавала узкие улицы, деревья, широкие автомобильные дороги. Но людей, которые двигались на экране, я не знала и не могла знать. Потому что это были те, из-за реки. Те, что рисовали портреты Франко на белых стенах домов, а теперь вешают их в своих квартирах. Те, что бросали бомбы на Барселону. Те, что убили Манолина, и Альвареса, и стольких, стольких других...

Я всматривалась, всматривалась... Мне дела не было до актеров, я забыла, что это кино. Эта старуха, у которой вместо погибших сыновей остались медали,— она отдала своих детей Франко, всех до единого. Может быть, кто-нибудь из них погиб на Эбро, у той самой излучины? И этот, последний, оставшийся в живых, невольный убийца,— он тоже был с ними, он тоже кричал: «Франко! Франко!»

Когда его раздавленное автомобилем тело осталось на дороге, какая-то женщина рядом со мной сказала в темноте:

— Возмездие!

Она сказала это по-испански.

Потом зажегся свет, я посмотрела на свою соседку и узнала ее: это была Пакита.

Я узнала ее только потому, что в эту минуту была готова к такой встрече. Днем, на улице, я прошла бы мимо. Двадцать лет ни для кого не проходят даром. Она не растолстела, не стала седой — она потускнела.

— Мадре миа! — сказала она.— Какая встреча!

Мы вышли, держась за руки. Пакита разглядывала меня.

— Ты все такая же! Ну, конечно, время... А меня, значит, еще можно узнать?

— Пакита, но как же?.. Неужели ты все это время была в Москве?

— С тридцать девятого года.

Она рассказала, что работает воспитательницей в детском доме. Когда-то начинала в доме для испанских детей — это было как родина. Потом училась, кончила техникум.

— А что делает Бакалао?

Я не сомневалась, что они вместе.

— Бакалао? — переспросила она.— Ну да, ты ведь ничего не знаешь. Бакалао в тюрьме, у Франко.

Я остановилась: у меня окаменели ноги. Она медленно покачала головой, сверху вниз.

— С тех самых пор, с тридцать девятого года.

— Разве он не ушел с войсками?

— Ушел, а потом опять вернулся, нелегально... Он хотел перебраться в Мадрид, чтобы бороться до конца. Я так плакала! Так просила его...

— Вы встретились?

— А как же? Он нашел меня в Аржелесе, в лагере. Ох, этот лагерь! За колючей проволокой, все вместе: мужчины, женщины, дети... Бараки дырявые, когда дождь — все мокрое, теснота, больные стонут... Да, славно нас приняла Франция! И тут — он. Я уже думала: он погиб. Я ему говорю: «Любовь моя, сердце мое, останься со мной! Будем мучиться вместе!» Я так любила его!

Она вытерла глаза.

— Я тогда глупая была, ничего не понимала. Думала: война кончилась, плохо ли, хорошо ли, но кончилась; теперь надо подумать о себе. А он сказал: «Нельзя». И ушел. Устроил, чтобы меня отправили в Советский Союз, а сам ушел. Он не хотел, чтобы я оставалась во Франции.

— Но как ты узнала?

— Что он в тюрьме? Пришло письмо через Красный Крест. И с тех пор я иногда получаю письма. Последнее было в этом году. Он пишет, что постарел. Разве он может постареть? Мне кажется, что он все такой же.

Она смотрела прямо перед собой, словно пытаясь разглядеть что-то далекое. Когда она замолкала и на ее потускневшем лице прекращалась игра выражений, оно становилось скорбным.

— Я видела тюрьму только в кино. Но иногда я просыпаюсь ночью и слышу, как ходят часовые по каменному полу и как кричат те, кого мучают... Ведь их там мучают, Рита. И они кричат во сне и зовут... Я слышу, как он говорит: «Пакита!» Для него я такая же, как была! Это для нас с тобой время шло. Мы пережили сорок первый год, но потом был сорок пятый и все другие. У них все еще длится тридцать девятый.

Она опять вытерла глаза.

— А мамита моя жива. И тетя Роса тоже. Пишут мне, зовут обратно. А как же я могу? Разве может человек вернуться обратно в тридцать девятый год? И потом, он будет искать меня здесь. Но они не понимают. Жалеют меня, что я не вышла замуж. А за моего бывшего новио вышла наша соседка, Алонса.

Вдруг она остановилась, схватила меня за руки.

— Двадцать лет, Рита, подумай! Двадцать лет! Целая жизнь! Он не узнает меня, когда приедет! Я уже старая женщина, Рита! Но он приедет! Я верю!

Слезы хлынули из ее глаз, она не удерживала их больше. И как будто они смыли с ее лица морщинки, усталость, годы: я опять увидела прежнюю Пакиту, зеленоглазую девочку из каталонской деревни.

— Верю! Верю! Верю!

Марк Иванович не хочет быть узнанным

Вы сами, возможно, знаете Марка Ивановича. А может, даже и не одного... Тот Марк Иванович, о котором рассказывает драматург Сергей Михалков в пьесе «Обжалованию не подлежит» («Эцитоны бурчелли»),— адвокат. Он явился на свет божий в отличном остро публицистическом исполнении артиста Ю. Левицкого на сцене Театра имени М. Н. Ермоловой.

Мне кажется, Ю. Левицкий одержал большую актерскую победу. Он нашел для своего Марка Ивановича именно ту меру индивидуальности, за которой встает незаурядное художественное обобщение. Все в нем говорит об его стяжательских инстинктах. Крупное, но какое-то голое лицо. Большой, чмокающий, жадный рот. Пустые и жесткие, холодновато оценивающие глаза. Но все это далеко не сразу рассмотришь, а первое впечатление приятное. Одет Марк Иванович не кричаще, с чуть лишь заметным «западным» налетом, держится свободно и непринужденно, на людях остроумен, любезен и мил. Занят же он, увы, тем, что беспрерывно высматривает, где хапнуть и что хапнуть, в то же время находчиво маскируя — где угодливостью, а где, впрочем, и наглостью — свою полную никчемность, ненужность на земле.

Разоблачая своего «героя», артист Ю. Левицкий отнюдь не комикует, не шаржирует — он показывает его гневно, сатирически. И пусть Марк Иванович Ю. Левицкого — совсем маленькое, ничтожное явление, не более хищного муравья. Тем паче не смеет такой Марк Иванович заражать собою нашу почву, утверждает артист...

Я не буду пересказывать сюжет пьесы Сергея Михалкова: она опубликована в журнале «Октябрь», и каждый может прочитать ее на досуге.

Обывателю, приспособленцу «нет» говорит это произведение, проникнутое духом нетерпимости к стяжательству.

Марк Иванович С. Михалкова никак не стремится быть узнанным! Больше того, он наденет любую личину — скромного мелкого служащего, простодушного и недалекого рубахи-парня либо серьезного, знающего специалиста... Но во всяком обличье он останется тем, что есть,— разновидностью «эцитона бурчелли». «Это муравьи-хищники,— говорится в пьесе,— они не имеют постоянного гнезда. Живут на марше, набегами и разбоем. Они прожорливы и безжалостны, как истинные тунеядцы».

Они опасны. А в общем-то они, как всякие тунеядцы, вызывают к себе — у тех самых людей, которых иногда называют «простыми»,— не только гнев и отвращение, но еще и брезгливую жалость. Вызывают хотя бы уже потому, что действительно не имеют постоянного гнезда — своего места на родной земле, которое дается людям в награду за труд, за неистребимую любовь к делу, за созидание.

Н. ПАВЛОВА

Сцена из спектакля «Обжалованию не подлежит» («Эцитоны бурчелли»). В роли Марка Ивановича Растегая — Ю. Левицкий; его жена Софья Платоновна (слева) — артистка Л. Орданская, Сима — Е. Ермакова. Фото А. Гладштейна.

Евгения ИМБОВИЦ — Фото А. БОЧИНИНА.

Сперва мы услышали где-то вдали за березками глуховатый перестук копыт, а потом увидели на аллее живописную кавалькаду. На легкой рыси к нам приближались всадники, солнечные блики играли на их лицах.

Куда скачут эти всадники? Как выяснилось, совсем недалеко, на окраину Сокольнического парка. Здесь, рядом со знаменитыми просеками, на которых так легко дышится жарким летним днем, находится Центральный конноспортивный клуб общества «Урожай».

Но на парковой просеке мы встретили не испытанных спортсменов, непременных участников конных состязаний. Нет, на заглавном снимке вы видите не очень искусных жокеев, многие из них только недавно получили «крещение».

Не так давно в Сокольниках при конноспортивном клубе «Урожай» открыто отделение для любителей верховых прогулок. Воскресным утром сюда сходятся энтузиасты конного спорта. Кого только не встретишь у кассы клуба! Рядом с солидным профессором физики стоит семиклассница, а студент беседует с пожилым рабочим. Но вот уплачено 80 копеек, куплен билет, и тренер Константин Иванович Ващенко называет кличку лошади, которая досталась любителю-жокею.

Теперь скорее в конюшню!

Редакция получила письмо от работницы Ирбитского мотоциклетного завода Маргариты Буслаевой.

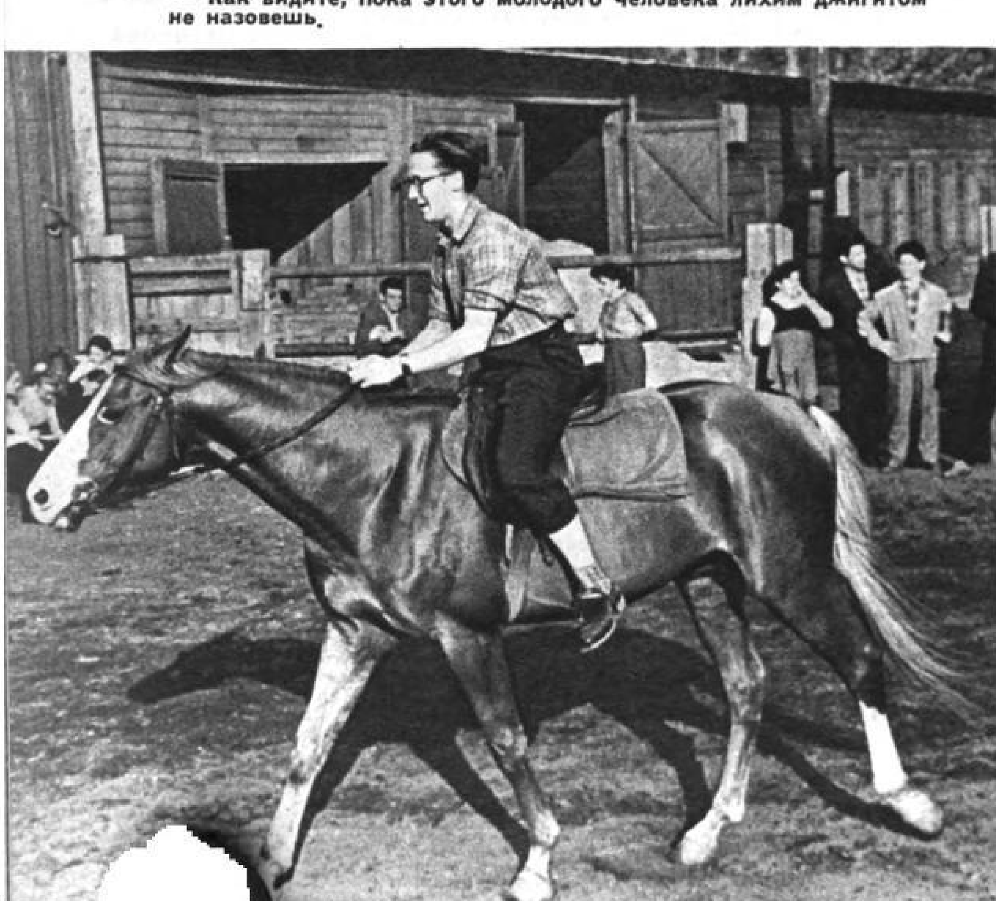
В 24-м номере вашего журнала со знанием дела, фактов и событий Евг. Васильевым написана статья «33 фигуры». Очень хорошо, хоть и мало, написано о Филатове и других наших советских кавалеристах. Хотелось бы больше читать об этом спорте. Популярностью конного спорта нельзя быть довольным. Я знаю, что строятся стадионы, такие сооружения, как плавательные бассейны. И народ действительно пользуется этими благами и, конечно, ценит их. В газетах часто можно прочитать об открытии колхозных клубов, об отделах в магазинах, где можно получить напрокат все, что угодно,— от балалайки до «Волги». Но где же можно взять верхового коня хотя бы на 1 час?.. Очень жаль, что обучение верховой езде не входит в воспитание городской молодежи. В этом случае позавидуешь деревне. Прогулки верхом — это отличный отдых.

Маргарита БУСЛАЕВА.

Маргарита Буслаева права: конный спорт следует всемерно развивать. Ответом на ее письмо и является фотоочерк, который мы помещаем.

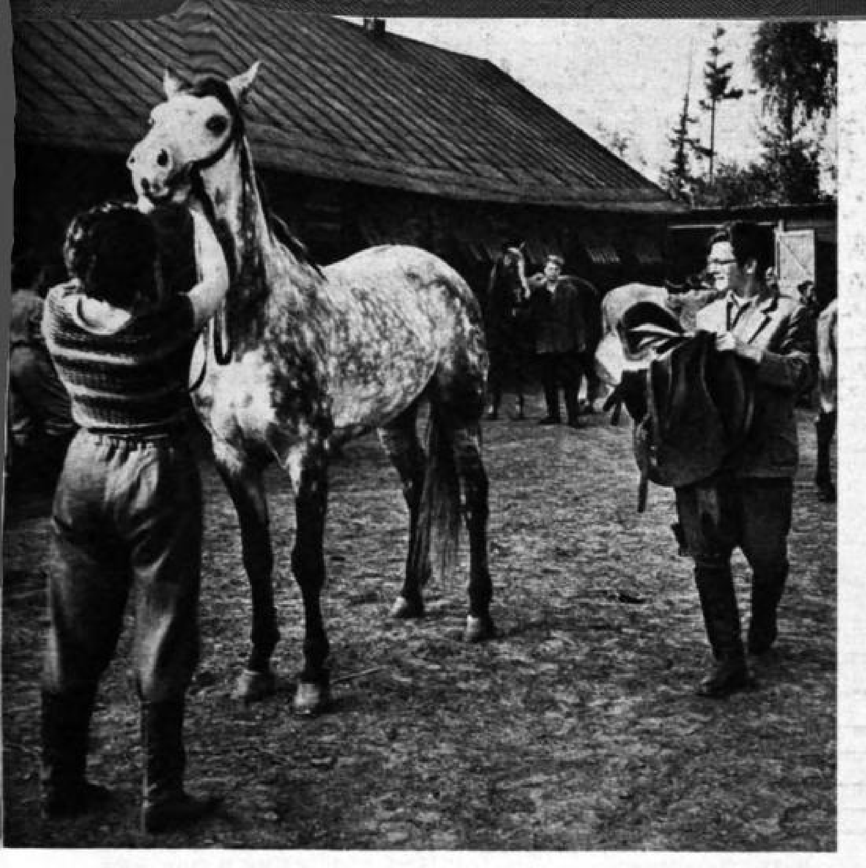
Лошади — напрокат

Как видите, пока этого молодого человека лихим джигитом не назовешь.

...Но пройдет немного времени, и новичок, с которым мы познакомились на предыдущем снимке, будет так же смело скакать по дорожкам парка, как рабочий автозавода Василий Иванович Стернин.

Любишь кататься, умей и лошадь седлать — так можно было бы перефразировать известную поговорку. Опытная наездница Тамара Сафарова легко управляется с конем, а Миша Павлов еще не знает, с какой стороны лучше подступиться к скакуну.

Но вот все приготовления закончены, и первая смена направляется к манежу. Нет, не сразу, сев на лошадь, ты совершишь прогулку по просекам Сокольников. Сперва нужно научиться сидеть в седле. Для этого и существует «детский сад», как называют шутя посетители Сокольнического конного клуба небольшой манеж, окруженный загородкой.

Так, начав занятия конным спортом с самых азов — седловки, посадки, изучения основных приемов воздействия на лошадь,— новички постепенно становятся умелыми всадниками. А когда такого недавнего новичка воскресная прогулка не сможет больше удовлетворить, клуб предоставит ему возможность купить абонемент для занятий в специальной группе несколько раз в неделю.

Вот посмотрите, как владеет конем одна из воспитанниц тренера К. И. Ващенко, Наташа Шумова.

Этот короткий фоторассказ нуждается в послесловии. Прекрасную инициативу проявил конноспортивный клуб «Урожай», но невольно возникает вопрос: почему же не последовали его примеру другие спортивные общества, имеющие манежи и конюшни? Ведь одному «Урожаю» трудно удовлетворить многочисленные запросы любителей верховой езды. Надо надеяться, что вскоре и в Москве и в других городах можно будет получить лошадь напрокат во многих конноспортивных клубах.

П И С А Т Е Л И   И   К Н И Г И

Дни кипучие

Идут дни... Не дни, а многие годы прошли с тех пор, как я впервые услышала стихи Петруся Бровки, выступавшего с группой молодых белорусских поэтов на Минской швейной фабрике имени Крупской.

Помню, нас, юных работниц, особенно взволновали тогда стихотворения «Сквозь горы и степь», «Самая счастливая». В них слышался голос поколения, гордость гражданина, испытывающего подлинное счастье жить, трудиться и бороться за осуществление благородных идеалов своего родного народа.

Да, это было почти четверть века назад.

Десятки сборников известного белорусского поэта Петра Устиновича Бровки вышли за это время на его родном и русском языках, на языках многих народов нашей страны и за рубежом.

Читая мужественные и задушевные, пламенные и нежные строки поэта, радуешься тому, что он не утратил молодого задора, романтики поисков, что он неизменно вместе с народом — и в горе и в радости, на решающих рубежах его великой истории.

Строго следует Бровка провозглашенным им поэтическим принципам:

Поэзии звенеть рекой,
Живительной криницей,
Быть, как невеста,
молодой,
Влюбленной, яснолицей.
...Всем правду говорить
в глаза,
Пленять душою чистой,
Быть, словно детская
слеза,
Прозрачной и лучистой.

В сборнике много воспоминаний поэта о его босоногом детстве, пастушеском отрочестве, комсомольской юности.

Глухое, замшелое полесское село, где родился и рос, милые, с младенчества исхоженные места — земля отцов — сохранили для поэта живую притягательную силу. С благодарностью он говорит о городе, где учился, мужал, любил, породнился с друзьями. И во всем безудержная радость, духовная красота строителя нового мира.

Стихи и поэмы последних лет, объединенные в сборнике «А дни идут...» — свидетельство духовной и поэтической зрелости их автора. П. Бровка выступает перед читателем как народный трибун, публицист и тонкий лирик.

Просто и вместе с тем поэтично говорит он о самых сложных вопросах жизни, подымаясь до больших философских обобщений.

Впечатления П. Бровки о поездке в США с белорусской делегацией на сессию ООН составили один из циклов стихов. Правдиво рассказал нам поэт о жизни Америки и американцев.

В книгу включены и две поэмы — «Всегда с Лениным» и «Голос сердца».

Самые сердечные, восторженные чувства поэта — партии Ленина, воплотившей в себе все лучшее, что есть в нашем народе: его высокие думы, творческий гений. Образ коммуниста, вожака и созидателя — ведущий в поэзии Бровки.

Шагая нелегкой дорогой,
Свой груз не снимая
с плеча,
Стараемся быть хоть
немного
Похожими на Ильича.
Как Ленин, жить
скромно и просто.
Все вкладывать в дружбу
и труд.
И слышится Ленина
поступь,
Когда коммунисты идут.

В стихах и поэмах П. Бровки раскрывается сложный мир человеческих стремлений и переживаний, мир, в котором определяющим является радостное, утверждающее восприятие жизни.

Новый сборник Петруся Бровки — это своеобразный отчет поэта-коммуниста партийному съезду, своему народу.

А. ХАРИТОНОВА

Петрусь Бровка. А дни идут... Изд-во «Советский писатель». Москва. 1961. 179 стр.

ЛИРИЧЕСКИЕ НОВЕЛЛЫ

Вряд ли нужно рассказывать о Леониде Первомайском, его жизненном пути и творческом опыте. Он сам отлично поведал об этом в очерке «Несколько слов от автора», завершающем сборник его новелл.

Л. Первомайский — один из видных мастеров современной украинской литературы. Он автор стихов, поэм, пьес, рассказов. И во всех жанрах он прежде всего поэт.

Книгу «Рассказов разных лет» читаешь увлеченно.

Писатель раскрывает поэзию крупных, героических характеров, скрытых за обыденной и, казалось бы, заурядной внешностью и проявляющихся во всей своей мощи в моменты острых социальных столкновений. Прочтите, скажем, рассказ «Казачка», и вы убедитесь в этом. Поэзия народного героизма — трудового и воинского — живет в других рассказах, посвященных людям, их подвигам времен гражданской войны, социалистического строительства и Великой Отечественной войны (циклы «Невыдуманная жизнь» и «Верная кровь»).

В рассказах Л. Первомайского запечатлелось много трагедий. Ужасы войн и кровавых погромов, зверства гитлеровцев и куклуксклановцев налагают мрачный отсвет на эти правдивые свидетельства суровой эпохи, рубежи которой обозначены двумя мировыми войнами. И все же в рассказах поэта господствует свет над мраком. Они проникнуты гуманными чувствами автора и его героев — людей, которых он любит. В рассказах — лирическое волнение, в них воспеты люди большой нравственной чистоты. Поэзия любви, родной природы наполняет такие новеллы, как «Чужое счастье», «Любисток». Но поэзия любви выступает и в рассказах другого рода — не столь картинных, не столь живописных, но убедительных по мастерству психологического анализа. Скорбная, но торжествующая любовь в рассказе «Материнский сладкий хлеб», непонятая, но прекрасная и всесильная — в новелле «Дурень».

Писатель с гордостью пишет о людях революционного склада, с болью и состраданием рисует судьбы жертв войны и фашизма. Поэзия характеров, выписанная автором, не может не волновать читателя. Мы вместе с автором любуемся его героями — неистовой Катериной (рассказ «Катерина и ее новый дом») и непобедимой,

как сама жизнь, Прасковьей («Казачка»); мы вместе с автором сочувствуем затравленному линчевателями негру («Милосердие») и погибающему от руки белогвардейца еврею-столяру («Зонтик Пинхуса-Моти»). Революционный гуманизм и интернационализм создают благородную нравственную атмосферу «Рассказов разных лет».

Ал. ДЫМШИЦ

Леонид Первомайский. Рассказы разных лет. Перевод с украинского. Изд-во «Советский писатель», Москва. 1960. 379 стр.

Глазами наследников

Великие писатели не стремятся к бессмертию. Они горят в злобе дня, оставаясь сыновьями своего века. При жизни их часто считают трибунами на час. Потом приходят новые поколения и принимают их как своих современников.

Таким оказался поэт Николай Некрасов. В советское время литературоведы сделали серьезную попытку осмыслить его творчество, определить его место в русской литературе. Казалось бы, все уже доказано, выверено временем и опытом. Но вот появляется новая книга о великом поэте — «Поэзия труда и борьбы» В. Архипова.

Вглядываемся в черты народного певца, воскрешаемые критиком. Как будто все знакомо. И в то же время видим что-то новое, о чем мы ранее не догадывались. Знакомые с детства строки стихов стали мелодичнее, богаче, звонче и глубже.

Правда, в полемическом азарте автор нет-нет да и перехватит через край. Например, анализируя произведения Тургенева, критик как бы забывает о таланте писателя, многие произведения которого воспитывали ненависть к крепостничеству. Архипов сознательно акцентирует внимание на позднем периоде творчества Тургенева, когда писатель порвал с революционными демократами. В угоду афористичности изложения критик допускает неточные формулировки.

Достоинство В. Архипова-литературоведа в том, что он умеет анализировать творчество поэта в связи с некрасовской эпохой. И в то же время порою создается впечатление, будто Архипов пишет о нашем современнике, борется за него, живого, действующего.

Творчество Некрасова рассматривается Архиповым в связи с творчеством его соратников по борьбе. Немало страниц монографии посвящено Белинскому, Добролюбову, Чернышевскому. Критик показывает, как постепенно мужал талант Некрасова.

В. Архипов всей книгой подчеркивает, что главный герой Некрасова не страдалец, а человек действия, борьбы. И это не только великие друзья поэта — Белинский, Добролюбов, Чернышевский,— но и Саша, героиня одноименной поэмы, и Крот из поэмы «Несчастные», и Савелий, и Гриша Добросклонов, кому судьба дала «путь славный, имя громкое народного заступника, чахотку и Сибирь».

Некрасов, как поэт и гражданин, всю жизнь был народным заступником, певцом труда и борьбы. Временами даже кажется, что он и внешне похож на богатыря святорусского, у которого:

Цепями руки кручены,
Железом ноги кованы,
Спина... леса дремучие
Прошли по ней —
сломалися.
А грудь? Илья-пророк
По ней гремит-катается
На колеснице огненной...

Впечатление это усиливается, когда прочтешь о взаимоотношениях поэта с цензорами, чиновниками.

Работа Архипова серьезно аргументирована. Критик умело пользуется официальными документами, газетной информацией, свидетельствами современников и литературными источниками. Автор убедительно доказывает основное положение монографии: Некрасов — певец труда и борьбы, один из вождей, зовущих русский народ в счастливое грядущее, контуры которого проявились в строках:

Иных времен, иных картин
Провижу я начало
В случайной жизни берегов
Моей реки любимой:
Освобожденный от оков,
Народ неутомимый
Созреет, густо заселит
Прибрежные пустыни;
Наука воды углубит:
По гладкой их равнине
Суда-гиганты побегут
Несчетною толпою,
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою...

Николай ДАЛАДА

В. Архипов. Поэзия труда и борьбы. Ярославское книжное изд-во. 1961. 424 стр.

СТРАНА ДЕТСТВА

Нужно ли печатать то, что каждый знает наизусть? Нуждается ли в рекомендациях имя Корнея Чуковского как детского поэта? Нужно ли рекламировать новое издание его избранных стихотворений? Ведь почти все они знакомы нам настолько, что, читая их сегодня, то и дело закрываешь книжку, чтобы еще раз доставить себе полузабытое удовольствие самому припоминать строчки, запавшие в память с детства.

«Тараканище»... «Мойдодыр»... «Муха-Цокотуха»... «Телефон»... «Бармалей»... «Путаница»... «Федорино горе»... «Краденое солнце»... «Айболит»... Детство скольких уже поколений советских ребятишек грели эти ясные и теплые лучики! Засветившиеся в двадцатых годах, они живут и будут жить, кажется, бесконечно.

И, право же, они способны доставлять подлинное наслаждение не только детям и не просто как воспоминание. Сейчас, попав под строгую серийную обложку «Библиотеки советской поэзии» и поплатившись за то чудесными иллюстрациями, тоже памятными и дорогими с детства, стихи К. Чуковского встали в один почетный ряд с лучшими вещами, созданными советской поэзией за четыре десятилетия. И нимало не поблекли, не помельчали от столь обязывающего соседства!

«Серьезность» ли издания, снабженного интересным и вполне «взрослым» предисловием автора, или «серьезный» возраст читателя тут причиной, но только, перебирая сегодня страницы книжки и с головой погружаясь в игровой, переливчатый, звонкий мир ее образов, созвучий и ритмов, замечаешь все больше и больше, как содержательны они и ненавязчиво полезны ребятишкам (да и кое-кому из взрослых, честное слово!).

Побольше бы издавалось таких книжек! Побольше бы писалось таких. «Вы, нынешние,— нутка!»...

Д. СТАРИКОВ

Корней Чуковский. Стихи. Гослитиздат. Москва. 1961. 175 стр.

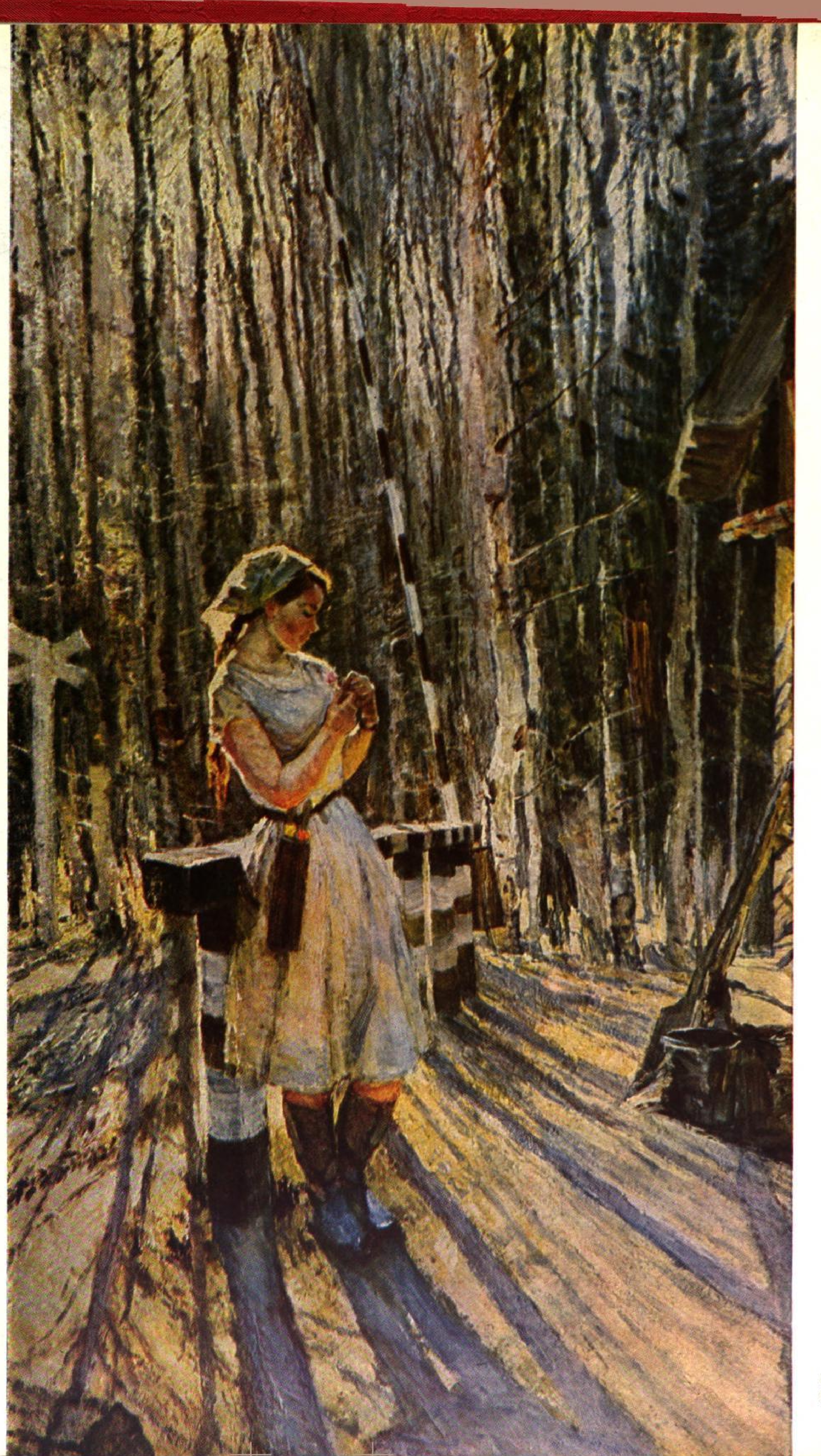
ПЕРВЫЙ НОМЕР

Вышел в свет первый номер литературно-художественного журнала на еврейском языке «Советиш геймланд» («Советская Родина») — орган Союза писателей СССР. Главный редактор — поэт Арон Вергелис. В номере опубликована повесть Т. Гена «В родном городе», поэма М. Тейфа «Братья», новеллы и стихотворения. В переводе с русского языка печатаются произведения лауреатов Ленинской премии 1961 года А. Твардовского и А. Прокофьева. Журнал будет выходить шесть раз в год.

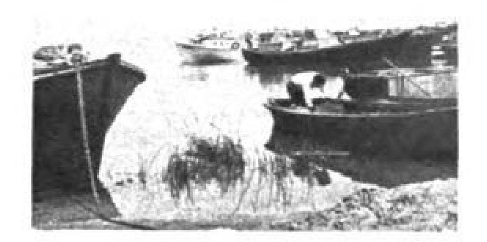
Н. П. Чуприн. ПОРТРЕТ ДВАЖДЫ ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА ВИНОГРАДАРЯ М. КНЯЗЕВОЙ.

А. Г. Сафаргалин. СВИНАРКИ.

Г. А. Дарьин.
ВЕСЕННЕЕ УТРО.

Два репортажа с маленького острова

А вокруг — волны да ветер...

Н. ХРАБРОВА

Фото А. УЗЛЯНА.

За хороводами высоких и упругих волн, за крепкими ветрами, за бродячими туманами — Кихну, эстонский островок в Балтийском море.

Кихну — мечта писателей, художников, этнографов, туристов — всех, кто любит видеть необычное в жизни. Кихну — неподкупная любовь тех, кто родился на серой песчаной его земле, кто повит ветрами и вскормлен дарами моря. Кихну — остров древних обычаев и новой жизни, остров отважных людей.

Невелик кусочек земли посреди моря — всего около двадцати квадратных километров. Но этим двадцати подвластны сотни и сотни километров зыбких просторов моря. Ходят по морским дорогам сто сорок смелых светловолосых, покрытых вечным загаром мужчин, те, кому ведомы тайны моря и привычки косяков кильки, сложные пути угря и пугливый, нервный характер салаки, кто видит Балтику на три сажени вглубь и угадывает рождение шторма и появление дождя в самый прекрасный день, в самый тишайший штиль.

А голубоглазые бронзовые красавицы умеют терпеливо ждать на берегу. Терпеливо, но не праздно: на острове нет ни одной пары рук, которые могли бы быть праздными. И в минуты ожидания жены кихнуских рыбаков чистят рыбу, чинят сети, вяжут чулки из тонкой белой шерсти с яркими узорами.

Есть на острове легенды, есть предания и рассказы о приключениях рыбаков, есть ведьмины камни и чертовы болота. Когда-нибудь мы «возьмем в плен» председателя кихнуского сельсовета Теодора Саара, местного историка, этнографа и лингвиста, и попросим его рассказать разную бывальщину. А то можно договориться с председателем колхоза «Ныукогуде партизан» Олевом Рийвитсом, и он устроит на один из мотоботов к рыбакам, уходящим на рассвете за сетями. Там, в море, где вокруг поют волны и ветры, можно увидеть труд ловкий, быстрый, красивый — утренний труд рыбаков.

А сегодня воскресенье. Море, словно ласковый и тихий теленок, лижет просоленные бревна высокого пирса. Суда вернулись с лова чуть-чуть раньше обычного, на рыбоприемном пункте рыбаки сдают весовщику жирных, крупных сигов и вертких, немного страшных угрей. Гавань пахнет морской романтикой: остывающим металлом работяг-моторов, мокрыми снастями, рыбой и водорослями. Суда стоят спокойным, дремотным полукружьем, и если захочется их подсчитать, на это уйдет немало времени: колхоз владеет девяноста шестью моторными лодками разной величины. Теодор Саар, уважающий цифровые сравнения, не упустит сказать:

— А до Советской власти на Кихну никогда не бывало разом больше трех моторных лодок!

Потом мы идем по песчаной лесной дорожке, чтобы поглядеть на воскресные кихнуские дела. А Олев Рийвитс напутствует нас:

— В любую из наших шести деревень идите, везде найдете новые дома. В некоторых деревнях каждый второй дом новый, а в некоторых — каждый третий. Обратите внимание, как строят: к старому, приземистому, под толстой соломенной крышей, замшелому дому пристраивают новый, с большими окнами, крытый шифером, и получается наглядная картина двух жизней — старой и новой. Зайдите в дома: наши женщины любят украшать их тканями собственной работы. Пока это делается по старинке, но вот скоро к нам по нашему приглашению приедет художница. Она будет жить у нас и ходить в каждый дом, куда ее пригласят, рассказывать и показывать, как можно обставлять дома по-современному и совершенно не нанести никакого ущерба кихнуским традициям: традиции прекрасны, самобытны, ими восхищаются художники — как же их бросать! И мебель наши рыбаки не хотят покупать какую попало: они не прочь, чтобы были современные линии, но чтоб была и кихнуская резьба, кихнуская «мода». Вот мы и хотим попросить художницу нарисовать эскизы современной мебели с кихнускими мотивами. А по этим эскизам мы закажем мебель на хорошей фабрике на материке: народ у нас богатый, средние заработки рыбака — шесть-семь тысяч рублей в год в нынешних деньгах, — хватает и на новые дома и на новую мебель.

Идем дальше. У крылечек новых, крашенных в желтую, зеленую и красную краску домов растут яркие, высокие маль-

Сегодня у островитян дорогой гость: Председатель Президиума Верховного Совета ЭССР Иоган Эйхфельд приехал на Кихну вручать правительственные награды рыбакам.

— Наша бригада выполнила план первого квартала на 1 400 процентов, а весь колхоз — на 700! — рассказывает президенту бригадир Георг Палу (слева), только что награжденный орденом Ленина.

— Не ели, не спали — так шла рыба в эту путину! Зато теперь на нашей улице большой праздник.

вы — самые любимые на острове цветы. Валуны греют старые бока по краям дорог, и низкие каменные заборы ни от кого не скрывают открытой и честной жизни этих людей: ведь заборы-то появились здесь потому, что надо же куда-то складывать булыги!

Солнце. Теплый солоноватый ветерок. Дружеские, всегда с юморком разговоры ласковых женщин. Крепкие пожатия огромных мозолистых рыбацких ладоней. Уютное, доброе воскресенье на кусочке земли посреди бесконечного хоровода волн.

Все поздравили в этот день Георга Палу, и первым был его брат Иван с детворой. Братья смотрели друг на друга, и всем был ясен их безмолвный разговор. Больше двадцати лет прожил Иван в Америке, куда ездил в поисках счастья. Он был там и грузчиком, и судомоем, и батраком, а больше всего — безработным. И Георга Палу военная судьба мальчишкой занесла в Швецию. Он вернулся первым, и в 1950 году помог вернуться из Америки брату. Трудно сказать, чей новый дом лучше: Георга или Ивана. У Георга дом — полная чаша, построен на новом месте. И у Ивана тоже полная чаша. Работает Иван в бригаде у брата и дружно вместе с женой растит пятерых белоголовых ребятишек.

Шла к соседке на посиделки Элизабет Сутть, да перехватила ее на дороге московская студентка Ира Шимес:

— Хочу написать ваш портрет!

А девять товарищей Иры, тоже выпускники Московского текстильного института, будущие художники по тканям, зарисовывали в это утро узоры кихнуских полотенец, скатертей, шалей.

Рыбачки слушают на собрании рассказ Георга Палу о мытарствах братьев там, в чужих странах.

Во каких сигов наловил сегодня утром Иоханнес Леас!

Михкель Тапп учится коммунизму

Ц. СОЛОДАРЬ

На остров Кихну я попал незадолго до полудня, когда щедрое солнце уже воедино смешало запахи моря и рыбных промыслов с ароматами ослепительно желтой люцерны и соснового мачтового леса. Дорога в правление колхоза «Ныукогуде партизан» шла вдоль ржаного поля, по виду совсем псковского или вологодского, если бы наливающиеся колосья не пригибал книзу балтийский бриз. Шагая по шелковисто-песчаной меже, я старался представить себе человека, о котором собирался писать: прославленного эстонского рыбака, партизана весьма романтической биографии, недавно награжденного орденом Ленина. То, что вскоре я услышал на острове о трудовых подвигах именитого рыбака, еще более укрепило во мне желание написать о нем.

Но пишу я не о нем, старейшем члене партийной организации, а о самом молодом коммунисте острова, не о нем, зачинателе колхозного движения эстонских рыбаков, а о самом молодом бригадире артели.

Почему?..

...Утром солдату инженерного подразделения Михкелю Таппу должны были вручить комсомольский билет. Накануне вечером Михкель читал Ленина. Впервые в жизни! Перед солдатом лежала брошюра «Задачи союзов молодежи» — речь Ильича на III Всероссийском съезде РКСМ.

Было это за Уральским хребтом пять лет тому назад, когда Михкелю Таппу шел двадцать первый год. В сознание паренька неизгладимо врезался ленинский призыв: «Учиться коммунизму!» И с той поры эти слова неизменно встают перед Михкелем в самые памятные, этапные дни жизни, когда предстоит взять серьезный рубеж.

Так было четыре года тому назад, когда Таппа по возвращении на родной остров определили в бригадиры восьмой бригады. Так было на исходе прошлого года, когда молодой бригадир вошел в семью коммунистов.

Обо всем этом Михкель Тапп вспоминает и сейчас, когда его бригада встречает XXII партийный съезд. Но в его неторопливом рассказе впечатляет не крутая динамика цифр, не тысячи тонн салаки и угря, не суточный дрейф на затертой льдами лодке в пору добычи тюленей.

Этот немногословный человек, с лицом, поначалу, до первой улыбки, кажущимся немолодым, горячо стремится постичь и сделать законом своей жизни моральный кодекс строителя коммунизма, так полно и образно выраженный в проекте Программы партии.

Меня могут спросить: что же тут удивительного, особенно сейчас, в прекрасное предсъездовское время? Не забудьте, отвечу, что наша беседа происходит на острове, где еще в 1949 году предшественнику Михкеля по бригадирству Николаю Теллю приходилось не часами, а днями и неделями доказывать своим

Мальвы цветут.

И снова утро, снова уходят в море рыбаки, и с ними Иохан Весик, за полвека наловивший целые горы рыбы. →

Беспроволочный телеграф.

землякам-островитянам, что и морским рыбакам нужно переходить к артельной работе.

— Ты, Николай, вернулся с войны орденоносцем, хорошо воевал и многое повидал, — говорил тогда Теллю отец Михкеля. — Но ты, видать, забыл, что рыбу не сажают, как картошку, и не жнут, как рожь. Рыбу ищут, рыбу ловят. Рыба ускользает, рыбу догоняют! Это коров можно доить сообща — видишь, как на ладони, кто сколько надоил. А рыбу в море ловить — дело удачи. Один рыбак везучий — его рыба любит, другой невезучий... Вот я сейчас бедняк. Пока. Но придет мой час, мне повезет, привалит удача, и я тоже, увидишь, разбогатею. Нет, не ужиться рыбакам в колхозе! Расскажи, демобилизованный сержант, Советской власти, как мы, эстонские рыбаки, благодарны ей за все хорошее, что она принесла нам. Мы на гитлеровцев не работали — в лесах скрывались. Сейчас трудимся изо всех сил. Но колхозы не для рыбаков. Нет!

Михкель был тогда четырнадцатилетним подростком. Ему памятны эти бесконечные споры отца с Николаем Теллем. Угрюмо прислушивалась к ним вся семья, сидевшая за починкой вконец изорванного ставного невода. А отец — в который раз! — сокрушенно оглядывал свою прохудившуюся лодку.

— Поменьше, сынок, читай книжки, — наставлял он Михкеля, — рыбаку книжки ни к чему. Рыба идет не к грамотному, а к смелому и удачливому. Повезет нам, наткнемся на косяк, никому не сказывай...

«Везение». «Удача». Исстари склонялись эти слова среди кихнуских рыбаков на все лады. Частенько слышались они и в восьмой бригаде, где почти каждый рыбак годами старше своего бригадира. И чужими, неприветливыми поначалу казались им новые слова: «дисциплина», «техника», «план». Внешне сдержанно, но упрямо отстаивая некоторые рыбацкие «вольности», они частенько отвечали Михкелю одним казавшимся им несокрушимым доводом: «Такой уж на острове обычай, так уж у нас ведется со старины».

— Я тоже за старинные обычаи, — взволнованно убеждал их Тапп. — Только пусть старое не хватает за ноги новое!

Еще сейчас, вспоминая эти споры, Михкель не может сдержать волнения:

— Не все старинные обычаи нам хороши. Есть у нас один стародавний обычай — наши дома мы обозначаем не по номерам и улицам, а даем каждому красивое название. «Маленькая горка» — так называется мое жилье, а дом, где выросла моя жена Лейда, называется «Залив». Что ж, хотите, называйте свои дома, как называли деды и прадеды, но не делайте их хуторами, отгороженными от всех земляков! На хуторе у человека не может быть открытого сердца... Или вот такое. Обмануть человека издавна считается у нас на острове большим позором. Такое пятно надо долго и терпеливо смывать. А обмануть государство, артель? Выйти в море на колхозном моторе, жечь артельное горючее для своих нужд?..

...Как-то в жаркий день после удачного лова лодки бригады, груженные трепещущей салакой, причалили к приемному пункту. Приемщики консервного комбината не смекнули загодя подготовить в тот день дополнительные механизмы для приемки обильного улова. У пункта сгрудились десятки переполненных рыбой лодок. Рыбаки тревожились: в такую жару салака быстро теряет первосортность. Чтобы успокоить рыбаков, приемщик громогласно объявил:

— Дожидайтесь спокойно! Что ни случится с рыбой, мы все равно примем ее первым сортом. Вы не потеряете ни копейки. Ни копейки!

Михкель, обычно сдержанный, буквально взорвался:

— Думаете, выше своей копейки для нас ничего нет? А комбинат пускай получает второсортную рыбу? Пораскиньте мозгами и примите всю рыбу без задержки!

Приемщик ничего не ответил и тут же позвонил на комбинат: нужна подмога, скопилось много рыбы.

...Нашу беседу с Михкелем Таппом заглушает треск мотоциклетного мотора. Приветливо махнув рукой моему собеседнику, на новеньком «Ижевце» лихо проносится молодой рыбак.

— Немало у вас на острове мотоциклов и мотороллеров, — говорю я.

Кондуктор подземки

В. ВЛАДИМИРОВ

Так выглядела Гарриет Табмен в дни гражданской войны.

Джон Браун незадолго до штурма арсенала Гарперс-Ферри.

В 50-х годах прошлого столетия на многих перекрестках дорог на юге США можно было увидеть объявление с условной фигуркой беглого негра. Объявление обещало премию в две тысячи долларов тому, кто доставит властям «цветную женщину Гарриет Табмен», рабыню, бежавшую из поместья в штате Мэриленд, являющуюся опасной преступницей против законом установленного порядка.

В объявлении не было сказано, какие именно преступления совершила «беглая Табмен», но любой опытный читатель без труда понял бы, в чем тут дело: Гарриет Табмен была агентом «подземной железной дороги». В нескольких штатах Юга негры тайно называли ее «Моисеем» и нетерпеливо ждали, что «пророк» придет за ними и уведет на свободу из «дома рабства».

В наши дни, когда расистская Америка громит участников «рейсов свободы», когда джентльмены в белых балахонах пытаются запугать «цветных», празднующих столетие гражданской войны, небесполезно вспомнить кое-какие факты из истории негритянского населения США.

Американские историки-«либералы» любят внушать неграм, что сто лет тому назад их освободили «добрые и благородные белые» и что без этих «добряков» негры до сих пор работали бы на плантациях под бичом надсмотрщика.

Это развязная фарисейская ложь.

Негры никогда не мирились с цепями рабства. Восстания рабов на Юге вспыхивали не раз. Плантаторы трепетали при упоминании о Нате Тэрнере — негритянском вожде, который поднял восстание в августе 1831 года с семью десятками вооруженных пиками «цветных». Рабовладельцы с трудом справились с повстанцами. Нат скрывался в пещере шесть недель. Он был схвачен только в ноябре и повешен немедленно. После этого против негров были приняты «меры», которые сделали бы честь любому гитлеровскому гаулейтеру: было категорически запрещено обучать «цветных» грамоте, рассказывать им о пророке Моисее, разрешать им «шептаться с другими рабами» и даже допускать их в церковь. «Полевые» негры должны были во время работы петь, чтобы надсмотрщик постоянно слышал голоса своих подчиненных...

«Подземная железная дорога» возникла в 1838 году. Это была подпольная организация белых и негров, содействовавшая побегам рабов на Север и за границу (преимущественно в Канаду). История этой «дороги» пестрит самыми удивительными примерами мужества, находчивости, выносливости и любви к свободе.

На всю Америку прогремел побег Элен Крафт, двадцатишестилетней мулатки с очень светлой кожей, которая переоделась «светским молодым человеком», а своего мужа-негра выдавала за слугу. Супруги проехали больше двух тысяч километров. Элен забинтовала правую руку, ссылаясь на ревматизм. Это избавило ее от необходимости расписываться в книгах гостиниц (она была неграмотная). Оба благополучно пересекли канадскую границу.

На «подземной железной дороге» Гарриет Табмен была «кондуктором». Это значило, что по нескольку раз в год она проникала на Юг и вывозила оттуда целые семьи рабов. Один из историков «подземной дороги» красочно рассказывает: «Особенно опасным было передвижение на Юге, где беглецы, ориентируясь только на Полярную Звезду, передвигались ночью через покрытые жнивьем поля или пробирались через неведомые леса. Многим приходилось пересекать вплавь или вброд все реки к северу от штатов Мексиканского залива до Огайо. Сколько их было схвачено отрядами охотников за беглыми или погибло в пути, никогда не будет известно».

До начала гражданской войны «кондуктор» Табмен сделала 19 рейсов на Юг и вывезла около 300 человек. Крупный деятель аболиционизма Хиггинсон в своей истории «подземки» называет Табмен «величайшей героиней века».

Гарриет пережила невероятные приключения. Ей случалось натыкаться на облавы; получать неожиданные отказы на «станциях подземной дороги», которые находились под наблюдением шпионов; вести рабов через леса и болота в надежде получить помощь на другой «станции» или, в крайнем случае, скрыть своих «пассажиров» (зачастую это были старики или женщины с грудными детьми) в каком-нибудь уединенном строении или просто в зарослях; обманывать собак-ищеек... Был случай, когда Табмен случайно встретилась лицом к лицу со своим бывшим хозяином Томпсоном. Ее спасло то, что в руках она несла только что купленных на рынке кур. Она мгновенно сбросила их на землю и с криком погналась за ними. Томпсон расхохотался, ударил лошадь хлыстом и ускакал. Он не заметил, что перед ним находится «опасная преступница», бежавшая из его же усадьбы.

В 1859 году произошло восстание Джона Брауна. Знаменитый аболиционист захватил правительственный арсенал в Гарперс-Ферри, рассчитывая вызвать всеобщее восстание негров. Но негры ничего не знали о попытке Джона Брауна и на помощь не пришли. Гарриет Табмен пыталась проникнуть к Джону Брауну с Севера, но по дороге тяжело заболела и спустя несколько месяцев узнала, что героический борец повешен. Он сказал перед казнью: «Я, Джон Браун, твердо уверен теперь, что преступления этой глубоко греховной страны могут быть смыты только кровью. Напрасно я тешил себя мыслью, что это может быть сделано без излишнего кровопролития».

Джон Браун предсказал гражданскую войну. Гарриет Табмен в ней участвовала.

Матросы и офицеры флота северян, высадившиеся на одном из островов у побережья мятежного штата Южная Каролина, прекрасно знали маленькую, коренастую женщину в синей блузе с винтовкой в руке и патронной сумкой через плечо. Это была Гарриет Табмен. Не теряя времени, она выведала, кто из каролинских негров лучше всего знает минированное русло реки Комбахи, и организовала взвод разведчиков, которые помогали добровольцам-северянам совершать по реке рейды в тыл врага. С каждым рейдом добровольцы приводили сотни негров, бежавших с плантаций и желающих вступить в ряды армии северян. У Табмен была организована служба наблюдения в Южных штатах. Сплошь да рядом она сама отправлялась в глубокий тыл южан и приносила ценнейшие сведения о складах оружия и снаряжении противника, о передвижениях войск и состоянии железных дорог. К этому времени южане предлагали за ее голову уже сорок тысяч долларов. Если б ее поймали, она была бы сожжена на костре. Но Гарриет ни разу не попалась.

Война окончилась безоговорочной капитуляцией Юга. Но американские негры, ждавшие полного освобождения и наделения зем-

---

Лицо Таппа неожиданно хмурится, складка губ становится жесткой. Что такое? Разве зазорно нарушать рокотом мотора строгую тишину леса и ромашковых полян? Разве молодежь не на честно заработанные деньги приобретает мотоциклы и мотороллеры?

Оказывается, их приходится покупать на материке у перекупщиков. Нет, не о переплаченных трудовых деньгах сокрушается молодой коммунист.

— Мы невольно поощряем спекулянтов и тунеядцев. А бурьян нельзя поливать даже капелькой воды. Бурьян надо выполоть!

Бурьяном, который нещадно надо выполоть, Михкель считает и разгульный, бесшабашный рыбацкий досуг. Восьмая бригада ополчилась против этого обычая. С какой гордостью рассказывает Михкель о первых ростках художественной самодеятельности! И какая горечь звучит в его голосе, когда речь заходит о равнодушии республиканского Дома народного творчества!

— Трудимся мы на острове, но жить островитянами не хотим. Поглядели бы, как полон народный дом, когда к нам сюда заглядывают артисты, лекторы, музыканты!

Увы, только заглядывают, а не регулярно приезжают с материка. А ведь кто, как не они, может помочь кихнуским коммунистам окончательно добить остатки разъедающей сознание молодежи островной традиции:

— Кончил, парень, школу — вот тебе и самое высшее для рыбака образование...

Покамест еще легче послать с острова девушку в животноводческий техникум, нежели парня в мореходное училище. Не хотят. Обидно это Михкелю Таппу. Неспроста он так часто приводит школьников к причалу, где стоят только что купленные колхозом маленькие траулеры «Санбелайд» и «Форель».

— Красиво? Нравится?

Ребятишки с достоинством шмыгают носом: малыши мы, что ли, чтоб нам такие вопросы задавать!

— Кто хочет ходить в море за рыбой на таком траулере?

Тут уж, отбросив всякую солидность, ребята наперебой кричат:

— Я! Я! Я!

— На таком судне, — подробно объясняет им Тапп, — и навигационные приборы есть, и радиосвязь, и траловая лебедка. Это вам не рыбацкая лодка! Сюда не то что в капитаны, но и в матросы без образования не попадешь. Так что, ребята, кончайте школу — и в техникумы, в училища, на курсы!

А если их потом потянет на знакомые огни старого кихнуского маяка и, по давнишней традиции, захотят они трудиться только на родном острове? Милости просим, работы для всех хватит! Тем более, что эти будущие штурманы и механики поедут учиться на материк не только по колхозным путевкам, но и на колхозные стипендии.

— Будут наши рыбаки образованными людьми, — говорит Михкель, — будут! Не в Америке мы живем.

Упоминание об американском образе жизни для него не случайно: прелести этого образа с лихвой испытал на себе человек, с которым он встречается почти ежедневно, — старый кихнуский рыбак Иван Палу. Боец интернациональной бригады в республиканской Испании, Палу после победы фашистских мятежников не мог вернуться в буржуазную Эстонию. Подался в Америку. Много там мыкал горя. Одиннадцать лет тому назад возвратился на родину. И теперь, если кто-либо из наведывающихся на остров американских туристов примется разглагольствовать насчет заокеанских свобод, Иван Палу нокаутирует враля двумя-тремя короткими вопросами.

Внимательно, очень внимательно прислушивается Михкель Тапп к невеселым рассказам Ивана Палу об американской жизни. И частенько напоминает о них товарищу, когда речь заходит о новом в нашей советской жизни, о коммунистических методах труда.

Бригада Таппа не носит звания коммунистической. Почему же, может спросить читатель. Я тоже спросил об этом бригадира. Вот что он ответил:

— Уже как-то зашел разговор, что нужно подсчитать все показатели нашей бригады — не заслужила ли она звания коммунистической?.. Пока, скажу, не заслужила. В нашем колхозе одна только бригада может добиваться этого высокого права. Руководит ею

лей, жестоко обманулись. Линкольн был убит. По всему Югу разлилась волна антинегритянского террора. Впервые появился на свет ку-клукс-клан. Но и на Севере было немногим лучше. Возвращаясь с фронта, Гарриет в поезде была избита: подумайте, эта «черномазая» в военной куртке осмелилась войти в вагон «для белых»!

Такова была первая благодарность послевоенной Америки своей героине. В дальнейшем вашингтонские канцелярии категорически отказались включить Гарриет Табмен в список пенсионеров — участников гражданской войны. Эта женщина после пятнадцати лет активной борьбы с рабовладельцами не заслужила права на пенсию! Жалкая сумма денег была ей выдана только в 80-х годах, но и то не как ветерану войны, а как «вдове сержанта Нельсона Дэвиса», за которого она вышла замуж уже в пожилом возрасте.

Полунищая маленькая женщина ходила по кухням богатых домов, перебиваясь случайными заработками. Так она познакомилась с учительницей Сарой Брэдфорд, которая по рассказам Табмен написала две книги о героической борьбе негров за свободу. Все рассказы Табмен о «подземке» неизменно кончались одной и той же фразой:

— Мой поезд никогда не сходил с рельсов, и я никогда не потеряла ни одного пассажира...

Гарриет Табмен умерла накануне первой мировой войны. Незадолго до ее смерти в Спрингфилде, на родине Линкольна, произошел большой негритянский погром...

Джей Райэлс рекламирует своих собак-негроловов, описанных в «Хижине дяди Тома».

Чем кормится скворец

Фельетон

Скворцам устроили Варфоломеевскую ночь. Это была тщательно задуманная и хорошо организованная облава. За скворцами гонялись индивидуально и даже целыми творческими коллективами. В пернатых гугенотов стреляли из ружей и дробовиков, их заманивали в силки. Интеллигентного вида люди в чесучовых пиджаках гонялись за птицей, как легкомысленные мальчишки. Сбив несчастную птицу, интеллигенты издавали торжествующий вопль и вихрем мчались в лабораторию.

Постороннему наблюдателю и в голову не могло прийти, что он присутствует при великом научном эксперименте. А между тем на его глазах происходило событие, по своему значению не уступающее крупнейшим открытиям мировой науки. Событие, которому суждено было стать этакой вехой, верстовым столбом на пути к полному познанию скворцов.

Великие научные открытия, как, например, изобретение парового котла, ткацкой машины или, скажем, кефира, порождались настоятельным требованием эпохи. И ученый тогда добивался успеха, когда он своевременно улавливал эту потребность своего времени. Имя такого ученого благодарное человечество буквами из нержавеющей стали запишет на скрижалях истории.

Такими счастливцами и оказались сотрудники Молдавского филиала Академии наук СССР И. С. Доника и С. Г. Плугарь. Каким-то особым, присущим только незаурядным людям научным чутьем они догадались, чтó является сейчас самой настоятельной, самой животрепещущей проблемой современности. Такой проблемой, безусловно, является питание и отпугивание скворцов.

Что и говорить, решить такую проблему не всякому по плечу. Уж очень она фундаментальная, многогранная, основополагающая. Вопрос, так сказать, вопросов. Этакий птичий философский камень: чем кормится скворец? Потребляет ли он витамин «С», предохраняющий от рахита? Не страдает ли он, скворец, запором, катаром желудка или язвой двенадцатиперстной кишки? Каким образом его отпугивать?

Словом, проблема бездонна, как впадина Тускароры. И на пути к ее решению ученые проделали титаническую, вызывающую невольное уважение работу. Ведь скворец не какая-нибудь морская свинка или собака, он ведь летает, стервец. Попробуй поймай его за хвост.

Вот как описывают Доника и Плугарь свои мытарства в «Известиях» Молдавского филиала АН СССР.

За период с 1957—1959 гг. (обратите внимание на оперативность, дорогой читатель!) вскрыто триста желудочков скворцов. На основании этого пришли к выводу, что скворцы питаются наземными моллюсками, насекомыми, а также охотно поедают семечковые, косточковые и виноград.

Далее авторы делают вывод, что скворцов для их отпугивания и следует искать в тех местах, где есть вышеуказанная пища. Как отпугивать, авторы не могут рекомендовать точно, но ясно одно, что ружейная стрельба, этот устарелый метод, не всегда дает положительный эффект. Возможно, полезен пулеметный огонь или стрельба шрапнелью...

Словом, как догадывается читатель, три года упорной работы не пропали для ученых даром. Мы уже готовились было снять шляпу перед этим научным подвигом и отвесить великомученикам изящный реверанс, как вдруг...

Вы, может быть, помните историю, как один одесский бухгалтер совершенно самостоятельно открыл дифференциальное исчисление? Каково же было его удивление, когда он узнал, что дифференциальное исчисление открыто Ньютоном еще двести пятьдесят лет назад! Бедняга так сильно расстроился, что пришлось его отвезти в лечебницу.

Так вот, перелистывая одну книгу, я совершенно случайно обнаружил, что приоритет насчет скворцов принадлежит, увы, не Донике и Плугарю. Правда, они опоздали со своим открытием немного — всего на каких-нибудь сто лет, но их оправдывает то, что книжка эта уж очень малоизвестная. Ну, кто его читал, этого Брема! Именно в этом малоизвестном источнике автор, не претендуя ни на какой научный подвиг, сказал насчет скворцов все, что о них можно сказать.

Помимо этого досадного обстоятельства, вызывает сожаление и другой, не имеющий отношения к науке факт. Все эти три года Доника и его верный соратник Плугарь, вспарывая желудочки скворцам, находили, однако, время для аккуратных налетов на кассовую амбразуру. Так что вторичное открытие рациона скворцов обошлось государству в добрый десяток тысяч новых рублей.

Конечно, можно изучать питание скворцов в Молдавии. Развлекаться никому не возбраняется. Но вот только непонятно одно: почему эти развлечения должны оплачиваться из государственного кошелька?

В. ТИТОВ

Георг Палу. Хоть рыбы за полугодие они добыли меньше нас, но зато, — в ровном голосе Таппа зазвенели новые нотки, — у Георга Палу и всех его рыбаков больше коммунистической совести...

Очень хочется, дорогой Георг Палу, чтобы вы знали эти подлинные слова Михкеля Таппа. Он произнес их без позы, очень просто и буднично, как обычно честные люди говорят о самом сокровенном. И вы, надеюсь, поймете, почему я, приехав на Кихну с твердым намерением написать о ваших, отмеченных недавно орденом Ленина трудовых подвигах, рассказываю все-таки не о вас, а о молодом собрате вашем Михкеле Таппе. Его имя еще не известно, как ваше, всей республике. Но он хочет жить и трудиться, как вы, хочет войти в коммунизм с чистой душой. Для этого он настойчиво и последовательно учится коммунизму. В этой благородной учебе помогаете ему вы, Георг Палу, и, полный молодого задора, председатель вашего колхоза штурман Олев Рийвитс, и колхозный ветеран, старейший коммунист вашего неповторимого острова, Михкель Лаасос.

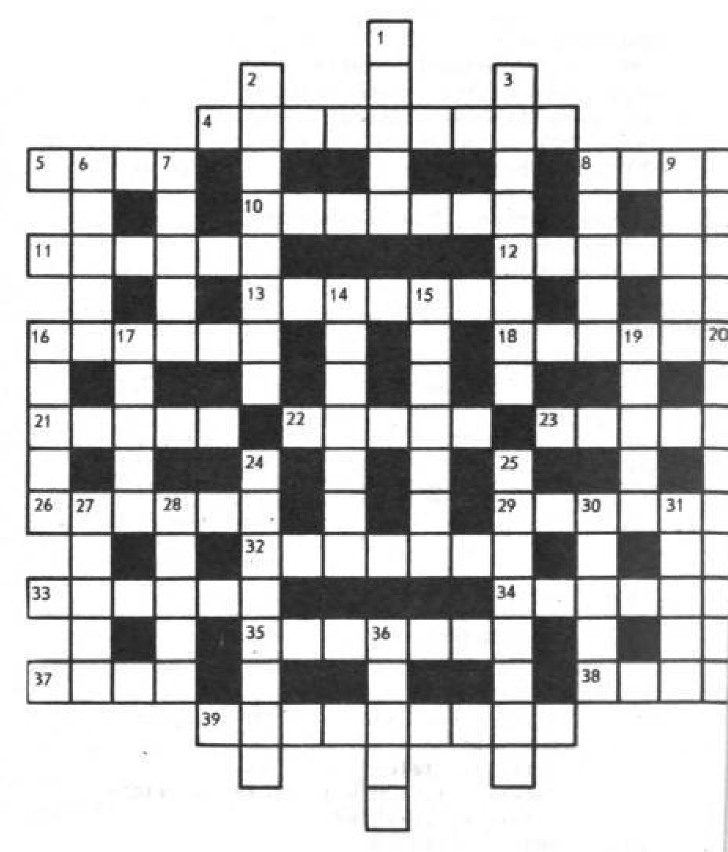
КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Сатирический журнал, издававшийся Н. И. Новиковым. 5. Одномачтовый парусник. 8. Спортивный снаряд. 10. Лиственный лес. 11. Румынский композитор. 12. Соединение, смесь, раствор. 13. Город на Украине. 16. Советский физик. 18. Герой повести Л. Н. Толстого «Казаки». 21. Духовой инструмент, распространенный на Кавказе. 22. Часть бухгалтерского баланса. 23. Строительный материал. 26. Сорт гречневой крупы. 29. Исправление повреждений, починка. 32. Курорт в Целинном крае. 33. Певица, народная артистка СССР. 34. Старинная рукопись. 35. Большой веер. 37. Пьеса В. Маяковского. 38. Полуостров на северо-западе Азии. 39. Плод хлопчатника.

По вертикали:

1. Кружева. 2. Горная система в Афганистане. 3. Русский писатель XVIII—XIX веков. 6. Узкая полоса ткани. 7. Небольшое городское поселение на Руси. 8. Автомобильная дорога. 9. Народность, населяющая Кольский полуостров. 14. Прерывистая линия. 15. Советский композитор. 16. Шахматная фигура. 17. Точка, противоположная зениту. 19. Вес товара без упаковки. 20. Музыкальный ансамбль. 24. Предварительный чертеж, рисунок. 25. Птица хвойных лесов. 27. Плавучее сооружение для разработки золотых россыпей. 28. Государство в Азии. 30. Поэма Т. Г. Шевченко. 31. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 36. Провинция в Китае.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

По горизонтали:

3. Сапонит. 7. Стогометатель. 10. Бегун. 11. Тикси. 12. Аврал. 13. Каватина. 16. Ганнибал. 18. Каракалпаки. 19. Валерина. 22. Павловск. 26. Титов. 27. Пирог. 28. Техас. 29. Воодушевление. 30. Гигиена.

По вертикали:

1. Лафонтен. 2. Пирамида. 4. Ожешко. 5. Струма. 6. Плавни. 8. Механизация. 9. «Камаринская». 14. Театр. 15. Аккра. 16. Галоп. 17. Накал. 20. Еготов. 21. Нептуний. 23. Ангелина. 24. Онегин. 25. Орбели.

НА БРАЗИЛЬСКИХ ПЕРЕКРЕСТКАХ

Б. КОСТРИЦЫН

Бразилия — крупнейшее государство Латинской Америки, четвертая в мире страна по размерам территории — 7 сентября отметила День независимости. В этот знаменательный день Жоао Гуларт, бывший вице-президент Бразилии, в соответствии с конституцией занял пост президента. Это было победой патриотических сил, одержанной над реакцией и империализмом, ответом на происки тех реакционных кругов, которые вызвали кризис.

Мне довелось побывать в Бразилии этим летом в составе советской студенческой делегации. Наша делегация встречалась и с людьми из народа и с официальными лицами. Может быть, очерк, написанный о Бразилии накануне событий, за которыми мир напряженно следил в последние недели, поможет лучше понять то, что произошло в этой стране.

Дела студенческие

Прямо с аэродрома в Рио-де-Жанейро мы направились в Национальный союз студентов Бразилии.

Такси неутомимо пробиралось через лабиринт то невероятно узких, то неожиданно широких улиц. Миновали шумную торговую часть города.

— Скоро выедем к берегу моря,— сказал шофер.— Вон там, налево,— он показывает рукой на большое, этажей пятнадцать, серое здание,— посольство США. Крепкое сооружение... Кстати, окна посольства защищены бронированным стеклом. Никаким камнем не разобьешь...

— А разве пробовали? — спрашиваем мы.

Шофер в ответ ухмыляется.

Национальный союз студентов Бразилии, по приглашению которого мы приехали, объединяет 100 тысяч человек, то есть всех студентов высших учебных заведений страны. Это единственная студенческая организация в Бразилии. Своими главными задачами Союз считает борьбу за демократизацию просвещения, за ликвидацию неграмотности среди народа (в Бразилии свыше 60% населения не умеет читать и писать), за улучшение материального положения студентов.

Через две недели, когда наша делегация находилась на северо-востоке Бразилии, мы явились свидетелями весьма острых форм борьбы бразильского студенчества за свои права, за демократизацию образования.

Ресифе — большой город, столица обширного сельскохозяйственного района. Здесь живет более 700 тысяч человек, из них 200 тысяч безработных.

Мы только что внесли чемоданы в номер отеля «Сан Домингос», как раздался телефонный звонок. Администратор отеля сообщает, что внизу нас ждет группа местных студентов. Спускаемся. На диванах в холле разместились около тридцати студентов — юношей и девушек. Дружеские улыбки, рукопожатия. Вдруг белозубая смуглянка запевает по-русски «Катюшу». К ней присоединяются еще несколько голосов. Советская песня здесь, в Ресифе, за много тысяч километров от нашей Родины! Да еще по-русски, да еще хором!

Так началось наше знакомство.

В Союзе студентов штата Пернамбуко мы узнаем, что посетить университет невозможно, так как прошлой ночью студенты объявили забастовку.

Поводом к забастовке послужило следующее: студенты факультета права пригласили Селию Гевара, мать одного из руководителей революционной Кубы, Че Гевары, прочесть вечером в свободное от занятий время лекцию о кубинской революции. Директор факультета Сориано Нето категорически запретил лекцию, но студенты не подчинились, и лекция состоялась. Когда Селия Гевара начала говорить, Сориано приказал выключить свет. Но студенты предвидели этот маневр. Они достали заранее купленные свечи, и лекция продолжалась.

Через несколько дней Сориано потребовал исключения из университета восьми «зачинщиков беспорядка». Студенты потребовали смещения директора и назначения комиссии по расследованию неприглядных дел, которые творились на факультете. А положение на факультете действительно оставляло желать много лучшего. Плохие столовая и общежитие, тесные и темные аудитории; в основе учебных программ — устаревшие на полтора века дисциплины; финансовые злоупотребления.

Директор отказался проводить расследование. Тогда студенты объявили забастовку и заняли помещение факультета, установив там круглосуточное дежурство. Забастовку поддержали все другие факультеты и даже католический университет, где учатся сыновья богатых и где, как выразился один из наших собеседников, «легковых автомобилей больше, чем студентов».

Студенты сельскохозяйственного университета, что в сорока километрах от Ресифе, также объявили забастовку, потому что на их требования улучшить материальное положение учащихся и положить конец финансовым злоупотреблениям не обращалось никакого внимания.

— Представьте себе,— слегка заикаясь от волнения, говорит русый парень, то и дело поправляя спадающие на лоб волосы,— у ректора установка для кондиционирования воздуха даже в туалете, а университетское общежитие всего на сорок человек. Остальные должны ездить за сорок километров. В университете восемнадцать тракторов, но только три используются для учебных целей, остальные работают «налево». А главное — качество преподавания, оно из рук вон!..

Поздно вечером, гуляя вместе с новыми друзьями, мы проходим мимо факультета права. Здание освещено. Вокруг — пикеты студентов. На ступеньках главного входа стоит черный ящик — символический гроб директора факультета. В скверике рядом друзья показали нам бюст юноши-студента Демокрито Соуза да Фильо, убитого полицией в 1946 году во время совместной демонстрации рабочих и студентов. Знамя, которое он нес тогда, стало знаменем факультета права.

На следующий день в Ресифе прибыл министр просвещения. Университетские власти совместно с министром и командующим войсками в Ресифе до поздней ночи обсуждали положение со студенческими лидерами и властями города. Забастовщикам предложили освободить помещение факультета под угрозой вмешательства армии. Они отказались.

На рассвете соединения армии, расквартированной в Ресифе, силами пехоты и танков окружили и заняли факультет права. В здании в это время находилось около ста студентов, собравшихся в зале. Когда вошли солдаты, студенты запели национальный гимн. Один из сержантов, не разобравшись, крикнул:

— Подрывные песни? Прекратить!

Положение спас лейтенант, приказавший солдатам выйти. Когда студенты кончили петь, их под конвоем вывели из здания.

Вокруг факультета были расставлены пулеметы. Их черные тупые рыльца уставились на хмурую толпу, собравшуюся за линией оцепления. Горбатые громады темно-зеленых танков, словно стадо динозавров, расположились чуть поодаль на площади.

Студенты продолжали борьбу. Днем состоялась большая студенческая демонстрация. Ее участники, неся во главе колонны знамя правового факультета, простреленное полицейскими пулями в 1946 году, и скандируя «Студенты — да, Сориано — нет!», прошли по центральным улицам города. Лозунги гласили: «Требуем демократизации высшего образования!», «Университеты для всех!».

Национальный союз студентов Бразилии обратился ко всем высшим учебным заведениям страны с призывом объявить общенациональную забастовку солидарности. О поддержке студентов заявили многие рабочие профсоюзы Ресифе.

Позже мы узнали, что власти создали комиссию по расследованию непорядков, вскрытых студентами.

Вьолерос поют о лигах

Еще в Рио мы много слышали о том, что на северо-востоке Бразилии среди безземельного крестьянства несколько лет назад началось движение за создание организаций крестьянства, так называемых крестьянских лиг. Правая печать встретила лиги в штыки, объявив их «коммунистическими».

Нам сказали, что лидер этого движения депутат Франсиско Жулиан живет в Ресифе и мы можем встретиться там с ним.

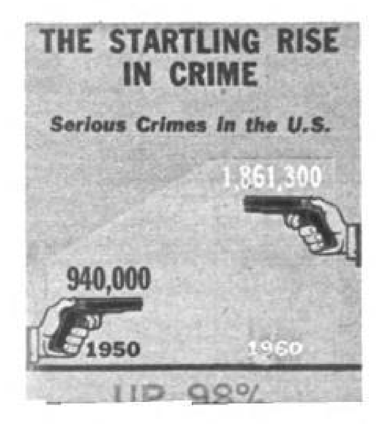
Франсиско Жулиан встретил нас у дверей своего дома. Проходим в кабинет, заставленный шкафами с книгами. Навстречу нам поднимаются два человека с загорелыми до черноты лицами и руками.

— Знакомьтесь. Это мои друзья — крестьяне из лиги Сапе.

Мы просим Жулиана рассказать о крестьянских лигах.

— С удовольствием. На северо-востоке Бразилии, в основном по океанскому побережью, живут двадцать миллионов человек, поч-

НОВЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ РЕКОРД

В Соединенных Штатах, где периодические кризисы перепроизводства оставляют без работы миллионы людей, есть, однако, такая «отрасль производства», занятость в которой непрерывно повышается. Это преступность. Диаграмма, воспроизведенная здесь, взята из американского журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». Она свидетельствует, что число серьезных преступлений в США за десятилетие с 1950 по 1960 год выросло с 940 тысяч до 1 861 300, то есть на 98 процентов. Директор Федерального бюро расследований Эдгар Гувер сообщил, что соответственно увеличилось число преступников среди молодежи. В 1950 году за решетку попало 256 тысяч молодых людей а в 1960 году — 526 тысяч.

Этот «рекорд» США твердо удерживают за собой.

РЕКЛАМА ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Недавно американские бизнесмены потребовали, чтобы кинореклама появлялась не только в отведенное для нее время перед сеансом, но и во время демонстрации фильма, причем там, где действие достигает своей кульминации.

При демонстрации кинокартины «Преступление и наказание» (по роману Достоевского) в том месте, когда Раскольников решается на убийство, на экране неожиданно появилась надпись: «Дорогие зрители! Вероятно, вы задаете себе вопрос, почему так нервничает Раскольников. Все очень просто: тогда еще не было наших успокаивающих пилюль!»

НА ЗАКОННОМ ОСНОВАНИИ

Во время судебного заседания в шведском городе Рудкэбинг из-под стола судьи неожиданно выскочила собака. В пасти она держала ботинок, принадлежащий, как оказалось, самому судье.

Это происшествие вызвало юридическую дискуссию между судьей и адвокатом — хозяином собаки. Адвокат запротестовал против решения судьи изгнать его пса, мотивируя это тем, что нет закона, запрещающего собакам находиться в залах суда.

Однако судья не растерялся, заявив: «Существует закон, запрещающий осо-

ти треть населения страны. Из них более семидесяти процентов занимаются сельским хозяйством. Формы землевладения здесь сохранились с феодальных времен. В руках помещиков-латифундистов сосредоточена почти вся земля. Средняя латифундия — это владение в двадцать—тридцать тысяч гектаров. Девяносто процентов крестьян лишены земли и вынуждены работать на помещика. За жалкий клочок земли крестьянин должен бесплатно работать на латифундиста несколько дней в неделю.

Стихийные действия,— продолжает Жулиан, глядя на нас внимательными, глубоко посаженными черными глазами,— такие, как захват помещичьих земель в одиночку или небольшой группой, обычно кончались неудачей. У крестьян стало появляться сознание, что необходимо объединение.

В лиги вступали батраки, издольщики, арендаторы и даже мелкие собственники.

Цели лиг просты и понятны крестьянским массам. Мы оказываем им медицинскую и адвокатскую помощь, боремся за создание профсоюзов батраков. Мы боремся также за принятие федеральным сенатом и штатами законов, облегчающих положение крестьян. Движение за организацию крестьянских лиг беспартийное, его поддерживают самые различные слои — интеллигенция, военные, студенты, рабочие, католики. Вы понимаете, конечно, что вести пропаганду нашего движения трудно. Что могут дать, например, печатные материалы, когда девяносто процентов крестьян неграмотны? Огромную роль играет живое слово. И здесь нам помогают вьолерос—бедные бродячие певцы. Издавна по всему северо-востоку бродят сотни таких певцов. Крестьяне с удовольствием слушают их песни и легенды о героических делах прошлых лет, музыкальные истории о любви. Это, пожалуй, единственный вид исполнительского искусства, доступный крестьянам. Сейчас многие вьолерос поют о лигах.

— А как обстоит дело с аграрной реформой?

Крестьяне, слушавшие Жулиана не шелохнувшись, горько качают головами. Жулиан нервно тушит сигарету.

— Аграрная реформа обсуждается сейчас всеми, даже самими латифундистами. Но толку пока никакого. В парламент с 1945 года внесено более двухсот проектов реформы, и ни один не прошел.

Кубинская революция подтолкнула крестьянское движение в Бразилии. Ее пример, кубинская аграрная реформа прямо-таки электризуют крестьян. Недавно на Кубе побывала крестьянская делегация из Пернамбуко. Вернулась, полная энтузиазма. Кстати, мы с Кастро большие друзья, постоянно переписываемся.

Мы внимательно изучаем опыт социалистических стран, решивших у себя крестьянский вопрос. Мы всегда говорили народу правду о вашей стране, об СССР. Ваши успехи радуют нас.

Мы просим Жулиана рассказать немного о себе.

— Что тут рассказывать? Главная цель моей жизни — покончить с феодализмом в бразильской деревне, помочь тому, чтобы крестьяне добились достойной жизни. Наверное, поэтому меня частенько обвиняют в коммунизме. Но я не коммунист — я генеральный секретарь социалистической партии в штате Пернамбуко.

Настало время прощаться. Мы выходим все вместе во двор, заросший травой. Жулиан показывает нам двух козлят, резвящихся на зеленой траве.

— Подарок Фиделя Кастро,— с улыбкой говорит он.

В новой столице

Территория Бразилии огромна, а экономическая жизнь страны в основном сосредоточена только на океанском побережье. Густозаселенные прибрежные районы резко контрастируют с огромными, почти лишенными населения пространствами, покрытыми тропическими лесами и саваннами на севере и западе страны. На бескрайних просторах северного района Бразилии вместе со штатами района Амазонки живет всего три с половиной процента населения страны.

Задача освоения внутренних районов стоит перед Бразилией уже давно. Перенос столицы с побережья в центр страны должен был немало способствовать этому. Идея переноса столицы родилась в Бразилии еще в XVIII веке. Ее разделял и знаменитый Тирадентис (Зубодер) — вождь движения за независимость Бразилии от португальской метрополии (1789 год). В 1822 году эта идея находит отражение в конституции. Кстати, в том же году впервые выдвигается предложение назвать новую столицу Бразилиа. В 1891 году в новую конституцию страны снова вносится статья о необходимости перенесения столицы в центральные районы. Через несколько лет специальной комиссией было определено место новой столицы.

Строительство Бразилиа началось только в 1956 году. А 21 апреля 1960 года Рио-де-Жанейро перестал быть столицей страны, уступив эту роль новой красавице, созданной за четыре года на пустынном плато в геометрическом центре Бразилии.

Мы осматриваем новую столицу вместе с инженером Франки, работающим в муниципалитете города.

— Эта площадь называется площадью Трех властей,— объясняет Франки,— так как ее окружают конгресс — законодательная власть, дворец Планальто, где работает аппарат президента,— исполнительная власть и Федеральный верховный суд — судебная власть.

Мы выходим на середину площади. Она совершенно пуста. Кажется, что гуляешь по огромному макету в мастерской архитектора. Легкие, приятные формы дворца Планальто и здания верховного суда построены в одинаковой манере, в них много стекла, воздуха. Комплекс зданий конгресса напоминает два поставленных стоймя спичечных коробка, около которых положили разрезанный пополам мандарин — одну половинку разрезом вверх, а другую — разрезом вниз. В коробках размещены кабинеты депутатов, а половинки мандарина — сенат и палата депутатов.

Франки с удовольствием показывает нам все достопримечательности строящейся, еще одетой в леса столицы. Все основные здания в городе проектировал крупнейший бразильский архитектор Оскар Ниемайер. Франки останавливает машину у почти законченного католического собора. Собор похож на многоногого паука с короной на спине.

— Злые языки утверждают,— рассказывает, улыбаясь, Франки,— что Жан-Поль Сартр, увидев этот собор, строящийся также по проекту Ниемайера, будто бы сказал: «Ниемайер, может быть, и католик, но плохой. Скорее всего, он коммунист».

Вечером мы в гостях у молодого архитектора Рикардо Фронтини. Радушный хозяин рассказывает:

— Когда здесь начали строительные работы, с северо-востока страны, в основном из штата Пернамбуко, сюда хлынул поток канданго, то есть переселенцев — крестьян и батраков, не имевших ни земли, ни работы в родных местах и рассчитывавших найти здесь средства к жизни. В массе своей это были неграмотные, темные люди, которые поначалу годились лишь как чернорабочие. Но природный ум, смекалка, трудолюбие делали чудеса. Канданго очень быстро овладели профессиями строительных рабочих. Все, что возведено

Жоао Гуларт. По конституции Бразилии, после отставки Куадроса он занял президентский пост.

здесь: комплексы красивых зданий, дворцы, жилые дома, дороги,— создано руками канданго. Бразилиа не только новая столица, это памятник вдохновенному труду канданго.

Строительство еще далеко не закончено. Из ста шестидесяти тысяч обитателей новой столицы только 40 процентов имеют сносное жилье. Через четыре года население Бразилиа возрастет до трехсот пятидесяти тысяч человек. Красавица столица, сооружаемая из бетона, стекла и стали, окружена городками-спутниками, пока что представляющими собой беспорядочное скопление деревянных бараков и хижин. Здесь живут главным образом канданго. Серьезные проблемы порождает и безработица. В новом городе уже двадцать тысяч безработных. Бывает трудно со снабжением. Пока здесь нет ничего своего; каждый день по шоссейным дорогам из Рио, Сан-Пауло и других городов идут караваны грузовиков с продуктами для жителей Бразилиа.

Мы покидали самую молодую в мире столицу ранним туманным утром. Сквозь туман розовели верхушки здания конгресса. Город потягивался, пробуждаясь к новому дню, с каждой минутой все решительнее сбрасывая клочья утренней дымки. Мне вспомнились слова Оскара Ниемайера, высеченные на стене музея, стоящего на площади Трех властей:

«Я надеюсь, что Бразилиа будет городом счастливых людей, людей, которые чувствуют жизнь во всей ее полноте, во всей ее хрупкости; людей, которые будут понимать ценность простых и чистых вещей: жеста, сердечного слова и солидарности».

бам, не достигшим 18 лет, присутствовать в залах судебных заседаний. Сия собака не достигла еще указанного возраста». Псу пришлось покинуть зал суда.

ОСВОЕНИЕ КОСМОСА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВАТИКАНА

Один из епископов Ватикана предложил своим шефам серьезно изучить проблемы, встающие перед церковью в связи с приближением эры межпланетных путешествий. Епископ советует, не откладывая дела в долгий ящик, подумать о том, как обратить в христианство возможных обитателей других миров.

СОВЕТЫ ВОСХОДЯЩИМ КИНОЗВЕЗДАМ

Обобщив опыт голливудских кинозвезд, немецкий журнал «Фрейе вельт», иронизируя, дает такие советы.

Выбрав подходящую обстановку, упади в воду. Разрешай спасать себя. Фоторепортер, заснявший тебя, поместит твой снимок в иллюстрированном журнале, если, выжимая мокрую юбку, ты приподнимаешь ее достаточно высоко.

Возможно чаще разводись. Причины развода не имеют значения. При благоприятных обстоятельствах вторично выходи замуж за своего первого мужа. Это производит большое впечатление.

Примерно один раз в год демонстрируй «одиночество». Рассказывай, что, ища утешения, ты всецело отдалась чтению серьезной литературы. Хорошо запомни название какой-нибудь книги и расспроси о ее содержании авторитетное лицо.

Не избегай скандалов в ресторанах. Помни, что к скандалу в ресторане жадно присматриваются и прислушиваются все в нем находящиеся. Славу добывают рекламой.

Если с тобой случится автомобильная катастрофа, это хорошо. О ней напишут в газетах.

Корреспондентам газет говори, что ты ешь только салат и сырое просо. На приемах и в ресторанах пей только молоко. Так как молока в ресторане может не оказаться, приноси его с собой в бутылке. На стакан чистого коровьего молока — 55 процентов виски или коньяка.

Рисунки Ю. Черепанова.

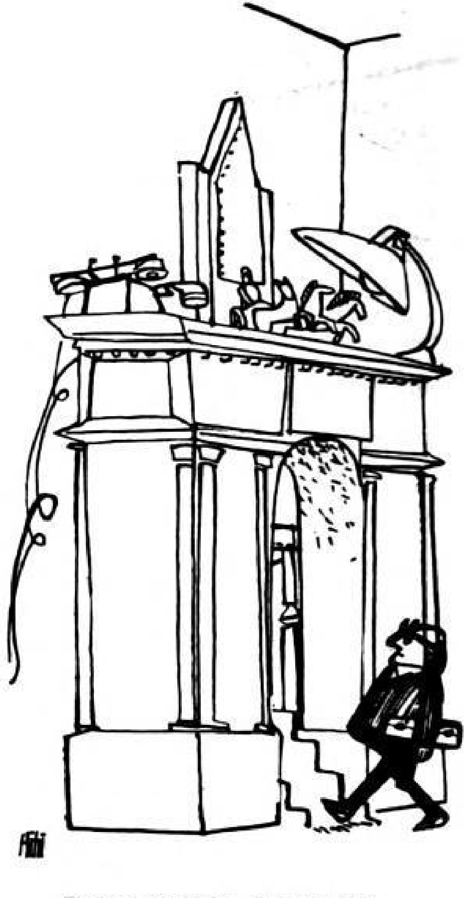
Из семейного альбома. Свадебное фото.

Критик в опере.

В современном театре — современный суфлер.

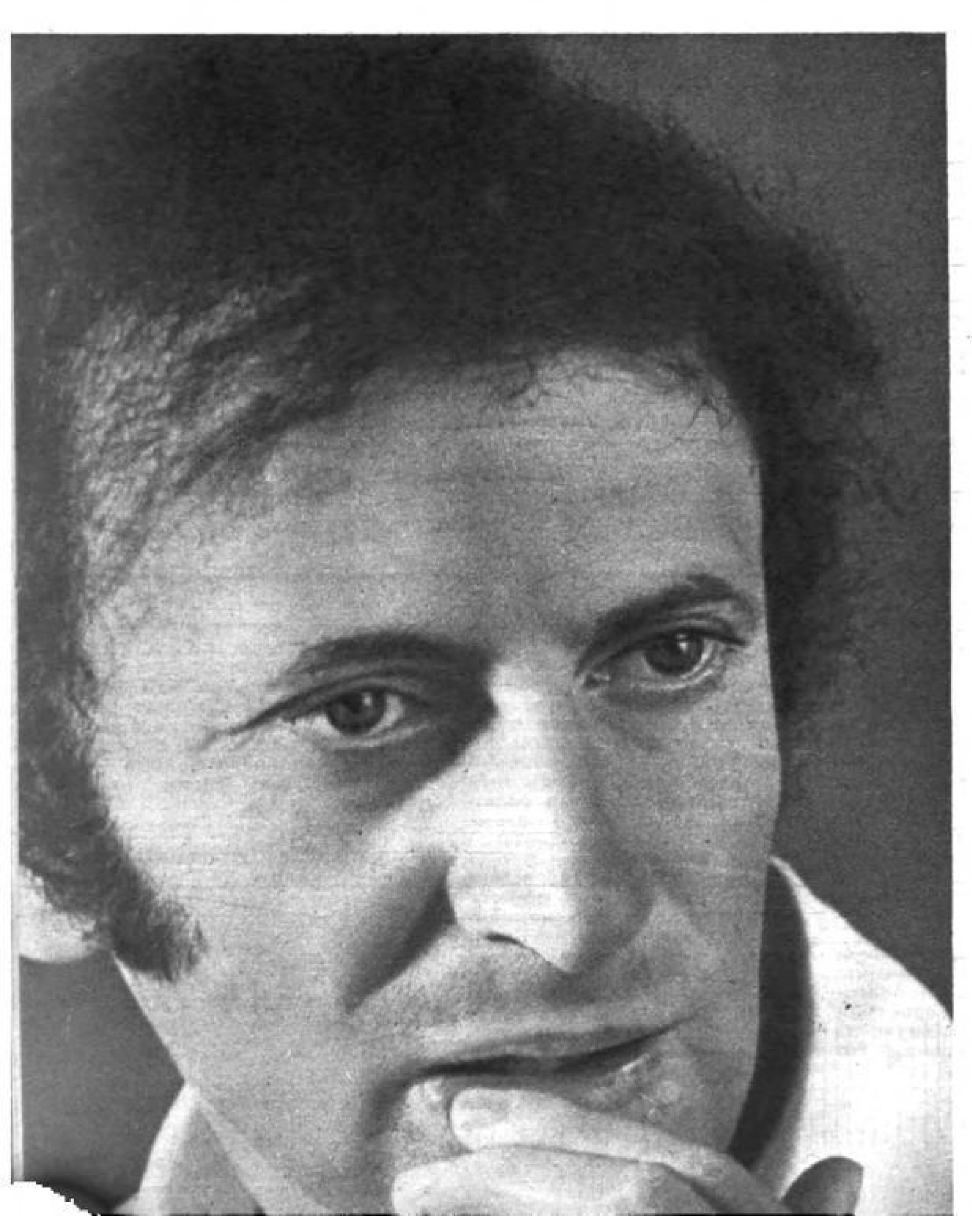

Более высокая должность.

На первой странице обложки: Хлеб — наше богатство.
Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Лесничий Сергей Александрович Царев с собакой Демоном часто встречает рассвет далеко от дома.
Фото Б. Кузьмина.

Говорит Марсель Марсо

«У него с собой всего лишь чемодан с двумя костюмами для сцены, коробка грима и несколько листочков с указаниями мизансцен. Когда с набеленным лицом, в синем костюме он появляется на эстраде, публика, плотно набившаяся в зал, гудит, словно океан на отдыхе...»

Так описывает гастроли мима Марселя Марсо корреспондент журнала «Пари-театр».

Да, таким и предстает перед нами Марсель Марсо — в узкой курточке, тельняшке и видавшей виды высокой шляпе, на которой дрожит трогательный красный цветочек... Подобно тому, как в нашем воображении Чаплин неразрывно связан с образом созданного им персонажа, так и Марсо неотъемлем от созданного им Бипа...

Марсо считается лучшим мастером пантомимы. Свою первую мимодраму он создал пятнадцать лет назад. Через год, в 1947 году, в парижском Театр де Пош («Карманном театре») он появился в облике Бипа. Он поставил «Смерть перед рассветом» и в 1948 году был удостоен премии Гаспара Дебюро — в память о прославленном французском миме XIX века.

Десять лет назад «Содружество мимов Марсо» создало изумительную пантомиму-спектакль «Шинель» по Гоголю, которую Марсо возобновил в сезоне 1958/59 года, отметив ею 150-летие со дня рождения великого русского писателя. Марсо сумел почувствовать и тонко передать трагедию маленького, беззащитного человека, на которого обрушиваются злые силы жизни. Не случайно «Шинель», как и лучшие мимические сцены Бипа, экранизирована.

Где только не побывал Марсо за десяток с лишним лет! Он гастролировал в странах Европы и Латинской Америки, в США и Канаде, в Африке... Теперь с его мастерством познакомились советские зрители.

Бип, созданный Марсо,— это существо лирическое, исполненное поэзии и насмешливой иронии, трагедийности и почти детской наивности. Это осовремененный вариант Пьеро.

Быть может, грустной, даже чересчур мрачной покажется пантомима «Отрочество, зрелость, старость и смерть». За короткие мгновения перед нами проходит жизнь человека.

Марсо убеждает нас, что пантомиме не нужны ни музыка, ни декорации.

Мы восхищаемся Бипом, идущим против ветра или взбирающимся по ступеням воображаемой лестницы. Мы смеемся над тем, как метко запечатлел Марсо посетителей городского сада... Бесконечно разнообразны трюки бродячего акробата.

А вот «Давид и Голиаф». Артист один изображает схватку этих легендарных персонажей. Достаточно Марсо перейти на другую сторону условной «скалы», и он становится другим человеком. Вот он, самоуверенный «великан» Голиаф — этакая безмозглая и жестокая гора мяса, готовая обрушиться на противника. Затем Марсо исчезает на миг за «скалой» и появляется с другой ее стороны уже увертливым Давидом — начинается схватка. Все убыстряется ее темп. С быстротой молнии перевоплощается артист-мим то в тупого и наглого колосса, то в смышленого юношу...

Да, советские зрители познакомились с большим мастером, в каждом выступлении которого — глубокий смысл и поэзия.

Т. КУЛАКОВСКАЯ

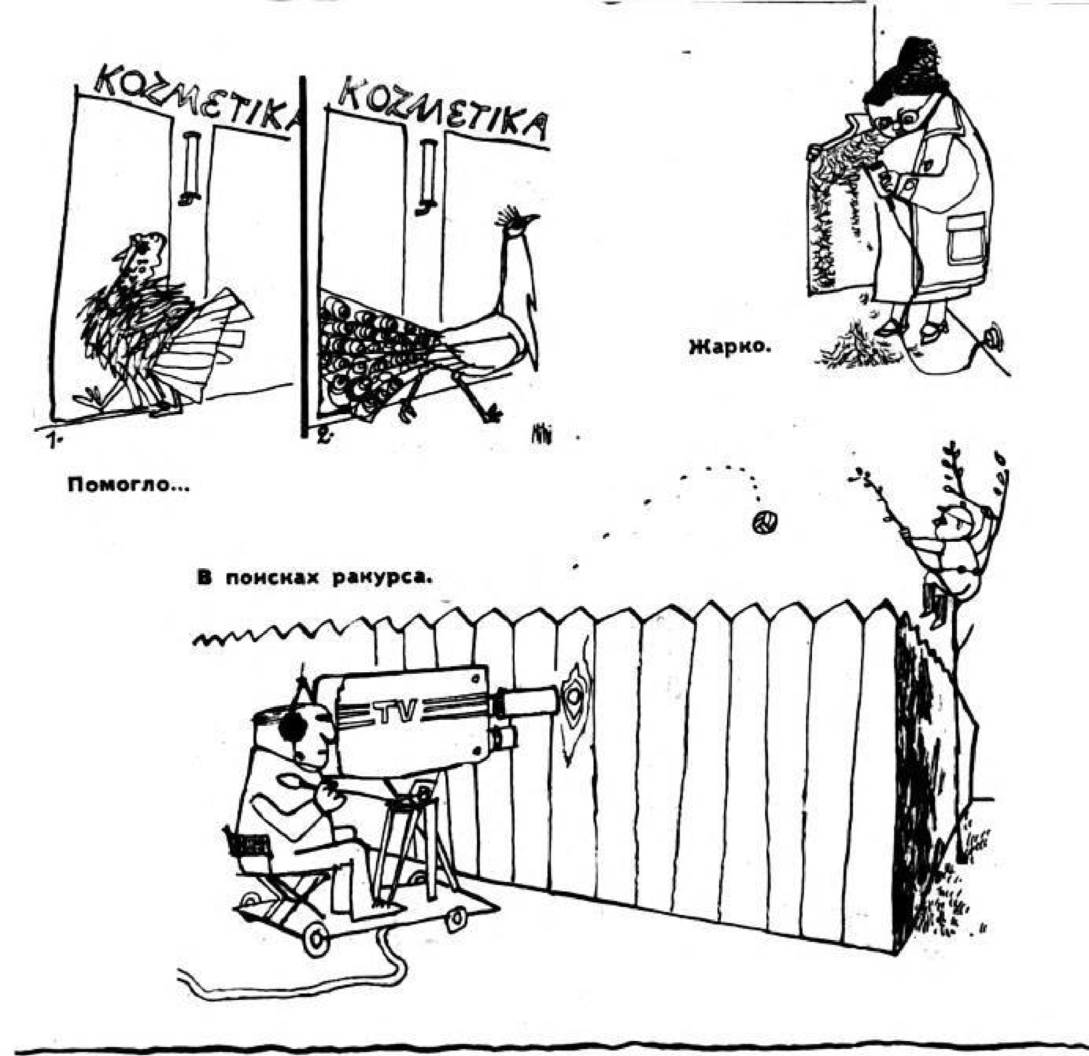
Фото О. Воробьева и Ю. Кривоносова.

В мастерской масок.

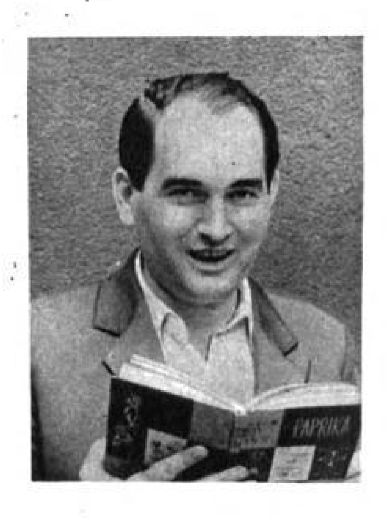

Помогло...

Жарко.

В поисках ракурса.

Иштван Хегедюш смеется

Эти веселые рисунки принадлежат молодому венгерскому художнику, сотруднику сатирического журнала «Лудаш Мати» Иштвану Хегедюшу. Они своеобразны по исполнению, их любят читатели. В карикатурах художника много теплого, светлого юмора, они вызывают веселый смех. Тридцатилетний Иштван Хегедюш считается одним из талантливых карикатуристов Венгрии. Недавно в Будапеште вышел альбом его сатирических рисунков. Карикатуры Хегедюша печатаются в венгерских газетах и зарубежной печати.

М. ОДИНЕЦ

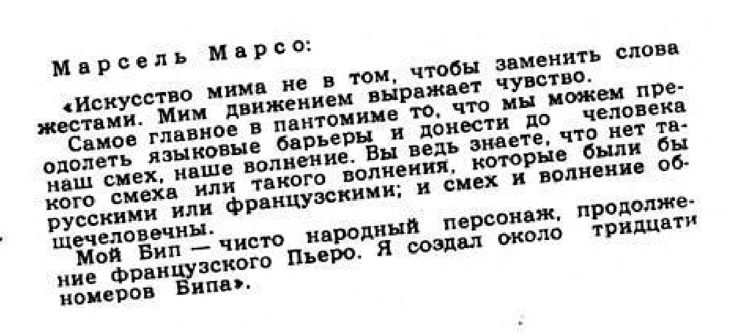

Это уличный музыкант. →

Вот Бип — бродячий акробат.

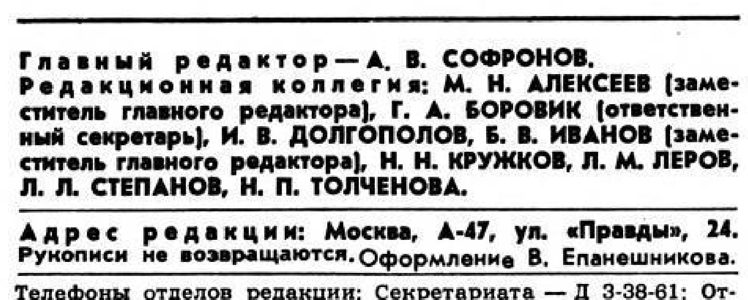

Марсель Марсо:

«Искусство мима не в том, чтобы заменить слова жестами. Мим движением выражает чувство.

Самое главное в пантомиме то, что мы можем преодолеть языковые барьеры и донести до человека наш смех, наше волнение. Вы ведь знаете, что нет такого смеха или такого волнения, которые были бы русскими или французскими; и смех и волнение общечеловечны.

Мой Бип — чисто народный персонаж, продолжение французского Пьеро. Я создал около тридцати номеров Бипа».

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

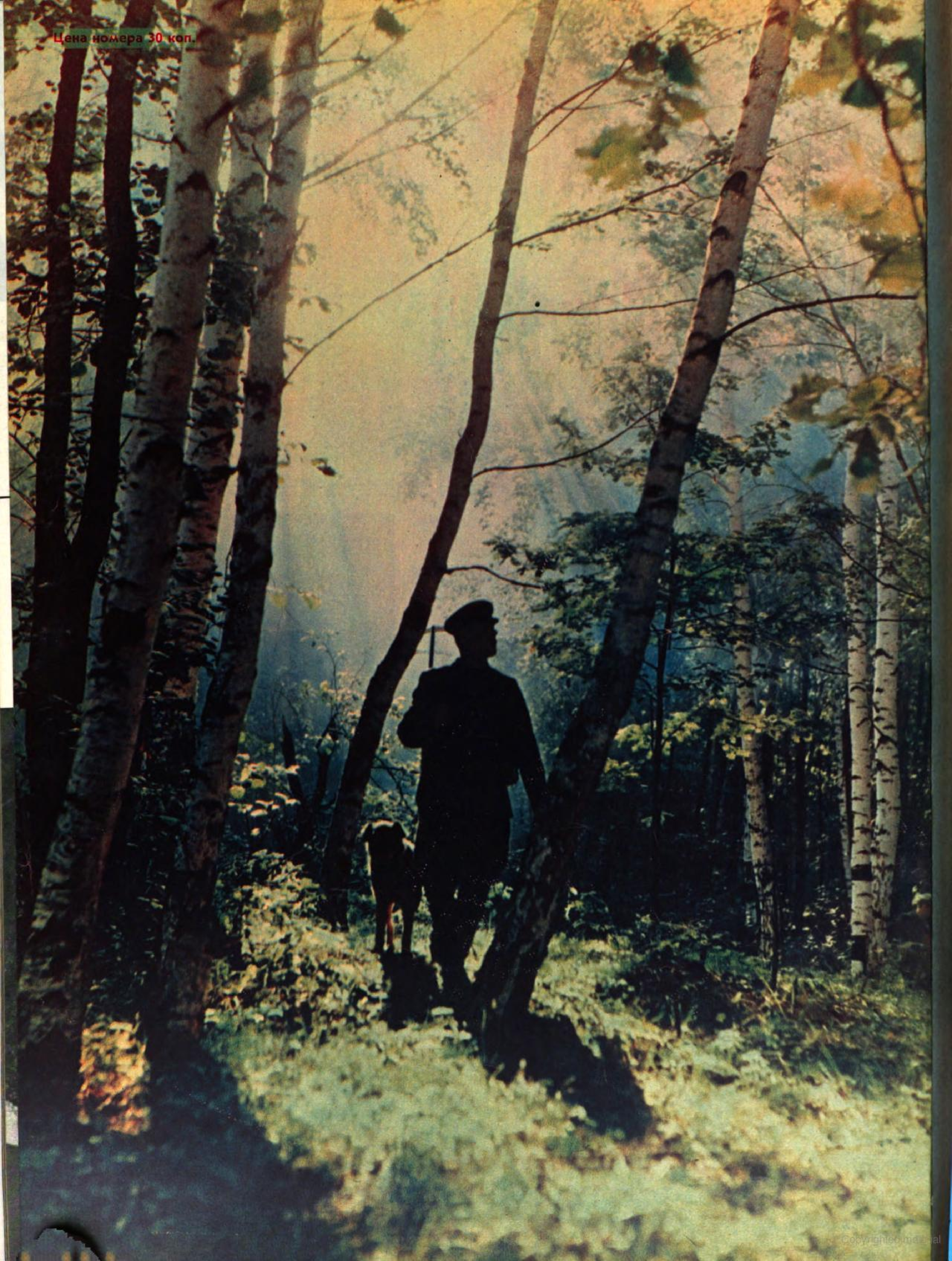
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00328. Подписано к печати 13/IX 1961 г.
Формат бум. 70×108[1]/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1278. Заказ № 2229.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.